

1951

84P1
Q-36

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

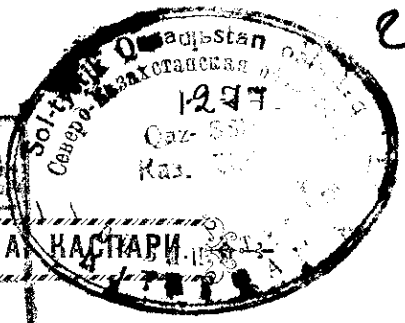
Гавріила Романовича

ДЕРЖАВИНА.

3006
2008750

54

Издательство	Издательство
Издатель	Издатель
ИЗДАНИЕ А. А. НАСТАЯРИ	
Изд. №	Изд. №
Книг. №	Книг. №
г. Петропавловск	г. Петропавловск
190	г.

1950
85

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Книжный складъ журнала „Родина“
 1893.

35-6

X

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 5 Августа 1893 года.

511

5

Гавріиль Романовичъ Державинъ.

3-го іюля 1893 г. исполнилось сто пятьдесятъ лѣтъ со дня рожденія замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ людей, Гавріила Романовича Державина, главнымъ образомъ поработавшаго на пользу роднаго языка и его литературы.

Гавріиль Романовичъ, родъ котораго происходилъ отъ мирзы Брагима, переселившагося въ Россію изъ Большой Орды въ XV вѣкѣ, родился 3-го іюля 1743 г., въ Казанской губерніи.

Родители Державина были люди малообразованные, мать едва умѣла подписать свою фамилію, но къ счастью поэта, за нѣсколько лѣтъ до рожденія Гавріила Романовича, императрицей Анной Іоанновной былъ изданъ законъ, благодаря которому родители должны были позаботиться учить дѣтей. И Державина начали учить.

Для маленькаго Гавріила Романовича рано началась кочевая жизнь. Ему не было еще и года, какъ отецъ его, служившій въ военной службѣ, командированъ былъ въ Яранскъ, потомъ въ Ставрополь, а оттуда въ Оренбургъ. Съ нимъ переѣзжала изъ города въ городъ и семья. Въ Оренбургѣ Державинъ съ братомъ, въ силу закона Анны Іоанновны, былъ «смотрѣнъ», т. е. экзаменованъ въ первый разъ въ губернской канцеляріи. Въ то время жить въ томъ городѣ приговоренный къ каторжной работѣ, но уже прощенный, нѣмецъ Іосифъ Розе. При полной скудости средствъ къ образованію въ отдаленномъ краю, предприимчивый нѣмецъ завелъ въ Оренбургѣ школу

для мальчиковъ и дѣвочекъ, и мѣстное дворянство охотно стало отдавать въ его школу своихъ дѣтей. Поступилъ въ нее и маленький Державинъ. Тутъ онъ выучился читать, писать и говорить по-нѣмецки и получилъ возможность ознакомиться въ подлинникъ съ произведеніями нѣмецкой литературы. Въ ноябрѣ 1754 г. отецъ Державина умеръ, оставивъ семью въ сиротствѣ и крайней бѣдности. Насколько тяжело было положеніе матери Державина, можно судить по разсказу сына, что ей печѣмъ было заплатить 15-ти р. долгу, оставшагося послѣ мужа. Между тѣмъ сосѣди пользовались беззащитностью вдовы, и возвратити часть ея родовой собственности, захваченной еще раньше однимъ изъ нихъ, теперь стало труднѣе. Съ тѣхъ уже поръ Державинъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуешь о томъ въ своихъ запискахъ, никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно, на притѣсненіе вдовъ и сиротъ.

Съ поступленіемъ въ 1759 г. въ казанскую гимназію начинается новый періодъ жизни нашего поэта. Въ гимназіи Державинъ познакомился съ одами Ломоносова, съ трагедіями Сумарокова, съ переводами Тредьяковскаго и, подражая имъ, началъ самъ пробовать писать стихи. Сверхъ поэзіи, особенную охоту выказывалъ онъ «къ предметамъ, касающимся воображенія»: къ рисованію и музыкѣ. Въ гимназіи его чертежи и рисунки до того нравились директору, что онъ захотѣлъ похвастать ими передъ Шуваловымъ, кураторомъ московскаго университета и учредителемъ казанской гимназіи. Шуваловъ, заботившійся о развитіи искусства въ Россіи, былъ пріятно пораженъ неожиданными плодами ученья въ отдаленной полуазиатской окраинѣ Россіи, какою была тогда Казань. По его распоряженію, ученики, работы которыхъ ему представили, были въ награду записаны солдатами въ разные гвардейскіе полки. Державинъ записанъ былъ солдатомъ Преображенскаго полка.

Въ званіи солдата Державинъ провелъ цѣлыхъ десять лѣтъ, при чемъ наряду съ прочими солдатами несъ всѣ тяготы солдатской жизни.

Наконецъ, 1-го января 1772 г., онъ произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ. Но и чинъ этотъ немного обѣщаль ему въ будущемъ. Бѣдность была для него великимъ препятствіемъ. Съ обычной своей смѣлостью и настойчивостью, Державинъ самъ нашелъ для себя выходъ. Для усмиренія пугачевщины назначенъ былъ тогда генераль-аншефъ Бибииковъ, и Державинъ явился къ нему съ предложеніемъ своей службы, въ качествѣ лица, хорошо знакомаго мѣстности, охваченной мятежомъ. Бибиикову понравился смѣлый прапорщикъ, и онъ согласился взять его съ собою, хотя и имѣлъ прежде уже всѣхъ необходимыхъ ему людей. Въ подавленіи мятежа Державинъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе, но, благодаря нерасположенію нѣкоторыхъ лицъ, награжденъ былъ не очень щедро. Ему дали 300 дупгъ въ Вѣлоруссіи, но за то признали неудобнымъ къ военной службѣ и уволили отъ нея съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Въ то время Державинъ сталъ уже извѣстенъ въ литературѣ. Въ первый разъ его трудъ явился въ печати въ 1773 году въ журналѣ «Старина и Новизна», но безъ подписи. Въ томъ-же году онъ напечаталъ въ типографіи академіи наукъ, въ 50 экземплярахъ, оду на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича. Но эти опыты, слабые и раздражительные, прошли незамѣченными. По возвращеніи изъ командировки въ мѣстности, охваченныя пугачевщиной, Державинъ опять попытался явиться въ литературѣ, на этотъ разъ съ небольшимъ собраніемъ своихъ трудовъ, напечатавъ отдѣльною книжкою «Оды... при горѣ Читалогофъ» (гора эта находится около нѣмецкихъ колоній), но опять безъ имени. Въ нихъ замѣтны уже проблески таланта; хотя недостатки ихъ и были очевидны. Литературная дѣятельность ему, повидимому, не давалась; но на службѣ онъ успѣлъ устроиться въ сенатъ, подъ начальствомъ хорошо расположеннаго къ нему генераль-прокурора князя Вяземскаго, въ домѣ котораго онъ былъ принятъ. И здѣсь ему удалось заявить выдающіяся свои способности составленіемъ проекта экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Въ

губернаторствовалъ въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ, былъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II, но подолгу въ должности не удерживался, благодаря своей непокладистости.

Вотъ, напримѣръ, одинъ случай.

При Екатеринѣ у насъ впервые появляются придворные банкиры, исполнявшіе отчасти обязанности министра финансовъ. Первымъ изъ такихъ банкировъ извѣстенъ Фридрихсъ, пожалованный Государыней въ бароны.

Пресмникомъ его былъ Сутерландъ, который впоследствии объявилъ себя банкротомъ. Оказалось, что онъ, вмѣсто отсылки по назначенію суммъ, которыя повѣрялись ему для перевода въ чужіе края, выдавалъ ихъ въ ссуду вліятельнымъ людямъ.

Дѣло это докладывалъ Императрицѣ Державинъ, который былъ правдивъ и нетерпѣливъ. Докладывая дѣло банкира, близкаго къ упадку, онъ прочиталъ Государынѣ его счета; когда онъ дошелъ до одного мѣста, гдѣ было сказано, что одно высокое лицо, не очень любимое Государыней, должно банкиру такую-то сумму, то Императрица замѣтила:

— «Вотъ какъ мотаешь, и на что ему такая сумма?»

Державинъ возразилъ, что князь Потемкинъ занималъ еще больше, и указалъ въ счетахъ, какія именно суммы.

— «Продолжайте», сказала Государыня.

Дошло до другой статьи: опять заемъ того лица.

— «Вотъ, опять! — сказала Императрица съ досадой: — мудро-ли, послѣ этого, сдѣлаться банкротомъ!»

— Князь Зубовъ занялъ больше, сказалъ Державинъ и указалъ на сумму.

Екатерина вышла изъ терпѣнія и позвонила. Вошелъ камердинеръ.

— «Нѣтъ-ли кого тамъ, въ секретной комнатѣ?»

— Поповъ, Ваше Величество, отвѣтилъ камердинеръ.

— «Позови его сюда».

Поповъ вошелъ.

— «Сядьте тутъ, да посидите во время доклада; этотъ господинъ, мнѣ кажется, меня прибить хочетъ».

Въ 1793 г. императрица Екатерина II назначила его сенаторомъ.

Къ неприятностямъ по службѣ присоединилась, нѣсколько времени спустя, тяжелая семейная утрата: 15-го іюля 1794 г. Державинъ лишился жены, такъ нѣжно любившей его и умѣвшей облегчать ему житейскія невзгоды. Поэтъ былъ бездѣтенъ и остался теперь совершенно одинокимъ. Этимъ объясняется, почему черезъ полгода онъ вступилъ въ новый бракъ. Женился онъ на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, невѣсткѣ двухъ друзей его, Львова и Капниста, дѣвушкѣ, которую онъ давно зналъ, которую любила его первая жена, и во взаимности которой онъ могъ заранѣе быть увѣренъ; еще при жизни Екатерины Яковлевны она не скрывала своего расположенія къ ея мужу. Такъ или иначе, но Державинъ нашелъ въ своей женѣ новаго друга, столь необходимаго для него.

Съ воцареніемъ Павла I, Державинъ получилъ должность правителя канцеляріи государственнаго совѣта. Но и тутъ не удержался, какъ не удержался и позднѣе въ должности министра юстиціи, на которую былъ назначенъ императоромъ Александромъ I. Поэтъ «слишкомъ ревностно служилъ».

Отставка не опечалила Державина. Удалившись въ новую свою деревню Званку (Новгородской губ.), онъ предался неутомимой литературной дѣятельности, начавъ писать трагедіи. Лирикъ по всему складу своего таланта, онъ вступилъ на ложный, несвойственный ему путь; но и эти произведенія его блещутъ прекрасными частностями.

Тогда начинались новыя времена для литературы, и карамзинская школа стояла въ прямой литературной враждѣ съ отживающимъ ложно-классическимъ направлениемъ.

Державинъ, однако, былъ настолько чутокъ, что съ уваженіемъ относился къ основателю новаго направления, Карамзину, и къ такимъ представителямъ

«Арзамаса», какъ Жуковский и другіе истинно талантливые люди. Известно, что онъ, «въ гробъ сходя», благословилъ Пушкина.

9-го іюля 1816 года Державина не стало. Онъ умеръ 73-хъ лѣтъ и 5 дней въ своей любимой Званкѣ и похороненъ въ Хутынскомъ монастырѣ въ Новгородѣ.

Въ Казани сооруженъ ему величественный памятникъ.

Кромѣ помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ сочиненій, Державинъ оставилъ послѣ себя интересныя во всѣхъ отношеніяхъ записки, въ которыхъ кромѣ біографическихъ свѣдѣній о жизни самого писателя можно найти массу драгоценныхъ литературныхъ иллюстрацій современной Державину эпохи.

ФЕЛИЦА. (1)

Богородица Царевна }
 Киргизъ-Кайсацкя орды, } (2)
 Которой мудрость несравненна
 Открыла вѣрные слѣды
 Царевичу младому Хлору
 Взойти на ту высоку гору,
 Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
 Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
 Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
 Подай, найти ее, совѣтъ.

Подай, Фелица! наставленье:
 Какъ пышно и правдиво жить,
 Какъ укрощать страстей волненье
 И счастливымъ на свѣтѣ быть?
 Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
 Меня Твой Сынъ прецрвождаетъ;
 Но имъ послѣдовать я слабъ:
 Мятася житейской суетою,
 Сегодня властвую собою,
 А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
 Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
 И пища самая простая
 Бываетъ за Твоимъ столомъ;
 Не дорожа Твоимъ покоемъ,
 Читаешь, пишешь предъ налоемъ, (3)
 И всѣмъ изъ Твоего пера
 Блаженство смертнымъ проливаешь;
 Подобно въ карты не играешь,
 Какъ я, отъ утра до утра;

Не слишкомъ любишь маскарады,
 А въ клубъ не ступишь и ногой;
 Храня обычай, обряды,
 Не донкишотествуешь собой;
 Коня Парнаска не сѣдлаешь, (4)

Къ духамъ въ собранье не вѣзжаешь, (5)
 Не ходишь съ трона на Востокъ;
 Но, кротости ходя стезею,
 Благотворящею душою,
 Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
 Курю табакъ и кофе пью;
 Преображая въ праздникъ будни,
 Кружу въ химерахъ мысль мою:
 То плѣнь отъ Персовъ похищаю,
 То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
 То возмечтавъ, что я Султанъ,
 Вселенну устрашаю взглядомъ;
 То вдругъ прельщаяся нарядомъ,
 Скачу къ портному по кафтанъ, (6)

Или, въ пиру я пребогатомъ,
 Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
 Гдѣ блещетъ столъ серебромъ и златомъ
 Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
 Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
 Тамъ звенья рыбы Астраханской,
 Тамъ пловъ и пироги стоятъ,
 Шампанскимъ вафли запиваю,
 И все на свѣтъ забываю
 Средь винъ, сластей и аромать;

Или, средь роицы прекрасной
 Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
 При звонѣ арфы сладкогласной,
 Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
 Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
 Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
 Томитъ и оживляетъ кровь, —
 На бархатномъ диванѣ лежа,
 Младой дѣвицы чувства нѣжа,
 Вливаю въ сердце ей любовь;

Или, великолѣпнымъ цугомъ

Въ каретѣ Англійской, златой,
 Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
 Или съ красавицею какою,
 Я подь качелями гуляю;
 Въ шинки пить меду заѣзжаю;
 Или, какъ то наскучить мнѣ,
 По склонности моеи къ премѣнѣ,
 Имѣя шанку на бекренѣ,
 Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ; (7)

Или, музыкой и пѣвцами,
 Органомъ и волынкой вдругъ,
 Или, кулачными бойцами (8)
 И пляской веселю мой духъ;
 Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
 Оставя, ѣзжу на охоту,
 И забавляюсь лаемъ псовъ;
 Или, надъ Невскими берегами
 Я тѣшусь по ночамъ рогами
 И греблей удалыхъ гребцовъ; } (9)

Иль, сидя дома, я прокажу,
 Игравъ въ дураки съ женою;
 То съ ней на голубятню лажу;
 То въ жмурки рѣзвимся порой;
 То въ свайку съ нею веселюсь,
 То ею въ головѣ ищуся;
 То въ книгахъ рыться я люблю
 Мой умъ и сердце просвѣщаю:
 Полкана и Бову читаю,
 За Библией, зѣвая, сплю. (10)

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
 Но на меня весь свѣтъ похожъ.
 Кто сколько мудростью ни знатенъ,
 Но всякій человекъ есть ложъ.
 Не ходимъ свѣта мы путями,
 Бѣжимъ разврата за мечтами.
 Между лѣнтяемъ и брюзгой, (11)
 Между тщеславья и порокомъ,

Нашель кто развѣ не нарокомъ
Путь добродѣтели прямой?

Нашель: но лъзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семь пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды;
Вездѣ соблазнъ и леть живеть;
Пашей всѣхъ роскошь угнѣтаетъ,
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шивовъ растеть?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сѣеры стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣлыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормчикъ, черезъ понть плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревуцій,
Умѣеть судномъ управлять.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь;
Ляиъ зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь:
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только рефмы можетъ плестъ,

А что сія ума забава
 Калифовъ добрыхъ честь и слава,
 Снисходишь Ты на лирный ладъ:
 Поэзія Тебѣ любезна,
 Приятна, сладостна, полезна,
 Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
 Что Ты нимало не горда,
 Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ
 Приятна въ дружбѣ и тверда;
 Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
 А въ славѣ такъ великодушна,
 Что отреклась и Мудрой слыть.
 Еще же говорить не ложно,
 Что будто навсегда возможно,
 Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
 Достойное Тебя одной,
 Что будто Ты народу смѣло
 О всемъ, и въявь, и подъ рукою,
 И знать и мыслить позволяешь, ⁽¹²⁾
 И о Себѣ не запрещаешь
 И быль и небыль говорить;
 Что будто самымъ крокодиламъ,
 Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
 Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ приятныхъ рѣки
 Изъ глубины души моей.
 О, коль счастливы человеки
 Тамъ должны быть судьбой своей,
 Гдѣ Ангель кроткій, Ангель мирный,
 Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
 Съ небесъ пизносланъ скиптръ носитъ!
 Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
 И казни не боясь, въ обѣдахъ } ⁽¹³⁾
 За здравіе Царей не пить;

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
 Въ строкѣ описку поскоблить,
 Или портретъ неосторожно
 Ея на землю уронить; } (13)
 Тамъ свадебъ шутовскихъ не парять,
 Въ медовыхъ баняхъ ихъ не жарять, (14)
 Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
 Князья насѣдками не клохчуть,
 Любимцы въявь имъ не хохочуть, } (15)
 И сажей не мараютъ рожь.

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
 И челоуѣковъ и Царей:
 Когда Ты просвѣщаешь нравы,
 Ты не дурачишь такъ людей;
 Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья,
 Ты пишешь въ сказкахъ поученья, (16)
 И Хлору въ азбукѣ твердишь:
 «Не дѣлай ничего худова,—
 И самаго сатира злова
 Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».

Стыдишься слыть Ты тѣмъ Великой,
 Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
 Медвѣдицѣ прилично дикой
 Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
 Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
 Тому ланцетовъ нужны ль средства,
 Безъ нихъ кто обойтиса могъ?
 И славно ль быть тому тираномъ,
 Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
 Кто благостью великъ, какъ Богъ.

Фелицы слава — слава Бога,
 Который брани умирилъ, (17)
 Который сира и убога
 Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
 Который окомъ лучезарнымъ
 Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
 И праведнымъ Свой свѣтъ дарить,

Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоить, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творить;

Который даровалъ свободу } (18)
Въ чужія области скакать, }
Позволилъ Своему народу
Сребра и золота искать; (19)
Который воду разрѣшаетъ, (20)
И лѣсъ рубить не запрещаетъ; (21)
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки, } (22)
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.—
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находить?
Гдѣ мечь не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сияютъ?—
У Трона развѣ Твоего!

Но гдѣ Твой Тронъ сіяетъ въ мирѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтеть?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?
Послушай, гдѣ Ты не живешь;
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки, иль бешмета
За нихъ я отъ Тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка:
Да праха ногъ Твоихъ коснусь!
Да словъ Твоихъ сладчайша тока

И лицедрѣнья наслаждусь!
 Небесныя прошу я силы,
 Да ихъ простря сафирны крылы,
 Невидимо Тебя хранятъ
 Отъ всѣхъ болѣзней, золь и скуки!
 Да дѣль Твоихъ въ потомствѣ звуки,
 Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1782 году; напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ въ 1783 году.

(2) Здѣсь подъ видомъ Киргизской Царевны Фелицы представляется Императрица Екатерина. Известно, что Она сочинила сказку о Царевичѣ Хлорѣ, котораго Фелица, то есть богиня счастья, сопровождала на гору, гдѣ растеть роза безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели. Авторъ имѣлъ свои деревни въ Оренбургской губерніи, въ сосѣдствѣ Киргизской орды, которая числится въ подданствѣ Россіи.

(3) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ: Грамотою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими учрежденіями.

(4) Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала; а когда надобны были стихи, то давъ мысль, поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и проч.

(5) Императрица не любила масоновъ, и не ѣздила къ нимъ въ ложу, какъ дѣлали многіе знатные.

(6) Относится къ прихотливому нраву покойнаго Свѣтлѣйшаго Князя Таврическаго.

(7) Относится къ Графу Алексію Григорьевичу Орлову, который любилъ ристалища сего рода.

(8) Относится къ нему же, какъ къ охотнику до всякаго молодчества Русскаго и до Русскихъ пѣсень.

(9) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

(10) Авторъ, служа при покойномъ Князѣ Вяземскомъ, читывалъ передъ нимъ разные романы, до которыхъ Князь былъ большою охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

(11) Въ сказкѣ Императрицы о Царевичѣ Хлорѣ, вельможи Царевны Фелицы названы лѣвтяемъ и брюзгой. Сколько известно, Она подъ сими именами разумѣла Князя Потемкина и Князя Вяземскаго, потому, что первый, ведя жизнь роскошную, а второй, управляя Государственнымъ Казначействомъ, часто требовали денегъ.

(12) Императрица, подобно Императору Транну, была снисходительна къ злорѣчію на Ея счетъ; можно много представить тому примѣровъ.

(13) Всѣ эти стихи напоминаютъ въ противоположность тѣ вре-

мена, когда и незначительные случаи были почитаемы преступленіями.

(¹⁴) Относится къ извѣстной забавной свадьбѣ Князя Голицына въ царствованіе Государыни Анны Іоанновны: тогда построенъ былъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже были ледяныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время свадебной церемоніи; за нею послѣдовала богатый маскарадъ.

(¹⁵) Относится къ тѣмъ временамъ Русскаго Двора, въ которыхъ былъ обычай держать при Дворѣ разныхъ забавниковъ, отличавшихся веселыми, а часто и грубыми шутками.

(¹⁶) Императрица Екатерина, въ часы отдохновенія отъ дѣлъ, забавлялась упражненіями, свойственными просвѣщенному Евѣку. Она писала шутивыя оперы и комедіи, какъ-то: *Обманщикъ*, *Одуля съ дѣтми*, *Недоумки*, и проч. Для Великихъ Князей, Александра и Константина, сочинила особую Азбуку съ разными правоученіями и проч.

(¹⁷) Сей куплетъ относится къ мирному времени по окончаніи первой Турецкой войны въ 1774 году. Въ теченіе сего времени возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, какъ-то: Воспитательный Домъ, публичныя больницы и проч.

(¹⁸) Относится къ разнымъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины къ народному благоденствію.

(¹⁹) Императрица издала указъ о свободномъ промыслѣ присковаго золота и серебра во владѣніяхъ каждаго, и предоставила таковыя металлы въ собственность владѣльцу, тогда, какъ прежде открытое золото и серебро должно было все поступать въ казну.

(²⁰) Императрица дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

(²¹) Снята запрещенная порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ.

(²²) Разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ свѣдѣнія Мануфактуръ-Коллегіи нельзя было дѣлать.

Сказка «О Царевичѣ Хлорѣ» была поводомъ сочинителю написать оду Фелицѣ; Государыня любила умныя шутки, почему и написала сама: «Если авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ Императрицѣ тогда приближенныхъ, то не по злорѣчю, а единственно въ общемъ видѣ челоуѣчества».

При всемъ томъ авторъ, опасаясь, чтобъ не оскорбить кого лично, пригласилъ пріятелей своихъ: Николая Александровича Львова и Василья Васильевича Капниста, и прочелъ имъ свое сочиненіе. Они положили, чтобъ сихъ стиховъ въ свѣтъ не выпускать; поэтому сія ода дѣлалъ годъ была въ неизвѣстности.

Въ одно утро автору понадобились нѣкоторыя бумаги, лежавшія въ его бюро, гдѣ сохранилась и эта піеса; разбирая ихъ, онъ выложилъ сію оду на стѣлѣ Козодавлева (бывшій потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) жилъ съ Державнымъ въ одномъ домѣ: войдя нечаянно въ комнату, увидѣлъ піесу, прочелъ нѣсколько строкъ и просилъ автора неотступно повѣрить ему стихи сіи на часъ, чтобы только прочитавъ ихъ теткѣ его, г-жѣ Пуш-

киной, которая страстно любила стихотворство и предпочтительно поэзію Державина: такимъ образомъ Козодавлевъ получилъ ихъ съ общаніемъ никому не показывать, и часа черезъ два возвратилъ.

Нѣсколько дней спустя, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, покровитель автора Державина, подъ его начальствомъ нѣкогда воспитывавшійся въ Казанской Гимназіи, присылаетъ къ нему просить его къ себѣ. Державинъ пріѣхалъ къ Шувалову, и нашелъ его въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ Шуваловъ его, что дѣлать ему: отослать ли его стихи къ Князю Потемкину, который былъ тогда въ великой силѣ у Двора, и ихъ требовалъ, или не отсылать?—«Какіе стихи?» спросилъ авторъ.—«Мурзы къ Фелицѣ», отвѣчалъ Шуваловъ.—«Какъ вы ихъ знаете? Развѣ они были у васъ?»—«Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ».—«Но какъ же Князь Потемкинъ узналъ о томъ?»—«Вчера обѣдали у меня Графъ Безбородко, Графъ Завадовскій, Стрекаловъ и другіе любители Литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а Стрекаловъ, изъ подслуги Князю Потемкину, рассказалъ ему все, что тамъ сказано на его счетъ. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» Державинъ, подумавъ, сказалъ: «Извольте отослать какъ они есть: если мы что выкинемъ, то покажемъ умыселъ на личное оскорбленіе Князя, чего у меня и въ умѣ никогда не было; а стихи писаны шуточно на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего». Потомъ авторъ уѣхалъ домой, крайне озабоченный симъ случаемъ и, призвавъ къ себѣ искренняго своего друга, Львова, бывшего домашнимъ членомъ у Графа Безбородко, просилъ его развѣдать мнѣніе Графа о семъ предметѣ и на случай, если Императрица спроситъ о стихахъ, предупредить его, что ни какого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ тутъ не было, а стихи писаны изъ одной шутки, и для пріятелей оставлены безъ огласки, сдѣлались же извѣстными по одной нескромности Козодавлева.

Львовъ исполнилъ просьбу автора. Неизвѣстно, посылалъ ли Шуваловъ стихи къ Князю Потемкину; но нѣсколько времени сочиненіе это не доходило до свѣдѣнія Императрицы.

Въ 1783 году опредѣлена была Княгиня Дашкова Директоромъ Академіи Наукъ, а Козодавлевъ Совѣтникомъ. Для распространенія Русской Словесности она издавала отъ Академіи журналъ. Козодавлевъ безъ авторскаго позволенія принесть ей сіе сочиненіе для помѣщенія въ семь журналъ, называвшемся *Собесѣдникъ*. Княгиня приказала въ немъ помѣстить оное, и въ первое воскресенье (день, въ который она обыкновенно ѣздила къ Императрицѣ съ докладомъ) поднесла Ей *Собесѣдникъ*, на первой страницѣ котораго помѣщены были стихи Фелицѣ подъ заглавіемъ: «Ода премудрой Киргизъ-Кайсапкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, и живущимъ по дѣламъ въ С.-Петербургѣ. Переводъ съ Арабскаго Языка». Въ понедѣльникъ Императрица призываетъ Княгиню къ себѣ. Княгиня, войдя къ Государынѣ, увидѣла Ее въ

слезахъ; книжка Собесѣдника была въ рукѣ Ея. «Откуда взято сіе сочиненіе и кто писалъ его?» спросила Императрица.—Княгиня, въ перѣшности, что отвѣчать Государынь, нѣсколько замѣшалась; но Екатерина сказала: «Не опасайтесь; Я только васъ о томъ спрашиваю, кто бы такъ коротко могъ знать Меня и умѣлъ такъ Меня описать, что, видишь, я плачу!» Тутъ Княгиня назвала ей автора и говорила въ его пользу. Нѣсколько дней спустя, когда Державинъ обѣдалъ у начальника своего, Князя Вяземскаго, вскорѣ послѣ обѣда говорятъ ему, что почтальонъ принесъ ему письмо; Державинъ читаетъ надпись: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны къ Мурзѣ» развертываетъ пакетъ, и находитъ золотую табакерку, усыпанную брилліантами, и въ ней 300 червонныхъ; придти къ Князю, спрашиваетъ, прикажетъ ли онъ принять присланный ему изъ Оренбурга подарокъ? Князь, взглянувъ на него сурово, спросилъ: «Какой?» Державинъ показываетъ подарокъ.—«Возьми, братецъ», отвѣчалъ онъ, «когда жалуютъ». Между тѣмъ Княгиня Дашкова увѣдомила автора, что она поднесла его сочиненіе Государынь; чрезъ нѣсколько дней приказано было сочинителя представить Ея Величеству; съ тѣхъ поръ Державинъ Ей сталъ извѣстенъ какъ *Сочинитель*.—Фелица доставила ему извѣстность во всей Россіи.

Вскорѣ засимъ, какъ обыкновенно случается, авторъ понесъ неблаговоленіе своего начальника за то, что онъ не чрезъ него, а другимъ путемъ достигъ милостиваго возвращенія Императрицы, и нѣсколько выпутался изъ той зависимости, которая почти держитъ способнаго человѣка какъ бы за перегородкой.

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ. (1)

На темноголубомъ ээирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блισταючи съ высотъ, она
Сквозь огна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ;
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Крона забвенія рососою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ баннями дремалъ,

Нева изъ урны чуть мелькала,
 Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкала;
 Природа въ тишину глубоку
 И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
 Мертва казалась слуху, оку,
 На высотѣ и въ глубинѣ;
 Лишь вѣяли одни зефиры,
 Прохладу чувствамъ принося.
 Я не спалъ, — и, со звономъ лиры
 Мой тихій голосъ соглася,
 «Блаженъ», воспѣлъ я: «кто доволенъ
 Въ семь свѣтѣ жребіемъ своимъ,
 Обилень, здравъ, покоенъ, воленъ
 И счастливъ лишь собой самимъ;
 Кто сердце чисто, совѣсть праву
 И твердый нравъ хранить въ свой вѣкъ,
 И всю свою въ томъ ставить славу,
 Что онъ лишь добрый человѣкъ;
 Что карлой онъ и великаномъ,
 И дивомъ свѣта не рожденъ,
 И что не созданъ истуканомъ,
 И оныхъ чтить не принужденъ;
 Что всѣ сего блаженства міра
 Находить онъ въ семьѣ своей;
 Что нѣжная его Пльнира
 И вѣрныхъ нѣскольکو друзей
 Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
 Дѣлить и скуку и труды! —
 Блаженъ и тотъ, кому Царевны
 Какой бы ни было орды,
 Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ, (2)
 И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
 Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
 Украдкой отъ придворныхъ лицъ, (3)
 За росказни, за растабары,
 За вирши или за что нибудь,
 Исподтишка драгіе дары } (4)
 И въ досканцахъ червоицы шлютъ;
 Блаженъ...» Но съ рѣчью сей внезапно
 Мое все зданье потряслось:

Раздвиглись стѣны и стократно
 Ярче молній пролилось
 Сіянье вокругъ меня небесно;
 Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
 Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
 Сошла со облаковъ жена;
 Сошла, — и жрицей очутилась, } (5)
 Или богиней предо мной.
 Одежда бѣлая струилась
 На ней серебряной волной;
 Градская на главѣ корона,
 Сіяль при персяхъ поясъ златъ;
 Изъ черноогненна виссона }
 Подобный радугѣ, нарядъ } (6)
 Съ плеча деснаго полосою
 Висѣлъ на лѣвую бедру;
 Простертой на алтарь рукою
 На жертвенномъ она жару,
 Сжигая маки благовонны,
 Служила вышню Божеству.
 Орель полунощный, огромный,
 Сопутникъ молній торжеству,
 Геройской провозвѣстникъ славы,
 Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
 Священны блюлъ ея уставы;
 Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
 И лавръ съ оливными вѣтвями
 Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
 Сафиросвѣтлыми очами,
 Какъ въ гнѣвѣ, или въ жару, блеснувъ,
 Богиня на меня воззрѣла.
 Пребудеть образъ вѣкъ во мнѣ, } (7)
 Она который впечатлѣла! —
 «Мурза!» она вѣщала мнѣ:
 «Ты быть себя счастливымъ чаешь,
 Когда по днямъ и по ночамъ
 На лирѣ ты своей играешь
 И пѣсни лишь поешь Царямъ.
 Вострепещи, Мурза несчастный!
 И страшны истины внемли,

Которымъ стихотворцы страстны
 Едва ли вѣрятъ на земли;
 Одно къ тебѣ лишь доброхотство
 Мнѣ ихъ открыть велить. Когда
 Поэзія не сумазбродство,
 Но вышній даръ боговъ: тогда
 Сей даръ боговъ кромѣ лишь къ чести
 И къ поученію ихъ путей
 Быть долженъ обращенъ, не къ лести
 И тлѣнной похвалѣ людей.
 Владыки свѣта люди тѣ же,
 Въ нихъ страсти, хотъ на нихъ вѣнцы;
 Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
 А гдѣ поэты не льстецы?
 И ты Сирень поющихъ грому,
 Въ вредъ добродѣтели не строй;
 Благотворителю прямому
 Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
 Хрянящій мужъ честные правы,
 Творяй свой долгъ, свои дѣла,
 Царю приноситъ больше славы,
 Чѣмъ всѣхъ пѣнцовъ похвала. —
 Оставь нектаромъ наполненну
 Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.» —
 Кого я зрю столь дерзновенну,
 И чьи уста меня разятъ?
 «Кто ты? Богиня, или жрица?»
 Мечту стоящу я спросилъ.
 Она рекла мнѣ: — Я Фелица!
 Рекла — и свѣтлый облакъ скрылъ
 Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
 Божественны Ея черты;
 Куреніе мастижь безцѣнныхъ
 Мой домъ и мѣсто то цвѣты
 Покрыли, гдѣ Она явилась.
 Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!...
 Душа моя за ней стремилась,
 Но я за Ней не могъ идти:
 Подобно громомъ оглушенный,
 Безчувственъ я, безгласенъ былъ;

Но, токомъ слезнымъ орошенный,
 Пришелъ въ себя и возгласилъ:
 «Возможно ль, кроткая Царевна!
 И Ты къ Мурзѣ чтобъ Своему
 Была сурова столь и гнѣвна,
 И стрѣлы къ сердцу моему
 И Ты, и Ты чтобы бросала,
 И пламени души моей
 Къ себѣ и Ты не одобряла?
 Довольно безъ тебя людей, }
 Довольно безъ тебя поэту, } (8)
 За каждую мысль, за каждый стихъ,
 Отвѣтствовать лихому свѣту,
 И отъ сатиръ щититься злыхъ!
 Довольно золотыхъ кумировъ,
 Безъ чувствъ мой что пѣсни чли;
 Довольно Кадіевъ, Факировъ,
 Которы въ зависти сочли
 Тебѣ ихъ неприличной лестью;
 Довольно нажилъ я враговъ!
 Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
 Что не деруть его усовъ;
 Иному показалось больно,
 Что онъ насѣдкой не сидить;
 Иному — очень своевольно
 Съ Тобой Мурза Твой говорить,
 Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
 Что я посланницей Небесъ
 Тебя быть мыслилъ въ восхищенъѣ
 И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
 И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
 А тотъ соленыхъ огурцовъ;
 Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
 Что я не изъ числа льстецовъ;
 Что сердца моего товаровъ
 За деньги я не продаю,
 И что не изъ чужихъ анбаровъ
 Тебѣ наряды я крою;
 Но, Выщеносна добродѣтель!
 Не лестъ я пѣлъ и не мечты,

А то, чему весь міръ свидѣтель;
 Твои дѣла суть красоты. —
 Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
 И въ шуткахъ правду возвѣщу;
 Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
 Какъ лучъ, потомству сообщу;
 Какъ солнце, какъ луну, поставлю
 Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
 Превознесу Тебя, прославлю;
 Тобой безсмертенъ буду самъ!

(1) Сочинено въ Петербургѣ въ 1783 г. Мая 9 дня, напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ въ томъ же году.

(2) Въ Царскомъ Селѣ находится донныя одна комната Императрицы Екатерины, убранныя вся янтарями, а другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзбою; въ третьей были арабски изъ перламутра.

(3) Императрица показывала видъ, будто бы не къ Ней относилась Ода къ Фелицѣ, и потому подарокъ автору посланъ былъ безъ огласки.

(4) Въ старину въ Россіи табаку и табакерокъ не знали, а держали на мѣсто ихъ *доскащы*, небольшіе ящички и коробки, въ которыхъ сохраняли разные мелочи, принадлежащія къ уборамъ.

(5) Вся сія картина, по самый стихъ

Держалъ, какъ будто бы уснулъ —

подлинный списокъ съ портрета Императрицы Екатерины, писаннаго Левицкимъ.

(6) Описаніе Владимірскаго ордена, который Императрица по написаніи Ею Учрежденія о Губерніяхъ, возложила на Себя, какъ награду за труды Свои, обьявивъ себя Гросмейстеромъ сего ордена.

(7) Авторъ представленъ былъ Императрицѣ въ воскресенье, въ Кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей. Государыня, подходя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и окинувъ автора быстрымъ взоромъ, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго взора авторъ не могъ забыть никогда.

(8) Авторъ давалъ чувствовать Государынѣ, что и безъ Ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ Она дарила экземпляры Фелицы, подчеркнувъ тѣ строки, что до кого относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: иные говорили, что она слишкомъ смѣло писана, а другіе что льстиво; почему Державинъ и повторилъ въ «Видѣніи Мурзы» нѣкоторые стихи изъ Фелицы, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками:

«Иной отнесъ себѣ къ безчеству,

Что не деруть его усовъ...»

Наконецъ въ стихахъ:

*И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ...*

авторъ напоминаетъ прихоти знатныхъ особъ, тогда жившихъ роскошно и съ большими причудами. Кому неизвѣстно, что нарочные курьеры скакали по государству за канустою и солеными огурцами.

КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ. (1)

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ Внукъ,
Сынъ матери премилосердной,
Сестерь и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ супругъ милой, вѣрной,
О ты, чей ростъ, и взоръ, и станъ
Есть Витязя, породы Царской,
Который больше другъ, чѣмъ Ханъ
Орды, страны своей Татарской!
Послушай, неба Серафимъ,
Низпосланный счастливить смертныхъ,
Что пишетъ Солнце въ сынъ, Браминъ,
Желая благъ тебѣ несмѣтныхъ:

Достигъ незапно громкій слухъ
До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
Что будто Зороастровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ,
И воплотяся въ Тебѣ, о, Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ престолѣ.
Дабы расцвѣлъ добротъ соборъ
На немъ, неслыханныхъ дотолѣ.

Такъ точно, говорятъ: что Ты
Какой-то чудный есть владѣтель;
Души и тѣла красоты
Совокупя на добродѣтель,
Быть хочешь всѣхъ земныхъ Владыкъ
Страшнѣй, не страхомъ, но любовью;
Блаженствомъ подданныхъ великъ,
Не покоренемъ царствъ и кровью.

Такъ шепчуть: будто саму власть,
 Въ Твоихъ рукахъ самодержавну,
 Господства безпредѣльную страсть,
 Ты чтить за власть самоуправну;
 Что будто мудрая та блажь
 Нерѣдко въ умъ Тебѣ приходитъ,
 Что Царь законовъ только стражь,
 Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
 И ставить въ томъ въ примѣръ себя;
 Что Ты живешь лишь для народовъ,
 А не народы для Тебя,
 И что не выше Ты законовъ;
 А тѣхъ Пашей, Эмировъ, Мурзъ
 Не любишь и не терпишь точно,
 Что, сами ползая средь узъ,
 Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
 И бить себѣ велятъ челомъ;
 Что Ты не кажешься имъ Богомъ,
 Не ѣздя на Царяхъ верхомъ;
 Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;
 Что не стирая съ туфлей прахъ
 У Муфтьевъ, Дервишей, Имановъ,
 Въ сѣдыхъ считаешь бородахъ
 Ихъ гласъ за гласъ ты Алкорановъ;
 Что, чувствуя въ Себѣ одномъ,
 Ты власть Небесъ, а слабость смертныхъ,
 Имъ разбирать Себя судомъ
 Велишь чрезъ гражданъ частныхъ, честныхъ:
 Раздоры миромъ прекращать,
 Закону съ совѣстью поладить,
 И больше шерсть чтобъ не терять,
 Овцамъ въ репейники не лазить. (2)

Еще толкуютъ тожь: что гласъ
 Къ Тебѣ народа тайно входитъ;
 Что тысячью Ты смотришь глазъ,
 И въ шапкѣ невидимкѣ бродитъ
 Вездѣ твой духъ, — и на коврахъ
 Летаетъ будто самолетахъ,
 Въ чалмахъ, жупанахъ, чеботахъ.

А нужно гдѣ, то и въ жилетахъ,
 Чтобъ какъ нибудь невинность спасти;
 И словомъ: многими путями
 Ты кротку простирая власть,
 Какъ солнце, грѣешь міръ лучами;

И даже будто бы съ Собой
 Дашь Ты случай всѣмъ встрѣчаться,
 Писать на голубахъ, съ тобой ⁽³⁾
 Такъ-сякъ и лично объясняться;
 И злость и глупость на позоръ
 Печатавъ, выставяли листами;
 Молоть языкомъ всякій вздоръ,
 И въ лавкахъ торговать умами;
 И будто Ты, увидя разъ
 Лису, иль волка въ агнчей кожѣ,
 Въ мигъ отъ Своихъ сгоняешь глазъ,
 Хотя бь ихъ зрѣль въ какомъ Вельможѣ.

А наконецъ, хотя и Ханъ,
 Но такъ Ты чудно, странно мыслишь,
 Что будто на Себѣ кафтанъ }
 Народу подлежащимъ числишь; } ⁽⁴⁾
 Пировъ богатыхъ не даешь,
 Убранство, роскошь презираешь,
 Въ чертогахъ низменныхъ живешь, }
 Царицу четверней катаешь, } ⁽⁵⁾
 И ходя иногда пѣшкомъ,
 Ты по садамъ цвѣты срываешь,
 Но злата не соришь мѣшкомъ;
 Торопишься въ дѣлахъ не скоро;
 Такъ пьешь, чтобъ послѣ не пороть;
 Мнишь, не доходомъ въ домѣ спорю,
 А гдѣ умѣренный расходъ.

И подлинно, весьма чудесный
 Бывалъ ли гдѣ такой Султанъ
 Да Оромазь блюдетъ небесный
 Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ,
 И всю Твою орду Татарскую.

3006

Да ангель самъ Инсфендармасть, ⁽⁷⁾
 Покрывъ главу крылами Ханску,
 Съ своихъ Тебя не спустить глазъ,
 И узелъ укрѣпить священный } ⁽⁸⁾
 На поясѣ Твоёмъ всегда!
 Да ароматомъ растворенный
 Твой огонь не гаснетъ никогда,
 И я дивлюсь и восхищаюсь
 Лишь добродѣтелямъ Твоимъ,
 Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь,
 И коей подношу здѣсь гимнъ!
 Въ хвалу Тебѣ, и въ присвоеные
 Ея красота и всѣхъ потребъ,
 Да имя, Хлоръ, Твое, правленье,
 Напишется на дскѣ судебъ.

Когда же подлая и даже подкупная,
 Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость,
 На насъ пролетѣть свой ядъ, — простимъ имъ грѣхъ,
 вѣдыхая:
 Не преидуть бѣдныя чрезъ Аримановъ мость. ⁽⁹⁾

(7) Сочинено въ деревнѣ автора Званкѣ въ 1802 году; напечатано въ 1803 году на особыхъ листкахъ.

(8) Сей стихъ и предъидущіе относятся къ правиламъ третейскаго Совѣстнаго Суда, которыя въ то время, по порученію Государя Александра Павловича, были написаны Державинымъ, и Высочайше одобрены; но какъ все то, что отнимаетъ у многихъ способы къ терпимой и принятой въ обычай наживѣ, отличая одного предъ другими, возбуждаетъ пересуды и зависть: то и сіе образованіе примирительнаго суда не приведено въ дѣйствіе, и тяжущіеся остались, какъ обыкновенно водится, въ видѣ овецъ, которыя изъ репейника, не теряя шерсти, выйти не могутъ.

(9) Извѣстно, что въ Египтѣ посредствомъ голубей пересылаемы были письма изъ одного города въ другой. Симвъ стихомъ изображается, что перѣдко доходили къ Императору письма неизвѣстными путями, какъ бы приносимыя птицами.

(4) Александръ, присутствуя однажды въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ былъ и Державинъ, сказалъ по случаю требованія денегъ на нѣкоторые не весьма нужные расходы: «Деньги принадлежать не Мнѣ, но Государству»

(5) Государь сей уклонялся отъ великолѣпія и роскоши, жилъ лѣтомъ близъ самаго города на Каменномъ Острову въ небольшомъ домѣ, и тѣмъ облегчалъ тѣхъ, которые обязаны были видѣть

Его по службѣ. Самъ Онъ и Императрица ѣздили всегда съ однимъ лакеемъ, въ четыре лошади.

(⁶) Императоръ Александръ, при умѣренномъ расходѣ на Свой Дворъ, остатки отъ назначенныхъ на оной суммъ употреблялъ на покупку крестьянъ отъ помѣщиковъ, и приказывалъ причислять ихъ къ поселянамъ государственнымъ.

(⁷) Въ книгѣ Зендъ-Авеста, или въ законахъ, писанныхъ Зороастромъ, ангель Инсфендармасъ почитается покровителемъ всей Индіи.

(⁸) Брамины носили на поясахъ своихъ нѣсколько таинственныхъ узловъ, тщательно берегли и сохраняли ихъ, наблюдали еще при томъ, чтобъ не угасалъ священный огонь.

(⁹) Ариманъ, злой духъ, по вѣрѣ Персовъ-огнепоклонниковъ. Они утверждаютъ, что послѣ смерти людей, души ихъ переходятъ чрезъ мостъ Аримана, и грѣшныя свертываются съ моста въ бездонную бездну.

Четыре послѣдніе стиха написаны были потому, что тогда ходили по рукамъ оскорбительные стихи противъ автора.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЪ. (¹)

Предшественница дня златаго,
Весення утрення заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведеть къ намъ звѣзднаго царя,
Румяный взоръ свой ослабляетъ
На чела горь, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по ээиру
Летять и разсѣкають мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;
Бѣгутъ толпами тѣни черны:
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещеть брегъ въ рѣкѣ зеленый;
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ;

Тамъ степи, какъ моря, струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ тучи журавлей стадаются,

Волторнъ съ высотъ пуская громъ;
 Тамъ небо всюду лучезарно
 Янтарнымъ пламенемъ блестить:
 Мое такъ сердце благодарно
 Къ Тебѣ усердіемъ горить.

Къ Тебѣ усердіемъ, Фелица,
 О, кроткій Ангелъ во плоти!
 Которой разумъ и десница
 Намъ кажутъ къ счастію пути.
 Когда Тебѣ въ неліцебѣрномъ
 Угодна слогъ простота,
 Внемли . . . . . Но въ чувствіи безмѣрномъ
 Мои безмолствуютъ уста.

Когда поверхъ струистой влаги
 Благопріятный дунеть вѣтръ,
 Попутны вострещутъ флаги
 И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
 За кораблемъ серебро грядою:
 Тогда испустятъ гласъ плывцы,
 И съ восхищенною душою
 Вселенной полетятъ въ концы:

Когда небесный возгорится
 Въ Пятъ огонь, онъ будетъ пѣть;
 Когда отъ бремя дѣлъ случится
 И мнѣ свободный часъ имѣть:
 Я праздности оставлю узы,
 Игры, бесѣды, суеты;
 Тогда ко мнѣ прійдутъ Музы
 И лирой возгласишься Ты!

(1) Сочинено въ 1783 году, вскорѣ по полученіи подарка, и напечатано въ Собесѣдникѣ, въ томъ же году.

Стихи сіи написаны въ изъявленіе благодарности за милость. Въ послѣдней строфѣ сочинитель, имѣя въ виду, что нѣкоторые въ то время извѣстныя особы почитали поэтовъ людьми лѣнливыми и неспособными къ дѣламъ, говоритъ:

«Когда небесный возгорится
 Въ Пятъ огонь, онъ будетъ пѣть!»

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ. (1)

Рафаэль! живописецъ славный,
 Творецъ искусствомъ естества!
 Рафаэль чудный, безприкладный,
 Изобразитель Божества!
 Умѣлъ ты кистию свободной
 Непостижимость написать:
 Умѣй моей богоподобной
 Царевны образъ начертать.

Изобрази Ея мнѣ точно
 Осанку, возрастъ и черты,
 Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
 Ея и сердца красоты,
 И духа чувства возвышенны,
 И разума Ея дѣла;
 Фелица, Ангелъ воплощенный,
 Въ твоей картинѣ бы жила!

Небесно-голубые взоры (2)
 И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
 Сквозь мракъ времянь, стихіевъ споры,
 Блестали бы, какъ ясный день;
 Какъ утрення заря весення,
 Такъ улыбалась бы Она;
 Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
 Такъ возвышалась бы, стройна.

Какъ пальма клонить благовонну
 Вершину и лице свое,
 Такъ тиху, важну, благородну
 Ты поступи напиши Ес. —
 Коричными чело власами,
 А перломъ перси осѣни:
 Премудрость и любовь устами,
 Какъ розы дышуть, извясни.

Представь въ лицѣ Ея геройство,
 Въ очахъ величіе души;

Премилосердо, нѣжно свойство
 И снисхожденъе нащии;
 Не позабудь пріятность въ нравѣ
 И кроткій гласъ Ея рѣчей;
 Во всей изобрази ты славу
 Владычицу души моея

Одѣнь въ доспѣхи въ брони златы, } (3)
 И въ мужество Ея красы, }
 Чтобъ шлемъ блисталъ на Ней пернатый,
 Зефиры вѣяли власы;
 Чтобъ конь подъ Ней главой крушился,
 И бурно броды опѣнялъ;
 Чтобъ Нордъ сѣдый Ей удивился
 И обладать собой избралъ.

Избралъ — и, падши на колѣна, (4)
 Поднесъ бы скиптръ Ей и вѣнецъ,
 Она, мольбой его смягченна
 И ставъ владычицей сердець,
 Безстрашно бѣ узы разрѣшила
 Издревле скованныхъ цѣпями;
 Свободой бы рабовъ плѣвила
 И нарекла Себѣ дѣтьми. (5)

Престоль Ея на Скандинавскихъ, (6)
 Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
 Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
 Поставъ на сорокъ двухъ столпахъ,
 Какъ восемь бы зеркаль стояли
 Ея великія моря;
 Съ полнеба звѣзды освѣщали,
 Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
 И велемѣшной высоты
 Въ величествѣ, въ сіяньи Бога,
 Ее изобрази мнѣ ты,
 Чтобъ, спедь съ престола, подавала
 Скрижалъ заповѣдей святыхъ;

Чтобы всеменна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы, въ нихъ; (7)

Чтобъ дика люди, отдаленны (8)
Покрты перстью, чушуйей
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сопедшися къ Ея престолу
И, кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ;

Струили бъ слезы и, блаженство (9)
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство
И были всѣ подвластны Ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбиваль бы кораблей
И узкоглазый Гуннъ жалъ классы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей. (10)

Припомни, чтобъ Она вѣщала
Безчисленнымъ Ея Ордамъ:
«Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла Я вамъ:
Ставь сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтесь въ Мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ. (11)

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить, } (12)
И въ ноги Мнѣ челою не бить;
Даю вамъ право безъ препоны } (13)
Мнѣ ваши нужды представлять, }
Читать и знать Мои законы, } (14)
И въ нихъ ошибки замѣчать, }

«Даю вамъ право собираться, } (15)
И въ думахъ золото копить, }

Ко Мнѣ послами отпрапляться |
 И не всегда Меня хвалить; | (15)
 Даю вамъ право безпристрастно
 Въ судьи другъ друга выбирать, }
 Самимъ дѣла свои всевластно } (16)
 И начинать и окончать.

«Не воспрецу Я стихотворцамъ
 Писать и чепуху и лесть,
 Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
 Махать съ духами, пить и ѣсть; (17)
 *Но Я во всемъ что лишь не злобно,
 Потщуся равнодушной быть;
 Великолѣпно и спокойно
 Мои благодѣянья лить.»

Рекла, и взоръ бы озарился
 Величествомъ Ея души,
 Хаосъ на сѣры бѣ раздѣлился (18)
 Ея рукою, — напиши;
 Чтобъ солнца въ путь свой покатались,
 И тысящи вокругъ ихъ планеть;
 Изъ праха грады возносились,
 Возстали Царства, — и былъ свѣтъ.

Изобрази мнѣ мѣръ сей новый
 Въ лицѣ младаго лѣтня дня;
 Какъ рощи, холмы, башни, кровы,
 Отъ горняго златясь огня,
 Изъ мрака возстають, блистають
 И смотряся въ зеркало воды;
 Всѣ новы чувства получаютъ
 И движется всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы .
 И Ангеловъ поющихъ ликъ,
 И благовонны еиміамы
 Какъ облака бѣ носились въ нихъ;
 И чтобъ Царевна умиленна, } (19)
 Вперя Свой взоръ на небеса, }

Слезами зрѣлась окроплена, { (19)
 Блистающими какъ роса. }

Какъ съ синей крутизны ээира } (20)
 Лучамъ случится низпадать:
 Отъ Вседержителя такъ міра
 Чтобъ къ Ней сходила благодать,
 И въ видѣ счастья земнаго
 Чтобъ сыпала предъ Ней цвѣты,
 И купно вѣка бы драгаго
 Катилися часы златы;

Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ } (21)
 Тамъ пастуховъ стада на лугъ;
 На рощахъ липовыхъ, цвѣтущихъ,
 Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
 Шумя, младыхъ бы классовъ волны
 Переливались вѣтеркомъ,
 Граненыхъ брилліантовъ холмы
 Въ слѣдъ сыпались за кораблемъ;

Чтобы съ ристалища мнѣ громы
 И плески доходили въ слухъ,
 И вихремъ всадники несомы
 Поспѣшно бѣ натягали лукъ,
 И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
 Пересѣкали бы другой;
 И всю въ стязаньѣ бы вселенну
 Я предъ Фелицей зрѣлъ молодой;

И зрѣлъ бы я Ее на тронѣ
 Сѣдящу въ утваряхъ Царей,
 Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
 И взглядомъ вдругъ однимъ очей
 Объемлющу моря и сушу,
 Во всемъ владычествѣ своемъ,
 Всему дающую жизнь и душу,
 И управляющую всѣмъ;

Чтобъ свыше Ею вдохновенны
 Мурзы, Паши и Визири,

Сѣдиной мудрости почтенны,
 Въ диванѣ зрѣлись какъ Цари!
 Законъ бы свято сохраняли,
 И по стезямъ бы правды шли
 Носить Ей скипетръ пособляли,
 И пользу общую блюли;

Она бѣ предъ ними предсѣдала,
 Какъ всемогущій Царь Царей,
 Свои наказы подтверждала
 Для благоденствія людей;
 Рекла бѣ: «Почто писать уставы,
 Коль ихъ въ диванахъ не творять?» } (22)
 Развратные Вельможей нравы —
 Народа цѣлаго развратъ.

«Вашъ долгъ Монарху, Богу, Царству
 Служить, и клятвой не играть;
 Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
 Пути повсюду пресѣкать:
 Пристрастный судъ разбоя злѣе;
 Судьи враги, гдѣ спитъ законъ:
 Предъ вами гражданина шея
 Протянута безъ оборонъ».

Представь, что гласъ сей, свѣтозарный
 Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
 Извлекъ бы слезы благодарны,
 И всѣ Монарха и Отца
 И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
 Который праведенъ и благъ;
 Изъ устъ бы громы лишь гремяли,
 Которы у Нея въ рукахъ.

Содѣлай, чтобъ судебны храмы
 Ея лугами обросли,
 Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,
 И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
 Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала; } (25)
 И обнимался съ ней законъ;

Чтобъ милость истину лобзала,
И миру поставляла тронъ.

Представь, чтобъ всѣ Царевна средства
Въ пособіе Себѣ брала,
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Черезъ почту письма къ Ней писать; } (24)
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненія допускать;

Какъ молнія, Ея бы взоры
Сверкали быстро въ небесахъ,
Проникнуть мысли были скоры
И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ; } (25)
Чтобъ издали познавала
Она невиннаго ни въ чемъ;
Какъ Ангель бы къ нему блистала
Благоволенія лицемъ.

Дерзни мнѣ кистию волшебной
Святилище изобразить,
Гдѣ взора смертныхъ удаленной
Благоволить Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
И на уста кладетъ печать;
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ
И долгъ велитъ страстямъ молчать. } (26)

Представь Ее облокоченну
На Зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огневъзвздный океанъ,
Въщающу: «О Ты, предвѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

«Когда Ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:

То Ты жь, конечно, и причина
 И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
 Тобою Царства возрастають,
 Твое орудіе Цари;
 Тобой они и померцають —
 Какъ блескъ вечернія зари.

Наставь меня, міровъ Содѣтель!
 Да волѣ слѣдуй Твоей,
 Тебя люблю и добродѣтель,
 И зилуду счастье людей;
 Да вѣкъ Мой на дѣла полезны
 И славу ихъ Я посвящу,
 Самодержавства скиптръ желѣзный } (27)
 Моей щедротой позлащу;

«Да удостоена любви,
 Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
 Чтобъ я за каждую каплю крови
 За всякую бы каплю слезъ
 Народа Моего пролитыхъ,
 Тебѣ отвѣтствовать могла,
 И чувствъ души Моей сокрытыхъ
 Тебя свидѣтелемъ звала».

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры } (28)
 Со отвращеніемъ Она
 На тѣ ужасны приговоры,
 Гдѣ смерть написана, война,
 Свинцова грифеля чертами,
 И медленно бѣ крѣпила ихъ,—
 И тутъ же горькими слезами
 Смывала бы слова всѣ съ нихъ;

Но милости бѣ опредѣляла
 Она съ смѣющимся лицомъ,
 Златая бы струя бѣжала
 За скоропишущимъ перомъ,
 И проливала бы съ престола
 Въ несчетныхъ тысящахъ прохлада

Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу,
Лучистый съ шумомъ водопадъ;

Чтобъ сей рѣкой благодѣяній } (29)
Покрылась вся Ея страна;
Я зрѣлъ бы цѣль пространныхъ зданій
Гдѣ пользуется больныхъ Она,
Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ,
Гдѣ ихъ лелѣетъ, возвращаетъ,
Гдѣ просвѣщаетъ Свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной,
Сходила бы съ небесъ Она;
Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой,
Рукой метала сѣмена;
Какъ искры огненны, дождились
Златыя бѣ зерна въ снѣдь птенцамъ:
Орлы младые разбудились
И воскресли бы къ лучамъ. } (30)

Яви искусствомъ чудотворнымъ, } (31)
Чтобъ льды пріяли видъ лилей;
Весна дыханьемъ теплотворнымъ
Звала бы съ моря лебедей,
Летѣли бѣ съ крикомъ вереницы,
Звучали бѣ трубы съ облаковъ:
Такъ въ царство бы текли Фелицы
Народы изъ чужихъ краевъ.

Не позабудь Ее представить, } (32)
Какъ, вмѣсто алтарей, Себѣ
Царя великаго поставитъ
Велѣла на мольбу Ордѣ;
Какъ всюду раздалися клики
И грома свѣта по конецъ:
«Предсталъ намъ Зороастръ великій,
Воскресъ отечества отецъ!»

Изобрази и то въ картинѣ,
Чтобъ сей подобный грому кликъъ,

Въ безмѣрной времени долинь,
 Какъ будто бы катясь, затихъ;
 Фелицы жъ славою удвоенъ,
 Громчай въ потомствѣ возгласилъ:
 «Великъ, кто алтарей достоинъ, } (33)
 Но ихъ другому посвятилъ!»

Представь, сей славой возбужденны
 Чтобъ зрѣть Ее Цари пришли, (34)
 И какъ бы древле, удивленны,
 Въ ней Соломона вновь нашли;
 Народъ счастливый и блаженный } (35)
 Великой бы Ее нарекъ,
 Поднесъ бы титулы Ей священны;
 Она бъ рекла: «Я человекъ».

Возвысь до облакъ лавръ зеленый,
 И чтобъ онъ на поляхъ стоялъ;
 Подъ нимъ бы, тѣнью прохлажденный,
 Спокойно исполинъ дремалъ, (36)
 Какъ мраморъ бѣла бъ грудь блистала,
 Ланиты бы цвѣли зарей:
 Фелица такъ бы услаждала
 Полсвѣта подъ Своей рукой;

И, здравіе его спасая, } (37)
 Безъ ужаса пила бы ядъ,
 Отъ твердости Ея смерть злая
 Свой отвратила бъ смутный взглядъ;
 Коса ея дала бы звуки,
 Преткнувшись о великій духъ,
 На небеса воздѣли бъ руки
 Младенцовъ миллионы вдругъ;

Супруговъ чувства благодарны,
 За оживленіе ихъ дѣтей,
 Какъ бы пылинки лучезарны
 Огнистой отъ стекла струей
 Отпрянувъ, въ воздухъ сверкали,
 Являли бъ пламень ихъ сердцецъ:

«Мы зримъ въ Фелицѣ», восклицали:
«Твое подобіе, Творецъ!»

Изобрази ты мнѣ Царевну
Еще и въ подвигахъ другихъ:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуріевъ съ земель Своихъ } (38)
Чтобы гнала Она геройски;
Какъ мать, своихъ спасала бѣ чадъ;
Какъ Царь, на гордость двигла войски;
Какъ Богъ, свергала злобу въ адъ.

На сребролуно государство
Прости крылатый, сизый громъ;
Въ желѣзнокаменное царство
Брось молнья,—и поставь вверхъ дномъ; } (39)
Орель Царевнинъ бы ногою
Вверху рога луны сгибаль,
Тогда жъ бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ сжималь;

Чтобы Ея безстрашны войски,
Отъ колыбели до сѣдинъ,
Носили духъ въ себѣ геройскій,
И отрокъ, будто бѣ исполинъ,
Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
«Никто въ бою имъ не равнялся,
Кромѣ души великой ихъ».

Чтобы вселенныя Владыки
И всякъ ту истину узналъ:
Гдѣ войски Зороастръ великій
Образоваль и учреждалъ,
И гдѣ великую въ нихъ душу
Великая Фелица льеть,—
Тѣ войски горы, море, сушу
Пройдутъ,—и имъ препоны нѣтъ;

Чтобъ грозный полкъ ихъ представлялся
Какъ страшна буря въ далекѣ,

И Миръ въ порфирѣ приближался
Тогда бѣ къ Царевниной рукѣ;
Она бѣ его обლობызала
И вѣтвь его къ Себѣ взяла;
«Да будетъ тишина!» сказала, —
И къ намъ бы тишина пришла;

Какъ Ангель въ синевѣ ээира
И Милосердія въ лицѣ,
Со кротостью въ душѣ Зефира,
Съ сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
Благолюбивая бѣ Царевна
Въ день зрѣлась мирна торжества,
Душа моя бы восхищенна
Была дѣлами Божества;

Изъ усть Ея текла бы сладость
И утишала стонъ вдовиць;
Изъ глазъ Ея блистала бѣ радость
И освѣщала мракъ темницъ;
Рука Ея бы награждала
Прямыхъ отечества сыновъ;
Душа Ея въ себѣ прощала } (40)
Неблагодарныхъ и враговъ; }

Пріятность бы сопровождала
Ея бесѣду, дружбу, власть;
Привѣтливость Ея равняла } (41)
Съ Монархомъ подданнаго часть;
Повсюду Музы, въ восхищенъѣ,
Ей сыпали бѣ цвѣты сердець, } (42)
И самое недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бѣ вѣнецъ. }

Черты одной красоть Ей можно
Блюдися приписать въ твой вѣкъ;
Представь, каковъ, коль только можно,
Богородобный человекъ!
Исполнь Ее величествъ, власти,
Безсмертныхъ мудрости даровъ,

Вдохни, вдохни Ей также страсти;
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представи, какъ бы въ ночи
Вожженну брилліантовъ гору,
Отъ коей бы лились лучи
И живо въ вѣчности играли:
На свѣту оной крутизну
Калифы многіе желали,
Ползли, скользили,—пали въ тму;

Какъ огнень столпъ на понтѣ, взорамъ
Къ горѣ сей колебался бѣ путь;
Фелица бы внушала Хлорамъ:
«Тамъ розы безъ шиновъ растутъ»;
Мурза бѣ въ восторгѣ, въ удивленѣ,
Подъ золотымъ Ея щитомъ,
Въ Татарскомъ упражнялся пѣнѣ
И восклицалъ открытымъ ртомъ:

«Бросай, кто хочетъ, остры стрѣлы |
Отъ чистой совѣсти скользять; } (43)
Имѣя сердце, руки бѣлы,
Мнѣ стыдно льстить, стыднѣе лгать;
Того стыднѣе—въ дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей Царевной восхищенный,
Я лишь Ея пою дѣла».

Но что, Рафаэль? что ты пишешь? (44)
Кого ты, гдѣ изобразилъ?
Не на холстѣ, не въ краскахъ дынешь,
И не металлъ ты оживилъ:
Я въ сердцѣ зрю алмазну гору:
На немъ божественны черты
Сіяютъ изступленну взору;
На немъ въ лучахъ—Фелица, Ты!

(1) Сочинено въ Петербургѣ въ 1789 г.; напечатано тогда же.
Мысль къ сочиненію *Изображеніе Фелицы*, внушена Державину

подражаніемъ Ломоносова Анакреоновой одѣ въ Живописцу: «*Мастеръ изъ живописи первый*» и проч. Ломоносовъ изобразилъ Императрицу Елисавету въ изображеніи Фелицы; Державинъ представлять и черты и славныя дѣла Екатерины Великой.

(2) Сей куплетъ и слѣдующіе два изображаютъ взглядъ Императрицы, походку Ея, нравъ, голосъ и проч.

(3) Симвъ изображается восшествіе на престолъ Государыни Екатерины, когда Она въ воинскомъ одѣяннѣ вѣхала на обломъ коня, предводительствуя гвардією, и имѣя обнаженный мечъ въ рукѣ.

(4) Сии стихи относятся къ избранію и возведенію Ея на Престолъ.

(5) Государыня подтвердила Манифестъ о вольности Дворянства, данный Ея Супругомъ.

(6) Окружное описаніе границъ Россійскихъ: 42 столпами изображены тогдашнія 42 губерніи.

(7) Симвъ изображается Наказъ о Составленіи Законовъ, данный Императрицею. Въ Сенатѣ на столѣ поставленъ былъ литой серебряный храмъ, съ великолѣпною колоннадою, въ которомъ изображена была Государыня, сошедшая съ Престола и жалующая Россію, стоя на колѣняхъ. Наказъ писанъ всею собственною Ея рукою. Статуя Ея лита изъ золота.

(8) Симвъ изображается созывъ всехъ народовъ Россійской Имперіи, отъ коихъ были присланы депутаты, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, Камчадалы, Тунгузы, отъ каждой области по два челоуѣка, даже Якуты и проч.

(9) Всякому дозволено было сообщать свои мысли и подавать мнѣнія, и такъ естественно все было объято мыслию о достоинствѣ такового законодательства, которое затмилъ прежнее положеніе.

(10) Изображаются народы, составившіе Россію, которые постепенно подъ Россійскою державою сдѣлались изъ кочующихъ пахарями.

(11) Императрица сказала въ Наказѣ Своемъ, что Она не желала бы дожить до того, чтобы какой либо народъ былъ благополучнѣе Ея народа.

(12) Императрица дала Указъ, чтобы челобитныя называть просьбами, и не называться *рабами*, а подданными.

(13) Она позволила изъ губерній по надобностямъ пріѣзжать депутатамъ.

(14) Позволила Губернскому Правленію созывать Палаты, и если примѣтять какіе недостатки или погрѣбности, представлять Ей.

(15) Позволила дворянству и купечеству собираться, имѣть у себя собственную складочную казну, и запретила депутатамъ говорить Ей похвальныя рѣчи.

(16) Позволила гражданскія дѣла въ низшихъ и среднихъ мѣстахъ зачинать и окончательно рѣшать дворянамъ, гражданамъ и крестьянамъ, избранными судьями изъ ихъ общества, а Палатамъ

велѣла только ревизовать сіи дѣла по апелляциямъ: слѣдовательно они начинались и оканчивались ими самими.

(17) Императрица смотрѣла снисходительно на все секты, кромѣ тѣхъ, которыя могли быть вредными. *Маханы*, выраженіе шуточное, значило волочиться.

(18) Подъ симъ выраженіемъ разумѣется раздѣленіе Россіи на губерніи, въ которыхъ нѣсколькими судебными мѣстами управляли Губернскія Правленія, каждое въ своей сферѣ, такъ, что не позволено было переносить дѣлъ изъ одной губерніи въ другую. Прежде сего выходила великая запутанность: равное мѣсто перевершало рѣшеніе другаго. Съ открытіемъ намѣстничествъ выстроились новые города, которыхъ прежде не было: для сего предмета на всякую губернію отпускалось каждый годъ 20 тысячъ рублей изъ казны.

(19) Изображеніе благочестія, съ какимъ Государыня предстала въ церкви и на молитвѣ.

(20) Изображеніе благословенія Божія, снисходившаго на все Ея начинанія.

(21) Изображеніе сельскаго изобилія.

(22) Сии стихи напоминаютъ изреченіе Государя Петра Великаго, подтвержденное нѣсколько разъ Государыней.

(23) Напоминается учрежденіе Совѣстнаго Суда.

(24) Съ царствованія сей Государыни вошло въ обычай писать къ Ней письма чрезъ обыкновенную почту, и Она нерѣдко допускала къ Себѣ для личнаго объясненія, когда кто просилъ Ее о томъ.

■ (25) Здѣсь напоминаетъ достопамятный случай съ Державиннымъ. Онъ былъ утѣсненъ клеветою, удаленъ отъ Губернаторства и отданный подъ слѣдствіе, въ Правительствующемъ Сенатѣ оправдался; когда же ему о томъ было объявлено, просилъ позволенія объясниться съ Императрицею. Въ Царскомъ Селѣ назначенъ былъ для этого ему день и часъ. Державинъ предсталъ предъ Императрицей и благодарилъ за правосудіе. Государыня, подавъ руку, сказала: не за что. Потомъ спросила, о чемъ онъ хочетъ говорить съ Нею? Авторъ отвѣчалъ, что имѣетъ письменныя представленія, которыя оставилъ въ передней комнатѣ, о безпорядкахъ въ Губерніи.—«Для чего же», сказала Императрица: «не представили вы ихъ въ отвѣтахъ вашихъ въ Сенатъ?»—«Было бы противъ законовъ: меня о томъ не спрашивали.»—«Для чего же ты прежде о томъ мнѣ писалъ?»—«Писалъ потому, что Генераль-Прокуроръ приказалъ мнѣ проситься въ Петербургъ чрезъ Генераль-Губернатора; а какъ онъ мнѣ непріятель, то я и не могъ обратиться къ нему.»—«Но не имѣете ли вы чего строптиваго въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?»—«Я служилъ съ солдатства Ваше Величество и слѣдовательно умѣлъ повиноваться, когда дошелъ до настоящаго чина.»—«Но для чего же повздорилъ съ Тутолминнымъ?»—«Для того, что онъ издаетъ свои законы, а я присягалъ исполнять только Ваши.»—«Для чего разошелся съ Вяземскимъ?»—«Для того, что онъ сталъ смѣяться и притѣснять меня на записанную мною похвалу Фелицѣ.»—«Для чего же не

поладилъ съ Г...?»—«Для того, что онъ не рачить о Вашихъ пользахъ, о чемъ и желалъ бы я представить находящіяся при мнѣ бумаги».—«Хорошо, постѣ: я дамъ тебѣ твое жалованье, и опредѣлю тебя къ другому мѣсту».

(26) Въ семь куплетѣ описывается кабинетъ Императрицы.

(27) При печатаніи въ Москвѣ первой части въ 1798 году, въ царствованіе Государя Павла I, Ценсура сихъ двухъ стиховъ не пропустила. Авторъ чрезъ Генераль-Прокурора Князя Куракина просилъ доложить Императору, что ежели Императрица, бывъ Государыня Самодержавная, приняла мысль сію съ удовольствіемъ, то мысль эта не можетъ быть противна и Государю, разсыпавшему въ то время множество щедротъ и благодѣяній. Авторъ не получилъ никакого отзыва на свое отношеніе, и неизвѣстно было, докладывалъ ли Генераль-Прокуроръ о томъ Государю; почему онъ и внесъ сіи стихи въ нѣкоторые экземпляры собственною рукою.

(28) Извѣстно всѣмъ, съ какимъ прискорбіемъ утверждала Государыня смертныя приговоры.

(29) Здѣсь изображается учрежденіе Ею народныхъ больницъ богадѣленъ, сиротскихъ, воспитательныхъ домовъ; послѣднихъ, до царствованія Ея въ Россіи не было.

(30) Подъ видомъ орловъ изображается воспитаніе военнаго юношества. Кромѣ Кадетскаго Корпуса, Ею учреждены Морской и Инженерный.

(31) Относится къ вызову иностранныхъ колоній въ Саратовскія степи.

(32) Изображается открытіе статуи Петра Великаго.

(33) Стихи сіи относятся къ постановленію памятника Петру Великому, съ надписью: «Петру Первому Екатерина Вторая», что увеличило собственную славу Императрицы.

(34) Относится къ свиданію Императрицы съ Римскимъ Императоромъ Іосифомъ II, съ Королемъ Польскимъ и прочими Владѣтелями и Князьями, которые пріѣзжали въ С.-Петербургъ видѣть Екатерину.

(35) Депутатская Коммисія поднесла Государынѣ чрезъ Сенатъ титулы Великой, Премудрой Матери Отечества; но Она не согласилась на принятіе ихъ.

(36) Въ видѣ исполина представляется здѣсь пространная Россія, о благоденствіи которой Императрица прилагала всевозможное попеченіе.

(37) Напоминается отважный поступокъ Государыни, которая для приѣбра народу Сама надъ Собой сдѣлала первый опытъ прививанія оспы: съ сего времени сіе спасительное средство вошло въ обыкновеніе и въ Россіи.

(38) Подъ стоголавою гидрою разумѣются внутренніе бунты, возбужденныя разбойникомъ Пугачевымъ, и подъ фуріями моръ и голодъ, которые попечительными распоряженіями Императрицы были скоро прекращены.

(39) Сребролуннымъ государствомъ названа Турція, а желѣзно-

каменнымъ царствомъ Швеція, которыя вдругъ возстали войною на Россію.

(⁴⁰) Многіе извѣстные недоброжелатели Государыни не были Ею преслѣдуемы.

(⁴¹) Извѣстно, какъ милостиво Она обходилась съ окружающими Ея.

(⁴²) Игра словъ. Государыня въ свободные часы занималась театральными сочиненіями: изъ нихъ одна комедія, игранная съ величайшимъ успѣхомъ, называлась *Недоумьелье*.

(⁴³) Авторъ вмѣлъ, какъ и всякой имѣть, своихъ недоброжелателей, но, не желая никакого мщенія, довольствовался тѣмъ, что хвалилъ Императрицу, не страшась зла за правду.

(⁴⁴) Последняя строфа изображенія Фелицы заключается обращеніемъ къ Рафаэлю и объясненіемъ, что онъ представитъ изображеніе Фелицы не на холстѣ, а на сердцѣ автора, чистомъ и твердомъ, подобно алмазу.

ВЕЛЬМОЖА. (1)

Не украшеніе одеждъ
 Моя днесъ Муза прославляетъ,
 Которое, въ очахъ невѣждъ,
 Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
 Не пышности я пѣснь пою;
 Не истуканы за кристалломъ,
 Въ кивотахъ блещущи металломъ,
 Услышать похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
 Которыя собою сами
 Умѣли титла заслужить
 Похвальными себѣ дѣлами,
 Кого ни знатный родъ, ни санъ,
 Ни счастье не украшали;
 Но кои доблестью снискали
 Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумирь, поставленный въ позоръ,
 Несмысленную чернь прельщаетъ;
 Но коль художниковъ въ немъ взоръ

Прямыхъ красоть не ощущаетъ:
 Се образъ ложныя молвы,
 Се глыба грязи позлащенной!
 И вы, безъ благодсти душевной,
 Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы Перскія на васъ,
 И не Бразильскія звѣзды, — ясны;
 Для возлюбившихъ правду гласъ
 Лишь добродѣтели прекрасны:
 Онѣ суть смертныхъ похвала.
 Калигула! твой конь въ Сенатѣ
 Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
 Сіяютъ добрыя дѣла.

Осель останется осломъ,
 Хотя осынь его звѣздами;
 Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
 Онъ только хлопаетъ ушами.
 О! тщетно счастья рука,
 Противъ естественнаго чина,
 Безумца рядить въ господина,
 Или въ шумиху дурака.

Какихъ не вымышляй пружинъ,
 Чтобъ мужу бую умудриться, —
 Не можно вѣкъ носить личинъ,
 И истина должна открыться, ⁽²⁾
 Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
 Въ совѣтахъ царскихъ, сопостатовъ:
 Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ,
 Въ Марокскихъ лентахъ и звѣздахъ. } ⁽³⁾

Оставля скипетръ, тронъ, чертогъ,
 Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
 Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
 Блесталъ величествомъ въ работѣ:
 Почтенъ и въ рубищѣ герой!
 Екатерина, въ низкой долѣ,

И не на Царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямъ, коль самолюбя леств
Не обуяла бѣ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я Князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, Закону, Церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и форфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приносить дани,
Токай густое льетъ вино,
Левандъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ.

Тамъ розы средь зимы цвѣтуть,
 И въ рощахъ нимфы воспѣвають,
 На то ль, чтобы на все взиралъ
 Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
 Средь радостей казался скучнымъ,
 И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
 Уже солнце зрять въ лучахъ полдневныхъ;
 Но твой чертогъ едва заря
 Румянить сквозь завѣсъ червленыхъ;
 Едва по зыблющимъ грудямъ
 Съ тобой лежація Цирцеи
 Блещутъ розы и лилеи;
 Ты съ ней покойно спишь, . . . а тамъ?

А тамъ — израненный герой,
 Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій.
 Начальникъ прежде бывшій твой,
 Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
 Принять по службѣ твой приказъ,
 Межъ челядью твоей златою,
 Поникнувъ лавровой главою,
 Сидитъ и ждетъ тебя ужь часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ, (4)
 И горьки слезы проливаетъ,
 Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
 Покрова твоего жемлетъ:
 За выгоды твоей, за честь
 Она лишилася супруга;
 Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
 Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
 Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
 Безстрашный, старый воинъ тотъ,
 Тремя медальми украшенный,
 Котораго въ бою рука
 Избавила тебя отъ смерти:

Онъ хочеть руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ — гдѣ жирный песь лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Займодавецъ полкъ стоять,
Къ тебѣ пришедши за долгами.
Проснися, Сибаритъ! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внимлешь,
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Приятнѣй, чѣмъ въ исторіи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнестъ чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!» —
Злодѣй, увы!... и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранить Царевъ всегда законъ,
Чтить нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушїи — блаженство,
Во правосудїи — равенство,
Свободу — во уѣздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ Царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилѣжно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не отнимаетъ; ⁽⁵⁾
Ей зорь и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль Царство лишь живетъ счастливымъ, —

Вельможи! славы, торжества
 Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
 Какъ блюсть народъ, Царя любить,
 О благѣ общемъ ихъ стараться,
 Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
 Стоять и --- правду говорить.

О, Росской бодрственный народъ,
 Отечески хранящи нравы!
 Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
 Какой ты не причастенъ славы?
 Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ? —
 Тотъ храбрымъ былъ среди бранныхъ звуковъ,
 Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
 Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена } (6)
 Того я славнаго Камилла,
 Котораго труды, война
 И старость духъ не утомила.
 Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
 Сошелъ въ шалапъ свой равнодушно,
 И отъ сохи опять послушно
 Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
 Не роскошью Вельможа славный,
 Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
 Вождь лавромъ маслиной вѣнчанный!
 Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
 Ты ею славься, утѣшайся,
 Борись вновь съ бурями, мужайся,
 Какъ юный возносись орелъ.

Цари — и съ высоты твоей
 По мракамъ смутнаго эира
 Громовой пролети струей;
 И, опочивъ на лонѣ мира,
 Возвесели еще Царя.
 Простри твой поздній блескъ въ народъ.

Какъ отдастъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря!

(¹) Первые мысли сей оды написаны были въ Саратовскихъ Колоніяхъ въ 1774 году, при горѣ Чегалагвѣ, въ бытность тамъ Державина, во время Пугачевского возмущенія, и напечатаны подъ названіемъ *На знатность*, въ числѣ Четанскихъ одъ, въ особой книжкѣ въ 1777 году; но въ 1794 эта піеса совсѣмъ переделана и напечатана подъ названіемъ *Вельможи*, въ части изданія 1798 года.

(²) Когда авторъ былъ Статсъ-Секретаремъ при Императрицѣ: Она приказала ему просматривать Сенатскіи меморіи и если что встрѣтится замѣчательное, докладывать Ей лично, ибо Генераль-Прокуроръ былъ тогда тяжко боленъ, парализованъ, и не могъ исправлять своей должности. Важнѣйшія политическія обстоятельства и недостатки времени заставляли въ послѣдствіи Императрицу приказать автору прочитывать сіи замѣчанія Оберъ-Прокурорамъ, дабы они, если найдутъ ихъ правильными, исправляли отъ Сенаторовъ новыя резолюціи, и такимъ образомъ исправляли ходъ дѣлъ; если же на которыя замѣчанія не согласятся и останутся при своихъ мнѣніяхъ, тогда бы авторъ оставлялъ дѣло по ихъ мнѣніямъ, но только бы велъ у себя особую записку несогласіямъ голосовъ. Такъ почти цѣлый годъ дѣйствовалъ авторъ. Однажды, во время доклада его Государынѣ, Она сказала: «Нѣтъ, надобенъ Мнѣ новый Генераль-Прокуроръ по болѣзни стараго», и съ этими словами, быстро взглянувъ на автора, разговоръ прекратила. На другой день Князь Зубовъ присылаетъ автору записку, чтобъ онъ пріѣхалъ немедленно во дворецъ. Авторъ былъ нездоровъ и пріѣхалъ уже къ вечеру. Тутъ Князь Зубовъ съ довѣренностію сказалъ ему, что Государыня намѣрена стараго Генераль-Прокурора уволить отъ службы, и на мѣсто его опредѣлить другаго: то кто бы по мнѣнію автора былъ способенъ къ тому. Державинъ отвѣчалъ просто, что выборъ сей зависитъ отъ высочайшей воли. Гордый царедворецъ не совсѣмъ былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ, и велѣлъ Державину пріѣхать на другой день рано. На другой день онъ встрѣтилъ Державина тѣмъ, что Генераль-Прокуроромъ опредѣленъ Графъ Самойловъ, и приказалъ явиться къ Императрицѣ. Государыня спросила Державина: «Записывалъ ли ты свои замѣчанія на Сенатскіи меморіи, какъ Я тебѣ приказывала?» — «Записывалъ, Государыня.» — «Принеси ихъ ко Мнѣ завтра.» — Приказаніе было исполнено. Императрица, оставивъ замѣчанія сіи нѣсколько дней у Себя, возвратила ихъ Державину, сказавъ: «Отдай ихъ новому Генераль-Прокурору и объяви ему отъ Меня, чтобъ онъ поступалъ по нимъ, и во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ тобою.» Такимъ образомъ авторъ нѣкоторое время былъ приназначенъ по дѣламъ для совѣта, но въ послѣдствіи мѣра сія осмѣлена.

(³) Чупитовъ, Рязскій купецъ, торговавшій при С.-Петербургскомъ портѣ пенькою, имѣлъ несчастіе пострадать отъ пожара, и

объявилъ себя банкротомъ; а для избѣжанія отъ преслѣдованій своихъ вѣрителей, притворился сумасшедшимъ и говорилъ, что Марокская Принцесса въ него влюблена, скоро выйдетъ за него замужъ, и прислала къ нему множество драгоценныхъ вещей; но онѣ захвачены его недоброжелателями, а получили онъ только отъ ней орденъ, и носилъ на себѣ разноцвѣтныя ленты и медали, присылаемыя отъ нѣкоторыхъ насмѣшниковъ къ нему нарочно чрезъ почту.

(4) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги К. П., и былъ изъ числа людей, къ нему приближенныхъ. По неприятому стеченію обстоятельствъ, онъ, вступясь за начальника своего, вышелъ на поединокъ и былъ убитъ. Вдова его съ груднымъ ребенкомъ часто ходила къ К. П. по смерти мужа своего и просила помощи.

(5) Иногда люди сильные отнимаютъ у чиновниковъ возможность дѣйствовать по долгу ихъ званія. Авторъ извѣдалъ истину сію на опытѣ.

(6) Камилль, консулъ и диктаторъ Римскій, по минованіи въ немъ нужды, слагалъ съ себя сіе достоинство и жилъ въ деревнѣ. Это сравненіе относится къ Графу Румянцеву-Задунайскому, который, хотя въ это время и былъ въ званіи Фельдмаршала, но по дѣйствіямъ своихъ недоброжелателей ни чѣмъ не командовалъ и жилъ въ своихъ деревняхъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБЪДУ (1).

Шексинска стерлядь золотая,
 Баймакъ и борщъ уже стоятъ;
 Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
 То льдомъ, то искрами, манять;
 Съ курильницъ благовонья льются,
 Плоды среди корзины смѣются,
 Не смѣютъ слуги и дохнуть;
 Тебя стола въ кругъ ожидая
 Хозяйка статная, младая,
 Готова руку протянуть.

Прійди, мой благодѣтель давній, (2)
 Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
 Прійди, — и домъ, хоть не нарядный,
 Безъ рѣзбы, злата и серебра,
 Мой посѣти: его богатство —

Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нелъстивый нравъ,
Прійди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность
На Русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ, — одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаеть мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, Ангель мой благотворитель!
Прійди, и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ни чей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотреть чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ!

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и Царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зрять обманъ, тамъ зрять упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,

И приголубливаетъ счастье
 И гладитъ насъ рукой своей;
 Доколѣ не пришли морозы,
 Въ саду благоухаютъ розы, —
 Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
 Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
 И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
 По платью ноги протягать.

А если ты, или кто другіе
 Изъ званныхъ, милыхъ мнѣ, гостей, (3)
 Чертоги предпочтя златые
 И яства сахарны Царей,
 Ко мнѣ не срядитесь откушать:
 Извольте мой вы толкъ прослушать:
 Блаженство не въ лучахъ порфирь,
 Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
 Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
 Умѣренность есть лучший пирь.

(1) Писано въ Петербургѣ въ 1795 году.

(2) Этотъ призывъ относится къ Ивану Ивановичу Шувалову и покойному Графу Безбородко, которые въ этотъ день обѣдали у автора.

(3) Между прочими былъ званъ Князь П. А. Зубовъ, и обѣщавъ прѣхать, но незадолго предъ обѣдомъ прислать сказать, что не можетъ быть: слѣдующій куплетъ относится къ нему.

ВОДОПАДЪ. (1)

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ четырема скалами; } (2)
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
 Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
 Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумить, — и средь густаго бора
 Теряется въ глуши потомъ;
 Лучь чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
 Подъ зыбкимъ сводомъ дровъ, какъ сномъ
 Покрываютъ волны, тихо льются,
 Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
 Лежить клубами въ дебряхъ темныхъ;
 Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ;
 Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ: } (3)
 О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
 Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны? — } (4)
 Ломаются въ тебѣ въ куски;
 Грозами ль камни отторженны? —
 Стираются тобой въ пески;
 Сковать ли воду льды держаютъ — (5)
 Какъ пылъ стеклянна низпадаютъ.

Волкъ рыщетъ вокругъ тебя, и страхъ
 Въ ничто вмѣняя, становится:
 Огонь горить въ его глазахъ,
 И шерсть на немъ щетиной зрится;
 Рожденный на кровавый бой,
 Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
 Вянувъ водѣ твоихъ падающихъ ревъ;
 Рога на спину преклоняетъ
 И быстро мчится межъ деревъ; } (6)
 Ее страшитъ вокругъ шумъ, бурь свистъ
 И хрупкій подъ ногами лѣсъ.

Ретивый конь, осанку горду
 Храня, къ тебѣ порой идетъ;
 Крутую гриву, жарку морду
 Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
 И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
 Отважно въ хлябъ твою стремится.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ
 При страшной сей красѣ природы,
 На утломъ пнѣ, который свисъ
 Съ утеса горь на яры воды,
 Я вижу — нѣкій мужъ сѣдой
 Склонился на руку glavой.

Копье, и мечъ, и щитъ великой,
 Сѣна отечества всего,
 И шлемъ, обвитый павеликой,
 Лежать во мху у ногъ его:
 Въ бронѣ блистая златорядной,
 Какъ вечеръ въ заревѣ румяной, — (?)

Сидить, и взоръ вперя къ водамъ,
 Въ глубокой думѣ разсуждаетъ;
 Не жизнь ли челоуѣковъ намъ
 Сей водонадъ изображаетъ?
 Онъ также благомъ струй своихъ
 Поить надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.

Не такъ ли съ неба время льется,
 Кипить стремленіе страстей,
 Честь блещетъ, слава раздается,
 Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
 Которыхъ красоту и радость
 Мрачатъ печали, скорьби, старость?

Не зримъ ли всякій день гробовъ,
 Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
 Не слышимъ ли въ бою часовъ,
 Гласъ смерти, двери скрипъ подземный?
 Не упадетъ ли въ сей зѣвъ
 Съ престола Царь и другъ Царевъ?

Падуть, — и Вождь непобѣдимый,
 Въ Сенатѣ Цезарь средъ похвалъ,
 Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
 Закрывъ лицо плащемъ, уналъ;

Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды!

Падуть, — и несравненный мужъ
Торжество несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизарь царей,
Въ темницѣ палъ, лишень очей.

Падуть, — и не мечты прельщали,
Когда меня, въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,
Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ? (8)
Давно ль? — Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мецутъ молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ
Конь изъ рукъ моихъ схватила; (9)
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила.
Онъ рекъ, — и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла октябрска ноць на землю, (10)
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не вземлю,
Кромѣ ревуція волны,
О камни съ высоты дробимой,
И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насуня свой,
Утесы и скалы — дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Прогмядывала внизъ луна.

Глядѣла, и едва блистала,
Предъ старцемъ преклонивъ рога,

Какъ бы съ почтенъемъ познавала
 Въ немъ своего того врага,
 Котораго она страшилась,
 Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ, — и чудотворный сонъ
 Мечты ему являлъ, геройски:
 Казалось ему, что онъ
 Непобѣдимы видить войски;
 Что вкругъ его перунъ молчить,
 Его лишь мановенья зрить;

* Что огнедышущи за перстомъ }
 Ограды въ слѣдъ его идутъ; } (11)
 Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверстомъ,
 По слову одному растутъ
 Полки его изъ скрытыхъ становъ,
 Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ;

Что только по травѣ росистой
 Ночные знать его шаги;
 Что утромъ пыль, подъ твердью чистой,
 Ужъ поздно зрять его враги;
 Что остротой своихъ зѣницъ
 Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ;

Что положила чертежъ и мѣры,
 Какъ волхвъ невидимый, въ шатрѣ, (12)
 Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
 Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
 И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
 На тысячи бросаетъ громъ;

Что орлю дерзость, гордость лунну, }
 У черныхъ и янтарныхъ волнъ, } (13)
 Смирить Колхиду золоторунну,
 И бѣлаго Царя уронъ }
 Рая вечерня предъ границей } (14)
 Отмстилъ побѣдами сторицей;

Что, какъ румяной лучъ зари,
Страну его покрыла слава;
Чужіе Вожди и Цари,
Своя Владычица, Держава,
И всѣ вездѣ его почли,
Триумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла
Цвѣтуютъ его средь разныхъ глянцевъ,
Что вверху сребристаго чела
Въ вѣщицѣ изъ молненныхъ румянцевъ
Блится въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ;

Что зависть отъ его сіянья
Свой блѣдный потушмяетъ взоръ,
Среди безмолвнаго стenanья
Ползеть и ищетъ токмо норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ, — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вокругъ безплотныхъ

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страстную щель,
Гора съ богатствами упала,
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онъ зрѣть одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны,
Какъ смертцу вѣсть, или войну,
Съ косой въ рукахъ, съ трубой стоящу,
И слышитъ онъ: «проснись!» гласящу.

На шлемѣ у нея орелъ
 Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ,
 Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ;
 И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
 Вдохнуль, и испустя слезъ дождь,
 Выщаль: «Знать! умеръ нѣкій Вождь!»

Блаженъ, когда стремясь за славой,
 Онъ пользу общую храниль,
 Быль милосердъ въ войнѣ кровавой
 И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
 Благословенъ средь позднихъ вѣковъ,
 Да будетъ другъ сей человѣковъ!

«Благословенна похвала
 Надгробная его да будетъ,
 Когда всякъ жизнь его, дѣла,
 По пользамъ только помнить будетъ;
 Когда не блескъ его прельщаль
 И славы ложной не искалъ!»

«О, слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
 Ты точно есть сей водопадъ.
 Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
 И шумомъ льющихся прокладъ
 Великолѣпнень, свѣтль, прекраснень,
 Чудеснень, силенъ, громокъ, ясенъ;

«Дивиться вокругъ себя людей
 Всегда толпами собираетъ;
 Но если онъ водой своей
 Удобно всѣхъ не напояетъ,
 Коль рветъ брега, и въ быстротахъ
 Его нѣтъ выгодъ смертнымъ: — ахъ!»

«Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
 А болѣе полезнымъ быть;
 Подобаясь ручейкамъ прелестнымъ,
 Поля, луга, сады кропить

И тихимъ въ далекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?

«Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Прійдетъ путникъ и возсядетъ,
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
«Не только славный лишь войной,
«Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.»

«О! будь безсмертенъ, Витязь бранный,
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!»
Въщаль сѣдиной мужъ вѣнчанный,
И въ небеса возрѣвъ, умолкъ.
Умолкъ, — и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища, горы?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами
Отъ Сѣвера парить на Югъ?
Вѣтръ медленъ течъ его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумить, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла, } (15)
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ ленты покрываютъ очи, (16)
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровь — [воздухъ синь;
Чертоги — вокругъ пустыни виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,

Великолѣпный Князь Тавриды?
 Не ты ли съ высоты честей
 Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
 У сѣверной Минервы былъ;
 Во храмъ Музъ, другъ Аполлона,
 На полъ Марса вождемъ слылъ;
 Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
 Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ } (17)
 Моць Росса, духъ Екатерины,
 И, опершись на нихъ, хотѣлъ
 Вознестъ твой громъ на тѣ стремнины,
 На коихъ древній Римъ стоялъ,
 И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который Орды сильны } (18)
 Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
 Пространны области пустыни
 Во грады, въ нивы обратилъ,
 Покрылъ понтъ черный кораблями,
 Потрясъ средѹ земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
 Достойный подвигъ Росской силѣ,
 Стихи самыя поспать
 Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
 И твердой дерзостью такой } (19)
 Быть дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
 Парящій замыслами умъ!
 Не шель ты средѹ путей извѣстныхъ,
 Но пролежилъ ихъ самъ, — и шумъ
 Оставилъ по себѣ въ потомки;
 Се ты, о, чуждый вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
 Торжественныя созидали:

Искусство, разумъ, красота
 Недавно лавръ и миртъ сплетали;
 Забавы, роскошь вокругъ цвѣли,
 И счастье съ славой слѣдомъ шли. } (20)

Се ты, небеснаго плодъ дара,
 Кому едва я посвятилъ;
 Въ созвучность громкаго Пиндара
 Мою настроить лиру мнилъ;
 Воспѣлъ побѣду Измаила,
 Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
 Моихъ въ стenanье превратился;
 Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
 И я тамъ въ слезы погрузился,
 Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
 Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли,
 Ревущіе тебя вокругъ;
 Полки твои осиротѣли,
 Наполнили рыданьемъ слухъ;
 И все, что близъ тебя блистало,
 Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ, } (21)
 Гранена булава упала,
 Мечъ въ полножны войти чуть могъ, — (22)
 Екатерина возрыдала!
 Полсвѣта потряслось за Ней
 Незанной смертію твоей!

Оливы свѣжи и зелены
 Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
 Родства и дружбы, вопли, стоны,
 И Музь Ахейскихъ жалкій звукъ
 Вокругъ Перикла раздается:
 Маронъ по Меценатѣ рвется,

Который почестей въ лучахъ,
 Какъ нѣкій Царь, какъ бы на тронѣ,
 На сребророзовыхъ коняхъ,
 На золотарномъ фаэтонѣ,
 Во сонмѣ всадниковъ блисталь,
 И въ смертный, черный одръ упалъ! (23)

Гдѣ слава? гдѣ великолѣнье?
 Гдѣ ты, о, сильный человекъ?
 Маусайла долголѣтье
 Лишь было бѣ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
 Вся наша жизнь не что иное,
 Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль, нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ
 На нѣжномъ волоскѣ висящій,
 Въ который бурь, громовъ ударъ
 И молнии небесъ ярищи
 Отсюду безпрестанно бьютъ,
 И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
 Удобны Царства поразить,
 Одно стихіевъ дуновенье
 Гигантовъ въ прахъ преобразить;
 Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ:
 Въ пыли героевъ понируютъ!

Героевъ? — Нѣтъ! но ихъ дѣла
 Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
 Нетлѣнна память, похвала
 И изъ развалинъ вылетаютъ;
 Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
 Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его былъ край Эвксина,
 Сердца обязанныя — храмъ;
 Рука съ вѣнкомъ — Екатерина;
 Гремяща слава — олимпамъ;

Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница — ужаса, любви.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной ноци,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь роци
Вкругъ Измаила вѣтръ шумить,
И слышанъ стонъ: что Турокъ мнить?

Дрожить, — и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ } (24)
Вкругъ гроба Вейсмана лежать;
Мечтаются ему ихъ тѣни
И Россѣ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожить, — и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды:
Столпы на небесахъ горятъ } (25)
По сушѣ, по морямъ Тавриды!
И мнить въ Очаковѣ что вновь } (26)
Течетъ его и мерзнетъ кровь

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ, — (27)
И выются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Вдали бѣлѣтъ на Лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?

Восторгъ, восторгъ они, а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у Вождей,
Властителей земель, морей.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенней

Ея повсюду голосъ мчить;
 Перлова грудь ея вздыхаетъ —
 Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучомъ
 Какъ монументъ златый зажжется,
 Лежать объаты серны сномъ,
 И парь вокругъ холмовъ вѣется,
 Пришедши, старецъ надпись зрять:
 «Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

Алцибѣиловъ прахъ! — И смѣетъ
 Червь ползати вокругъ его главы?
 Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
 Нашедши въ полѣ, Фирсъ? — Увы!
 И плоть, и трудъ коль истлѣваетъ:
 Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
 Заслугамъ, кои не увянутъ;
 Лишь истину поютъ пѣвцы,
 Которыхъ вѣчно не престанутъ
 Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
 Лишь праведника святъ кумиръ!

Услышьте жъ, водопады міра!
 О, славой шумныя главы!
 Вашъ свѣтель мечъ, цвѣтна порфира.
 Коль правду возлюбили вы;
 Когда имѣли только мѣту,
 Чтобъ счастье доставить свѣту.

Шуми, шуми, о, водопадъ!
 Касаяся странамъ воздушнымъ,
 Увеселяй и слухъ и взглядъ
 Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
 И въ поздней памяти людей
 Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробѣгали
 Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ

Въ умахъ тебя не затмевали
 Разженный громъ и черный дымъ;
 Чтобъ быть вблизи, вдали любезенъ
 Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о, водопадъ мать!
 Рѣка на Сѣверѣ гремяща, } ⁽²⁸⁾
 О, Суна! коль съ высотъ блистать
 Ты можешь, — и отъ зарь горяща,
 Кишишь и съешься дождемъ
 Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье,
 Гдѣ ты сама себѣ равна,
 Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
 И въ глубинѣ твоей ясна,
 Важна безъ пѣны, безъ порыву,
 Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
 Поишь златые въ нивахъ бреги;
 Великолѣпный свой ты ходъ
 Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
 Какое зрѣлище очамъ!
 Ты тутъ подобна небесамъ.

(1) Написано въ Петербургѣ въ 1791 году, въ 5-й день Октября, въ который скончался Кн. Потемкинъ.

(2) Точное изображеніе водопада въ Олонецкой губерніи, называемаго *Кивачемъ*, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кончезерскаго чугунаго завода. Онъ стремится съ высотъ между четырехъ гранитныхъ скалъ. Авторъ здѣсь разумѣлъ также и четыре отдѣленія года, протекаемыя временемъ.

(3) Кончезерскій заводъ отстоитъ около 40 верстъ отъ водопада, но въ сильную порогу по вѣтру слышно бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ, и шумъ сей, смѣшавшись съ шумомъ водъ, производитъ какой-то дикій звукъ, который Державинъ самъ слышалъ, тогда, какъ бывъ Губернаторомъ въ Олонецкой губерніи, видѣлъ сей водопадъ.

(4) Авторъ приказалъ на высотахъ водопада срубить сосну и бросить ее въ стремленіе водъ: въ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки и щепы.

(⁵) Водонадъ сей не мерзнетъ никогда, и водныя капли падаютъ какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей представляетъ чудесное зрѣлище.

(⁶) Здѣсь описываются свойства трехъ звѣрей, совершенно между собою различныхъ. Волкомъ изображается злоба, которая отъ ужаса стервенѣетъ; ланью изображается робость въ опасности; конемъ — гордость или честолюбіе, которое отъ препятствій раздражается и растеть.

(⁷) Подразумѣвается Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

(⁸) За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, какъ воинъ и благоразумный Правитель губерній, ему ввѣренныхъ, былъ почтенъ лаврами и олівами. Но въ послѣднюю тогда Турецкую войну онъ уже не командовалъ главною арміею, а оставался въ резервной, весьма малочисленной, и напослѣдокъ, сложа съ себя начальство по своей просьбѣ, жилъ, во время продолженія войны, какъ частный человекъ, въ 15 верстахъ отъ Яссы въ Молдавской деревнѣ Стенки. Ф. П. Львовъ служилъ въ его канцеляріи и былъ очевидцемъ того философскаго духа, съ которымъ знаменитый полководецъ переносилъ болѣзни лѣтъ своихъ, занимаясь безпрестаннымъ чтеніемъ и рыбною ловлей.

(⁹) Бурею авторъ называетъ немилость Императрицы, которая отлучила Румянцева отъ должности Фельдмаршала. Государыня просила его прѣхать въ столицу для нужныхъ Ей совѣтовъ, по причинѣ войны. Румянцевъ отклонился и по сей единственно причинѣ возложила Она общее управленіе арміями на Князя Потемкина.

(¹⁰) Говорится о ночи, въ которую скончался Князь Потемкинъ.

(¹¹) Оградами названы карреи (carrés), или четырехугольные строи военныхъ отрядовъ, которые Графъ Румянцевъ употреблялъ съ большимъ успѣхомъ въ сраженіяхъ съ Турками.

(¹²) Планы свои Румянцевъ располагалъ по ландкартамъ уединенно и въ великой тайнѣ. Онъ говаривалъ, что если бы рубашка могла узнавать его мысли, онъ бы ее сжегъ.

(¹³) То есть, побѣждалъ Пруссаконъ у Балтійскаго Моря, гдѣ, какъ извѣстно, добываютъ по берегамъ антаръ, а Турокъ у Чернаго побѣждалъ: первыхъ въ семилѣтнюю войну, а вторыхъ въ первую Турецкую.

(¹⁴) Бѣлымъ Царемъ разумѣется Петръ I, понесшій урокъ близъ такъ называемыхъ *Рыбныхъ Могилахъ*, гдѣ онъ былъ отрѣзанъ Турками. Подъ словомъ «границы вечеряго рая» разумѣется рѣка Прутъ, отдѣляющая Молдавію отъ сѣверныхъ областей.

(¹⁵) Князь Потемкинъ, пробѣгая изъ Яссы въ Николаевъ, умеръ на дорогѣ, и тѣло его цѣлую ночь лежало на степи, покрытое плащемъ.

(¹⁶) Гусарь, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобы закрыть ихъ.

(¹⁷) Никто лучше не принаравливался къ обширнымъ видамъ Императрицы Екатерины, какъ великолѣпный *Князь Таавриды*. Всѣ его замыслы (какъ тогда вѣтряха молва) простирались къ тому,

чтобы изгнать Турковъ изъ Европы, усмирить гордость Китайцевъ и установить торгъ съ Индією.

(18) По его видамъ истреблена Запорожская Сѣча, освобожденъ отъ Татаръ Крымъ; изъ нихъ первая разбоями, а послѣдніе незанятными малествіями вредили Россіи. Имъ населены Екатеринославская и Таврическая губерніи, тамошнія степи покрыты городами; на Черномъ Морѣ основанъ флотъ. Онъ потрясаетъ самый Константинополь симъ флотомъ, коимъ начальствовалъ тогда подъ его властію Адмиралъ Ушаковъ.

(19) По взятіи Измаила сами солдаты удивлялись своей храбрости; когда во время приступа случалось, что лѣстницы, употребляемыя для восхода на валы, не доставали до края, то солдаты опирались на штыки и такимъ образомъ взлѣзали на страшный Измаиловскій валъ и взяли крѣпость.

(20) Среди войны и въ самыхъ неудачахъ пышность и роскошь окружали Князя Потемкина.

(21) Вѣнокъ лавровый, изъ богатыхъ брилліантовъ, былъ пожалованъ Императрицею Князю Потемкину за его побѣды; а булава, какъ жезлъ начальства, означала Гетманство, Императрицею ему ввѣренное.

(22) Поэтическое изображеніе мира, только что начатаго предъ кончиною Князя Потемкина.

(23) При погребеніи Принца Виртембергскаго, брата Маріи Феодоровны, скончавшагося въ арміи, Кн. Потемкинъ, вышедъ изъ церкви, такъ былъ тронутъ печальнымъ зрѣлищемъ, что забылся, и вмѣсто своего экипажа, сѣлъ на погребальную колесницу, на которой тѣло принца было привезено въ переквы; опомнясь, онъ чрезвычайно оробѣлъ и всѣ окружающіе его съ того времени какъ будто предугадывали, что конецъ Князя близокъ.

(24) Славный генералъ Вейсманъ, убитый въ первую Турецкую войну за Дунаемъ, погребенъ въ Измаилѣ, гдѣ 40 тысячъ гарнизона во время приступа пали подъ мечемъ Суворова.

(25) Отъ пожаровъ, при взятіи крѣпостей и при пораженіи Турецкаго флота, являлась на небѣ зарева въ видѣ огненныхъ столповъ.

(26) Очаковъ взятъ былъ 6-го Декабря въ такой жестокой морозъ, что даже кровь, текущая изъ ранъ, тотчасъ замерзала.

(27) Въ тихій лѣтній день видны въ водѣ облака и корабельные флаги, отъ чего и кажется, что рыбы какъ будто плаваютъ въ небѣ.

(28) Суна, рѣка, протекающая въ Олонецкой губерніи, составляетъ водопадъ Кивачъ. Названа матерью водопадовъ по отношенію къ Императрицѣ, которая чрезъ сильныхъ людей, Ею возвышенныхъ, блистала и дѣлами и побѣдами.

ПАМЯТНИКЪ. (1)

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
 Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
 Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
 И времени полетъ его не сокрушитъ.
 Такъ! Весь я не умру: но часть меня большая,
 Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станеть жить,
 И слава возрастетъ моя, не увядая,
 Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
 Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ.
 Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея леть Ураль; —
 Всякъ будетъ помнитъ то въ народахъ неисчетныхъ,
 Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
 Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ (2)
 О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
 И истину Царямъ съ улыбкой говорить.
 О, Муза! возгордись заслугой справедливой,
 И презреть кто тебя, сама тѣхъ презирай;
 Непринужденною рукой, неторопливой,
 Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

(1) Подражаніе Горацию, написано въ Петербургѣ въ 1796 году.

(2) Державинъ былъ первый изъ Русскихъ Писателей, сочинявшій лирическія піэсы въ забавномъ слогѣ.—Ломоносовъ и Пушкинъ также перелагали эту оду Горациа.

РЪШЕМЫСЛУ. (1)

Веселонравная, младая,
 Нелицемѣрная, простая,
 Подруга Флакова и дщерь
 Природой даннаго мнѣ смысла!
 Прійди ко мнѣ, прійди теперь,
 О, Муза! славить Рѣшемысла.

Прійди, иль въ облакъ спустися,
 Или хоть въ санкахъ прикатися
 На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
 Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ:
 Какъ ѣздить барыни зимой
 Въ странахъ Сибирскихъ, кладомъ строгихъ.

Прійди, и на своей свирѣли
 Не онаго пой мужа, древле
 Служившаго Царицѣ той,
 Которая въ здоровьѣ маломъ,
 Блестала славой и красой
 Подъ соболинымъ одѣяломъ; } (2)

Но пой, ты пой здѣсь Рѣшемысла,
 Великаго Вельможу смысла,
 Наперсника Царицы сей,
 Которая Сама трудится
 Для блага области Своей,
 И спать въ полудни не ложится; (2)

Которая законы нищетъ,
 Любовію къ народу дышетъ,
 Цѣлѣнитъ сосѣдей безъ оковъ,
 Военны отвращая звуки;
 Даритъ и счастье и покровъ,
 И не сидитъ поджавши руки.

Сея Царицы всепочтенной,
 Великой, дивной, несравненной,
 Сотрудниковъ достойно чтить;
 Достойно честию и хвалами
 Ея вельможъ превозносить,
 И осыпать ихъ вокругъ цвѣтами.

Ты, Муза! съ самыхъ древнихъ вѣковъ,
 Великихъ, сильныхъ человѣковъ
 Всегда умѣла помаскать;
 Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ,
 И въ басняхъ правду представлять:
 Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семь Героѣ:
 Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
 Каковъ умомъ, каковъ душой,
 Каковъ и всякими дѣлами?—
 Скажи, и вичего не скрой:
 Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе,
 Что люди самые честные
 Страшились близъ трона быть,
 Любимцевъ царскихъ убѣгали,
 И не могли тѣхъ вмѣй любить, } (4)
 Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ, хоть выше всѣхъ главою,
 Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
 Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
 Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
 Едва прохаживалъ ли день,
 Кому бы не былъ онъ полезенъ.

Иной ползеть, какъ черепаха,
 Другому милъ топоръ, да плаха;
 А онъ паритъ какъ бы орелъ,
 И все съ высотъ далече видитъ,
 Онъ въ сердце злобы не имѣлъ,
 И даже мухи не обидитъ.

Онъ сердцемъ Царскій тронъ объемлетъ,
 Душой народнымъ нуждамъ внемлетъ,
 И правду между ихъ хранить;
 Отечеству онъ вѣрно служить,
 Монаршу волю свято чтить,
 А о себѣ никакъ не тужить;

Не ищетъ почестей лукавствомъ,
 Мздоимствомъ не прельщенъ богатствомъ,
 Не жаждетъ тщетно санъ носить,
 Но тщится тѣмъ себя лишь славить,
 Что любить онъ добро творить,
 И можетъ счастье доставить.

Закону Божию послушенъ,
 Чувствителенъ, великодушенъ,
 Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
 Къ себѣ строжаѣ, чѣмъ къ другому,
 Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
 Идетъ лишь по пути прямому;

Не празденъ, не лѣнивъ, а точенъ;
 Въ дѣлахъ и скоръ и безпороченъ,
 И не кубаритъ кубарей,
 Но столько же великъ и дома;
 Въ деревнѣ хижинѣ своей
 Какъ былъ когда метатель грома.

Глубокъ, и быстръ, и тихъ, и смѣтливъ,
 При всей онъ важности привѣтливъ,
 При всей онъ скромности шутливъ,
 Въ миру онъ кажется роскошенъ;
 Но въ самой роскоши ретивъ,
 И никогда онъ не оплошенъ.

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
 Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
 Готовъ онъ съ лона нѣги встать;
 Готовъ среди своей забавы
 Внимать, судить, повелѣвать,
 И молніей летѣть въ храмъ славы;

Другъ честности и другъ Минервы,
 Воспедъ на степенъ къ трону первый,
 И безъ подпоръ собою твердъ;
 Ходитъ умѣетъ по паркету,
 И устремяся славѣ въ слѣдъ,
 Готовитъ миръ и громы свѣту;

Безъ битвъ, безъ браней побѣждаетъ,
 Искусство уловлять онъ знаетъ;
 Своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ.
 Я слышу плескъ ему сугубый:
 Онъ вольность плѣнникамъ даритъ, } (*)
 Героямъ шьетъ коты да шубы.

Но, Муза! вижу ты лукава,
 Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права;
 Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
 Вельможей должность представляешь:
 Конечно, ты своимъ перомъ
 Хвалить достоинства лишь знаешь. (6)

(1) Сочинено въ 1782 году и напечатано въ Вѣстникѣ. Въ сказкахъ Императрицы Екатерины о Царевичѣ Февѣѣ Рѣшемысловъ названъ ближній вельможа царя китайскаго Таоау. Здѣсь Державинъ представилъ многіе черты дѣлъ и характера Князя Потемкина.

(2) Во время Императрицы было обыкновеніе у знатныхъ и богатыхъ людей ложиться отдыхать подъ собольнымъ одѣяломъ. Императрица въ той же сказкѣ Сама шутила надъ этою нѣгой и роскошью.

(3) Императрица Екатерина обыкновенно вставала въ 6 часовъ по утру и въ полдень почти никогда не ложилась отдыхать, а занималась какими нибудь пріятными упражненіями: сочиненіемъ комедій, разсматриваніемъ рѣдкостей, а въ послѣднее время отпечатываніемъ антиковъ на картузной бумагѣ, которые дарила приближеннымъ. Многіе изъ нихъ остались у Графини Браницкой.

(4) Сии стихи и два слѣдующіе куплета представляютъ противоположность свойствъ: Герцога Вирона въ царствованіе Императрицы Анны и Князя Потемкина въ царствованіе Екатерины.

(5) Князь Потемкинъ, во время покоренія Крыма, отпустилъ всѣхъ Крымскихъ Татаръ, куда кто пожелалъ; и въ бытность Державина Статсъ-Секретаремъ у Императрицы, Она Сама сказывала ему, что отпущенныхъ Татаръ было болѣе 400 тысячъ кибитокъ, т. е. около двухъ милліоновъ душъ.

Князь Потемкинъ исходатайствовалъ войску покойную и широкую одежду, не нудить солдатъ и отрѣзать косы, которыя они носили по примѣру войскъ Прусскихъ. Зимой въ морозы дозволено было солдатамъ носить коты и шубы.

(6) Державинъ въ то время не былъ еще знакомъ съ Княземъ Потемкинымъ, и не могъ знать всѣхъ его достоинствъ, а роскошная жизнь Потемкина была всѣмъ извѣстна: поэтому никакихъ похвалъ прямо и не относилъ къ его лицу; но когда Княгиня Дашкова, бывъ Директоромъ Академіи Наукъ, желала сдѣлать Потемкину привѣтствіе въ издаваемомъ ею журналѣ, Собесѣдникъ, и просила Державина написать что нибудь въ честь Князя Потемкина, Державинъ исполнилъ ея желаніе, похваливъ достоинство истиннаго Вельможи въ лицѣ Рѣшемысла.

КЪ ПЕРВОМУ СОСЪДУ. (1)

Кого роскошными пирами
 На влажныхъ Невскихъ островахъ,
 Между тѣнистыми древами,
 На муравѣ и на цвѣтахъ,
 Въ шатрахъ Персидскихъ, златошвейныхъ,
 Изъ глинъ Китайскихъ драгоцѣнныхъ,
 Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
 Кого толь славно угощаешь
 И для кого ты расточаешь
 Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
 Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
 Сластей и ананасовъ горы,
 И множество другихъ плодовъ
 Прельщаютъ чувства и питаютъ;
 Младья дѣвы угощаютъ,
 Подносятъ вина чередой,
 И Алиатико съ Шампанскимъ,
 И пиво Русское съ Британскимъ,
 И Мозель съ Зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
 Въ которомъ льется водоскатъ,
 На ложѣ розъ благоуханномъ,
 Средь лѣни, нѣги и оградъ,
 Любовью распаленный страстной,
 Съ молодой, веселою, прекрасной
 И нѣжной Нимфой ты сидишь:
 Она поетъ,—ты страстью таешь:
 То съ ней въ весельи утопаешь,
 То, утомленъ весельемъ, спишь.

Ты спишь—и сонъ тебѣ мечтаетъ,
 Что вѣкъ благополученъ ты;
 Что само Небо разсыпаетъ
 Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
 Что Парка дней твоихъ не косить;

Что откупъ вновь тебѣ приносить
 Сибирски горы серебра,
 И дождь златый къ тебѣ лѣтся.
 Блаженъ, кто по утру проснется
 Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
 Безперерывно въ жизни сей!
 Но рѣдкому пловцу случится
 Безбѣдно плавать средь морей:
 Тамъ бурны дышуть непогоды,
 Горамъ подобно гонять воды,
 И съ пѣною песокъ мутять.
 Петрополь сосны осѣняли;
 Но, вихремъ поражены, пали:
 Теперь корнями вверхъ лежать.

Непостоянство доля смертныхъ;
 Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
 Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
 Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
 Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
 Когда твои ланиты тучны
 Престанутъ Граціи трепать;
 И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ.
 Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
 Коверъ не будетъ распускать;

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
 Судьба ужъ болѣе тебя,
 И вѣтръ благоприятный вѣять
 Во твой парнасъ:—бреги себя!
 Доколь текутъ часы златые
 И не приспѣли скорьби злыя,
 Пей, ѣшь и веселись, сосѣдь!
 На свѣтѣ жить намъ время срочно;
 Веселье то лишь непорочно,
 Раскаянья за коимъ нѣтъ.

(1) Писано въ С.-Петербургѣ въ 1780 году; напечатано въ Вѣстникѣ, потомъ въ 1782 въ Собесѣдникѣ.

По соседству съ Державинымъ жилъ тогда на Сѣнной Курскій купецъ Михаилъ Сергѣевичъ Гошиковъ, содержавшій въ то время въ С.-Петербургѣ винныя сборы; онъ жилъ весьма роскошно. Нѣкоторыми стихами Державинъ хотѣлъ обратить его къ умѣренности и осторожности.

НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО. (1)

Глаголь время! металла звонъ!
 Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
 Зоветь меня, зоветь твой стонъ,
 Зоветь... и къ гробу приближаетъ.
 Едва увидѣль я сей свѣтъ,
 Уже зубами смерть скрежещетъ,
 Какъ молніей, косою блещетъ,
 И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
 Ни каѣ тварь не убѣгаетъ:
 Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
 Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
 Зялетъ время славу стерть:
 Какъ въ морѣ льются быстры воды,
 Такъ въ вѣчность льются дни и годы,
 Глодаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
 Въ которую стремглавъ свалимся;
 Приемлемъ съ жизнью смерть свою;
 На то, чтобъ умереть родимся;
 Безъ жалости все смерть разить:
 И звѣзды ею сокрушатся,
 И солнца ею потушатся,
 И всѣмъ мірамъ она грозить.

Не мнить лишь смертный умирать
 И быть себя онъ вѣчнымъ часть;
 Приходить смерть къ нему, какъ тать,

И жизнь внезапно похищаетъ.
 Увы! гдѣ меньше страха намъ,
 Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
 Ея и громы не быстрѣе
 Слетаютъ къ гордымъ вышнямъ.

Сынъ роскоши, прохлада и нѣтъ,
 Куда, Мецкерскій! ты сокрылся? ⁽²⁾
 Оставилъ ты сей жизни брегъ;
 Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
 Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ,
 Гдѣ жь онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
 Мы только плачемъ и зываемъ:
 «О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь
 Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
 У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь
 И духъ мятется отъ печали:
 Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ; ⁽³⁾
 Гдѣ пиршества раздавались лики,
 Надгробные тамъ воютъ клики,
 И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ....

Глядитъ на всѣхъ, — и на Царей,
 Кому въ державу тѣсны міры;
 Глядитъ на пышныхъ богачей,
 Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
 Глядитъ на прелесть и красы,
 Глядитъ на разумъ возвышенный,
 Глядитъ на силы дерзновенны,
 И... точить лезвее косы.

Смерть, трепеть естества и страхъ!
 Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
 Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
 Сегодня льстить надежда лестна,
 А завтра — гдѣ ты, человекъ?
 Едва часы протечь успѣли, —
 Хаоса въ бездну улетѣли,
 И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Исчезла и моя ужъ младость;
 Не сильно нѣжить красота,
 Не столько восхищаетъ радость,
 Не столько легкомыслень умъ,
 Не столько я благополучень;
 Желаніемъ честей размучень:
 Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
 И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
 Богатствъ стяжаніе минетъ
 И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
 Прейдетъ, преидетъ въ чреду свою.
 Подите, счастья, прочь, возможны!
 Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны: —
 Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, или завтра умереть,
 Перфильевъ! должно намъ конечно: (4)
 Почто жъ терзаться и скорбѣть,
 Что смертный другъ твой жить не вѣчно?
 Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословляй судьбъ ударъ.

---

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1780 году; напечатано въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, потомъ въ Собесѣдникѣ.

(2) Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Александръ Ивановичъ Мещерскій, Главный Судья Таможенной Канцеляріи.

(3) Мещерскій былъ большой хлѣбосоль, и жилъ весьма роскошно.

(4) Генералъ-Маіоръ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, бывший при воспитаніи Императора Павла кавалеромъ, искренній другъ Мещерскаго, всякій день былъ съ нимъ вмѣстѣ.

К Л Ю Ч Ъ. (1)

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою,
 Въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ,
 На урну облегшись рукою,
 Являющій лице небесъ
 Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
 Текущій съ горной высоты.
 Луга поящій, доли злачны,
 Кропящій перлами цвѣты,
 О, коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистъ — и восхищаешь взоры,
 Ты быстръ — и утѣшаешь слухъ;
 Какъ серна скачуща на горы,
 Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
 Желаньемъ цѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
 Глядится красная заря,
 Какіе пурпуры огнисты
 И розы пламенны, горя,
 Съ наденьемъ водъ твоихъ катятся!

Гора, въ день стадомъ покровенну,
 Себя въ тебѣ, любуясь, зреть;
 Въ твоихъ водахъ изображенну.
 Дуброву вѣтерокъ струить,
 Волнуетъ жатву золотую;

Багрянымъ брегъ твой становится,
 Какъ солнце катится съ небесъ;
 Лучемъ кристалль твой загорится,
 Вдали начнетъ синѣться лѣсъ,
 Тумановъ море разольется;

О! коль ночьюю темнотою
 Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
 Какъ блѣдны холмы надъ тобою

И роци дремлють въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Старая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей!
Завидую Пята счастью, (2)
Вкусившему воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанну.

Напой меня, напой тобою!
Да воспою подобно я,
И съ чистою твоей струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ!

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучь:
Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій Ключъ, (3)
Поилъ водой ты стихотворства.

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1779 году; напечатано въ томъ же году въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, въ другой разъ въ Собесѣдникѣ въ 1792 году, а третій въ 1 части въ 1798 году.

(2) Державинъ высоко чтитъ Михайла Матвѣевича Хераскова, сочинителя Россіады.

(3) Ключъ въ подмосковномъ селѣ Гребеневѣ, которое принадлежало Хераскову, гдѣ онъ сочинилъ свою поэму, одушевленную чистою любовью къ отечеству.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ. (1)

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколь,» рекъ: «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?»

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,

Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливыхъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»

Не внемлють! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясають,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ дровъ увядшій листь падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣднй рабъ умретъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Прійди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

(1) Мысль сего стихотворенія почерпнута изъ 81 псалма Царя Давида. Ода эта въ первый разъ напечатана въ 1787 году въ періодическомъ изданіи Зеркало Свѣта.

Когда Державинъ поднесъ сочиненія свои лично Императрицѣ Екатерины, Она благоволила принять ихъ милостиво и занялась чтеніемъ оныхъ. Въ слѣдующее воскресенье, по прїѣздѣ ко Двору, автору показалось, что Государыня была на него гнѣвна, потому что всѣ придворные отъ него отвращались. На второе воскресенье казалось ему тоже, на третье онъ рѣшился спросить о причинѣ гнѣва Императрицы Графа Безбородко (бывшаго послѣ Свѣтлѣйшимъ Княземъ). Графъ ничего яснаго ему не сказалъ; можетъ быть, не могъ или не хотѣлъ. Но Графъ Мусинъ-Пушкинъ, бывший тогда Оберъ-Прокуроромъ Синода, пригласилъ Державина къ себѣ обѣдать. На этомъ обѣдѣ, Г. Булгаковъ, бывший Посланникомъ въ Константинополь, знакомецъ автора, спросилъ

у него: для чего онъ нынѣ пишетъ якобинскіе стихи? Авторъ не могъ понять такого вопроса, но Булгаковъ объяснилъ, что онъ читалъ такого рода стихи въ его сочиненіяхъ, именно въ предложеніи Псалма 81. Державинъ отвѣчалъ, что никогда не держался якобинскихъ мыслей, и не можетъ понять, почему относить это къ Псалму, написанному Царемъ Давидомъ? «Однакожь какъ бы ни было,» отвѣчалъ Булгаковъ: «такіе стихи не по времени» — и замолчалъ. Надобно замѣтить, что въ самое сіе время революція Французская была въ жесточайшемъ разгарѣ, и что якобинцы (какъ авторъ узналъ гораздо послѣ) переложили Псаломъ сей и разсѣяли въ народѣ. Такимъ образомъ, Державинъ остался въ крайнемъ недоумѣніи послѣ словъ Булгакова и возвратился домой, не зная что подумать. Вечеромъ пріѣхалъ къ нему Дмитриевъ, бывший тогда гвардіи офицеромъ Семеновскаго полка; онъ самъ былъ поэтъ и добрый пріятель автору. «Что съ вами дѣлается?» спросилъ Дмитриевъ: «звась велѣно спросить Г. Шишковскому, почему вы осмѣлились написать такіе дерзкіе стихи и поднести ихъ Императрицѣ? — «Когда такъ, то я самъ спрошу,» отвѣчалъ авторъ: «почему ихъ такими разумѣютъ.» Объяснивъ, что «тогъ Псаломъ переложень былъ еще въ 1787 году, онъ отнесся къ Графу Безбородко, къ Статсъ-Секретарю Троцинскому, у котораго были сочиненія автора и гдѣ ихъ читалъ Г. Булгаковъ, и наконецъ къ бывшему тогда при Дворѣ Князю Зубову. Въ слѣдующее воскресенье Державинъ поѣхалъ во дворецъ узнать, что съ нимъ далѣе будетъ; но увидѣлъ уже Императрицу милостивою и господъ придворныхъ весьма вѣжливыхъ.

ПРИНОШЕНІЕ. (1)

МОНАРХИНЯ.

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
 Какъ Бога, истинну Фелицу во плоти
 И добродѣтели Твои изображала,
 Дерзаю къ Твоему престолу принести,
 Не по достоинству изящѣйшаго слога,
 Но по усердію къ Тебѣ души моей,
 Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
 Прими съ небесною улыбкою Твоей,
 Прими и освяти Твоимъ благоволеньемъ,
 И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
 Какъ мнѣ была и есть Ты отъ клеветъ спасеньемъ. (2)
 Да веселясь она, и съ бодрственнымъ челомъ

Пойдетъ сквозь тму время и станетъ средь по-
томковъ,

Суда ихъ не страшась, Твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ;
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глотать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенить,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — Твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

(1) Первая часть сихъ сочиненій поднесена была Импера-
трицѣ Екатерины II самимъ авторомъ въ Петербургѣ Ноября 8-го
дня 1795 г., и оставалась въ Ея кабинетѣ до Ея кончины, послѣ-
довавшей въ 6 день Ноября. Книга сія не была издана въ свѣтъ
при жизни Императрицы, потому что были люди, которые увѣрили
Государыню, что въ стихахъ Державина много было сатириче-
скихъ выраженій. По кончинѣ Императрицы, при Государѣ Павлѣ
Петровичѣ, когда авторъ опредѣленъ былъ въ Совѣтъ, онъ чрезъ
Статсъ-Секретаря Нелединскаго, въ 1798 г., получилъ свои сочи-
ненія обратно. Впрочемъ многія изъ нихъ отдѣльно были уже из-
вѣстны. Ода «Фелицъ» была напечатана въ Собесѣдникѣ. Нѣкото-
рыя другія были напечатаны подъ названіемъ: Ода на взятіе
Измаила, также, какъ и поэтическое описаніе праздника Князя
Потемкина Таврическаго, были изданы особенно. Иванъ Ивано-
вичъ Шуваловъ приказывалъ въ разныя времена печатать стихо-
творенія Державина въ Университетѣ. 1-я часть напечатана была
въ 1798 г. и перепечатана въ 1803 г. въ С.-Петербургѣ, съ при-
бавленіемъ трехъ послѣдующихъ частей; въ третью часть вошли
анакреонтическія пѣсни Державина, изданныя отдѣльно еще въ
1804 году.

(2) Одою къ Фелицѣ сочинитель навлекъ на себя неудоволь-
ствія многихъ вельможъ; но не смотря на сіе, принятъ былъ въ
Статсъ-Секретари покойной Императрицы въ 1791 году Декабря
12 дня.

(3) Предокъ Державина, Мурза Багримъ, выѣхалъ изъ Золо-
той Орды на службу къ Великому Князю Василію Темному;
дѣти его были: Нарбекъ, Кегль, Акинфъ и Держава; отъ нихъ
произошли фамилія Нарбековыхъ, Кегловыхъ, Акифовыхъ и Дер-
жавиныхъ.

ЦАРЬ - ДѢВИЦА.

Царь жила-была Дѣвица,
— Шепчетъ Русска старина —
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна;

Очи свѣтлы, голубыя;
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — златыя,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной;

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася любовь.

Родилась она въ сорочкѣ,
Самой счастливой цорой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
«Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.»

Маковка злата церковна
Казъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней.

И вливала чувство тайно —
Съ страхомъ чтить ее, дивясь;
Къ ней прійти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе цари:
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри;

И Полканы всюду чудны
 Домъ стрегли ея и тронъ;
 Съ колоколенъ самогудный
 Слышался и ночью звонъ;

Теремъ былъ ея украшенъ
 Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
 Отливались блески съ башень
 Во осьми ея моряхъ;

Въ рощахъ злчныхъ, въ лукоморѣ
 Въявь гуляла и въ саду,
 Лѣтомъ въ лодочкѣ на взморѣ,
 На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился
 Чувъ Дѣвицу ѣздока;
 Полкъ за нею Нимфъ тащился
 По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
 Страсть была ея гонять,
 Гладить ланей златорогихъ,
 И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали,
 Ни кузнечики дремать;
 Тихо вѣтерки порхали,
 Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски,
 Скакивалъ заморскій котъ,
 Пѣли соловьи китайски
 И жужжукалъ водометъ.

Статно стоя, нянки, мамки
 Одадь смѣли чуть дышать,
 И бояръ къ ней спозаранки
 Въ спальню съ дѣломъ допускать.

Съ ними такъ она вѣщала,
 Какъ изъ облакъ Божество;

Лежа, царствомъ управляла,
Ихъ жура за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То по кудрямъ банмачкомъ.

Всѣ они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня;
Крыли, прятали ихъ лица
Отъ малѣйшаго пятна,

И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдѣ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ;
Маслила браны сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздолѣ;
Плавали, какъ въ маслѣ сырѣ.
Бѣдила на богомолѣ, —
Божествомъ ее всякъ чтить.

Всѣ поля ея златились
И шумѣли подъ серпомъ,
Тучныя стада водились
Горы капали сребромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣ нѣтъ.

Стиходѣи ту жъ бряцали
И на гусляхъ милу ложь;
Въ царствахъ иныхъ повторяли
О Царѣ-Дѣвицѣ тожь.

И отъ этого-то грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной ей дары шлетъ,
Подъ ковромъ на Хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самоцвѣтъ;

Тотъ эдемскаго индѣя,
Гребень — звѣздъ на немъ нарость,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвостъ;

Колпицъ алы черевички
Несъ — съ бандорой тотъ плясать;
Горлицъ нѣжныя яички, —
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась;
Набожна была чрезчуръ:
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь,

Иль велѣла имъ трудиться:
Яблокъ райскихъ ей искать,
Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣтитесь.
Въ тмѣ вѣкъ младостью блистать

Но они понадорвали
Свой животъ, и стали въ пень;
Что искали, — не сыскали,
И исчезли будто тѣнь.

Тутъ откуда ни явился
Царь, царевичъ, или круль;

Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ;

По бедру коня хлестъ задню,
И въ тотъ мигъ невидимъ сталь, —
Шастъ къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню,
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася платочкомъ
И ворчала хотъ въ сердцахъ;
Но какъ въ слѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ
Тронулъ сѣтъ садовыхъ струнъ:
Градъ позналъ въ семь звукъ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ,
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ,
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-Дѣвицѣ,
И, служба ей, мстить за честь.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ;
Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя,
И булатъ и сталь острять;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летять;

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Тонаютъ, храпятъ и ржутъ,

На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымають, пѣну льютъ;

Въ слухъ пищали стѣнобойны,
Растворя чугуны рты;
Воютъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ идти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистенемъ;
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ;

Занимаетъ стени, луги
И пасадами моря,
И кричатъ: «Помремте, други,
За Дѣвицу и Царя!

«Не плѣнила златомъ, сбойствомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.»

И такъ сими вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что поднявъ бугры плечами,
Растрепали круля въ пухъ;

И еще въ его бы царствѣ
Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бѣ не было въ пространствѣ,
Чѣмъ его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожаль ея перуна
И въ своемъ ужъ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нѣжный нравъ довольно зналъ;

Сталь пастухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушаль.

«Виновать», пѣль: «предъ тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою.»
— «Сядь со мной!» она рекла...

Такъ и всѣ красотки славны
Дервостей не могутъ несть;
Всѣ бывають своенравны,
Любятъ жены, дѣвы честь.

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА. (1)

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты,
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ,
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вокругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно

Въ царствѣ Сѣверномъ рождень.
 Родился, — и въ ту минуту
 Пересталъ ревѣть Борей;
 Онъ дохнулъ, — и зиму лоту
 Удалилъ Зефиръ съ полей;
 Онъ возрѣлъ, — и солнце красно
 Обратилося къ веснѣ;
 Онъ вскричалъ, — и лиръ согласно
 Звукъ разнесся въ сей странѣ;
 Онъ простеръ лишь дѣтски руки, —
 Ужъ порфиру въ руки бралъ;
 Раздались громовы звуки, —
 И весь Сѣверъ возсіялъ.
 Я увидѣлъ въ восхищеньѣ
 Растворенъ Судебъ чертогъ;
 Я подумалъ въ изумленьѣ:
 Знать родился нѣкій Богъ.
 Геніи къ нему слетѣли
 Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ, —
 Каждый Геній къ колыбели
 Даръ рожденному принесъ:
 Тотъ принесъ Ему громъ въ руки
 Для предбудущихъ побѣдъ;
 Тотъ Художества, Науки,
 Украшающія свѣтъ;
 Тотъ обиліе, богатство,
 Тотъ сіяніе порфиръ;
 Тотъ утѣхи и пріятство,
 Тотъ спокойствіе и миръ;
 Тотъ пренесъ Ему тѣлесну,
 Тотъ душевну красоту;
 Прозорливость тотъ небесну,
 Разумъ, духа высоту.
 Словомъ: всѣ ему блаженства
 И таланты подаря,
 Всѣ вліяли совершенства,
 Составляющи Царя;
 Но послѣдній, добродѣтель
 Зараждаючи въ немъ, рекъ:
 «Будь страстей твоихъ владѣтель;

Будь на тронѣ челоуѣкъ!»
 Всѣ крылами восплескали;
 Каждый Геній восклицалъ:
 «Се божественный,» вѣщали,
 «Даръ младенцу онъ избрали!
 Даръ всему полезный міру!
 Даръ добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
 Кто приеѣмлетъ съ Нимъ порфирю,
 Будетъ подданнымъ отецъ!» —
 «Будетъ,» — и Судьбы гласили:
 «Онъ Монархамъ образецъ!»
 Лѣсъ и горы повторили:
 «Утѣшеніемъ сердець!» —
 Симъ Россія восхищенна
 Токи слезны пролила,
 На колѣна преклоненна,
 Въ руки отрока взяла;
 Воспріявъ Его лобзаеѣтъ
 Въ перси, очи и уста;
 Въ Немъ геройство возрастаетъ,
 Возрастаетъ красота.
 Всѣ Его ужъ любятъ страстно,
 Всѣхъ сердца ужъ Онъ возжогъ:
 Возрастай, Дитя прекрасно!
 Возрастай, нашъ полубогъ!
 Возрастай, уподобляясь
 Ты Родителямъ во всемъ;
 Съ Ихъ Ты Матерью равняясь,
 Соравняйся съ Божествомъ!..

(1) Стиха эти написаны въ рожденіе Императора Александра, послѣдовавшее 1777 года декабря 12 дня, когда совершается поворотъ солнца къ лѣту. Державинъ сочинилъ оду въ самый годъ рожденія Александра; но такъ какъ она написана въ подражаніе Ломоносову, то и не была напечатана. Стихи же на «Рожденіе Порфиророднаго Отрока» написаны Державинымъ не прежде 1780 года, и напечатаны въ первый разъ въ Вѣстникѣ, а во второй въ 1798 году.

АМУРЪ И ПСИШЕЯ. (1)

Амуру вздумалось Псишею,
Рѣзвися, поймать:
Опутаться цвѣтами съ нею,
И узель завязать.

Прекрасна плѣбница краснѣеть,
И рвется отъ него:
А онъ какъ будто бы робѣеть
Отъ случая сего.

Она зоветъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узель развязать;
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся,
И имъ служить хотятъ;
Но ушики не суетятся, —
Какъ вкопаны стоять.

Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Псишея не бѣжитъ, ни стонетъ:
Свились какъ листь съ травой.

Такъ будь, чета! вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣнь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

(1) Сочинено въ 1792 году въ Царскомъ Селѣ, по случаю стовора Великаго Князя Александра Павловича съ Великой Княжной Елисаветой Алексѣевной. Нареченная Чета запуталась ненарочно въ лентахъ такъ, что принуждены были ихъ разрѣзать. На эти стихи сочинена была музыка придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ и въ присутствіи Императрицы Екатерины пѣты въ Царскомъ Селѣ на Камероновой Колоннадѣ.

ПРАЗДНИКЪ

ВОСПИТАНИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

(Въ день рожденія Императрицы, 22 июля 1797 г.)

Если бь умъ какой чудесный
Столь возвыситься возмогъ,
Чтобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлетѣлъ чертогъ,
И средь тучъ тамъ бирюзовыхъ,
Будто множество зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Миріады свѣтлыхъ лицъ,
Въ ризахъ блестящихъ, эфирныхъ,
Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агатныхъ, иль сапфирныхъ
Черпаль бы восторгъ очесъ:
Красоты ихъ лучъ небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно трогали бы слухъ;
Райскихъ дровъ благоуханье
Сладко упояло духъ;
Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ, что уши бранны
Неудобны въ слухъ внимать;
Слышаль, Серафимовъ хоры
Какъ Царя Царей поють,
Какъ вперенные ихъ взоры
Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
Тотъ возмогъ бы, по сравненью
Сихъ божественныхъ чудесъ,
Живо описать, къ видѣнью
Росскихъ мысленныхъ очесъ,
Какъ полсвѣта Повелитель
И его любезный Домъ,
Павель, посѣщаль обитель,

Юныхъ дѣвъ священный сонмъ:
 Какъ онѣ Его встрѣчали,
 Будто Бога, или отца;
 Пѣньемъ души восхищали,
 А красною вѣзъу сердца; —

Или, если бы рожденье
 На водахъ кто зрѣлъ весны
 И ея въ лучахъ явленье
 Изъ кристаллыя волны;
 Съ холма кинувъ быстро око
 На прекрасный Волги брегъ,
 Гдѣ, разлившися широко
 И склоня свѣтлый бѣгъ
 На Каспійско Море стекляно,
 Злачныхъ горъ она въ тѣни,
 Море гладко, златорядно,
 Представляетъ въ ясны дни;
 Тамъ бы на песчаныхъ стенахъ
 Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,
 Что, собравшись въ миллионъ,
 Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
 Кроткія межъ нихъ колонны
 Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
 Сребророзовыя птицы
 Лоснятся поверхъ зыбей,
 И шурмятъ, и играютъ,
 И трепещутъ средь волнъ,
 Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
 Разноцвѣтный влажный огонь;
 Зрѣлъ бы, какъ, слетаясь крылами
 Ходятъ по мелямъ стѣной,
 Вдаль расплывшися кругами,
 Влечутся промежъ собой;
 Громкій голосъ ихъ бесется
 По водамъ и по полямъ;
 Гулъ отъ холмовъ раздается,
 Изъ-за роцей тихій гамъ:
 Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
 Ту картину начертать,

Какъ Марию несравненну,
 Нѣжную Россіи мать,
 Юны дѣвы принимали
 Во святилищѣ своемъ,
 Благовѣнно предстояли
 Предъ Величества лицемъ;
 Въ темной зеленью аллеѣ,
 Древь подровненныхъ въ тѣни,
 Снѣга самаго бѣлѣе,
 Легче воздуха въ ткани,
 Передъ Ней онѣ играли
 На помостѣ золотомъ,
 Пѣли, прыгали, плясали
 И рядами и кругомъ;
 Въ даръ священный приносили
 Рукъ издѣлія своихъ;
 Не сокровища дарили,
 Но сердце преданность ихъ;
 Лишь того искали взоромъ
 И желали всей душой,
 Чтобъ почтила разговоромъ,
 Иль улыбкой ихъ Своей;
 А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
 Будто среди птицъ весна,
 Къ дѣтямъ взоръ бросаѣ нѣжной,
 Зрѣлась божествомъ она; —

Иль, когда бы къ баснословнымъ
 Кто восхитясь временамъ,
 Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
 На Олимпѣ восшелъ пирамъ.
 И увидѣлъ бы на ономъ
 Подъ падешемъ шумныхъ водъ,
 Подъ янтарнымъ небосклономъ
 Въ хладную пещеру входъ,
 И молодыхъ къ ней Нимфъ прекрасныхъ,
 Славнымъ пиромъ, на столахъ,
 На узорчатыхъ, атласныхъ,
 Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
 Угощающихъ пріятно

Посѣтителей боговъ;
Какъ хитоны ихъ опрятно,
Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ ошъ пристойно
Лентами зарей цвѣтныхъ,
Сановито и снокойно
Ходятъ вокругъ гостей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поступью, свободной
Къ гостю каждая пришла;
Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ серебряныхъ, златыхъ,
Сочножелтые, багряны,
Вкусноспѣлые плоды,
Въ хрустальныхъ напитки хладны.
Сладки, искрометны льды;
Какъ тамъ боги и богини,
Ослабляясь, глядятъ,
Со герои, съ героини
Яствы сахарны ѣдятъ;
Какъ амброзія небесна
Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ;
Разсыпается чудесна
Пища райская въ рукахъ;
Льется въ медъ благовонномъ
Вспламеняющій нектаръ,
Въ сокъ розовомъ, перловомъ
Мразъ, гасящій зноя жаръ:
Тотъ бы внятно могъ и живо
Описать сей праздникъ намъ,
Торжество то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
На столновъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
Рукъ художествомъ, журчатъ,
Къ большей прелести природы.

На прекрасный Невскій берегъ
Льющіесь съ ээира воды,
Для прохладъ и для утѣхъ;
Гдѣ усердіе являли,
И въ привѣтствіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И Царицамъ и Царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межъ утѣхъ и межъ прохладъ;

Иль, — когда уже зephyры
Начинають влажно дуть,
Боги въ мягкіе сапфиры
Идутъ съ пиршествъ отдохнуть,
Какъ златыя Феба стрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользять.
Вечеръ потемняетъ селы,
Окна пламенемъ горять —
Еслибъ смертный дерзновенный
Кто отважится столь смѣль,
Чтобъ таинственны, священны
Игры древнія хотѣль
Зрѣть украдкой среді ноци,
И по слутаннымъ тропамъ
Проходя кедровой рощи,
Вдругъ увидѣль Весты храмъ;
Зрѣль вокругъ его, весталей
Какъ прохаживаетъ строй;
Огнь виситъ внутри кристалей,
Во треножникѣ струей
Послѣ жертвы дымъ курится;
Предъ священнымъ алтаремъ
Каждая дѣвица зрится
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блестящи красою,
Важности святой полна,
Подъ прозрачною фатою,

Будто сквозь туманъ луна;
 Кушно всё благоговѣнемъ
 Жертвенникъ обходятъ вокругъ,
 И съ тимпановъ удареньемъ
 На колѣни падши вдругъ
 Передъ образомъ богини,
 Славословіе поютъ;
 За дары, за благостыни,
 Въ жертву ей цвѣты кладутъ;
 И гласятъ: «О, земнороднымъ
 Божествамъ прекрасна Мать!
 Если взоромъ благосклоннымъ
 Соизволишь приизрять
 Дѣвъ, Тобою вскормленныхъ,
 И прощенью внемлешь ихъ:
 То внуши молитвъ усердныхъ
 Глазъ воспитаницъ Твоихъ,
 И даруй, да подъ покровомъ
 Матерней руки Твоей,
 Благоправя въ блескъ новомъ,
 Непорочности стезей,
 Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
 И достойными Тебя
 Будемъ жизни святою,
 Добродѣтель вѣкъ любя;
 Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньѣ
 Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣсть,
 Въ разноцвѣтномъ гдѣ сѣанѣ
 Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ;
 Какъ съ невинностью питая
 Хладъ безстрастія въ крови,
 Забавлялися, не зная
 Сладостныхъ заразъ любви;
 Какъ сокрывшися въ листья, въ гроты,
 И облекшися въ темну ночь,
 Метать тщетно въ нихъ Эреты,
 И летать съ досадой проче;
 Видѣлъ бы, и тайный зритель
 Древнихъ праздниковъ святыхъ,
 Игру спихъ вѣрный былъ сравнитель

Русской Весты дѣвъ младыхъ,
 Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
 Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
 День рожденья ихъ Царицы
 Проводили торжествомъ.
 Вся Россія возставала
 Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ,
 Слезы радости роняла;
 Такъ привѣтствовала ихъ:
 «Я покоюсь послѣ боевъ, —
 Процвѣтайте въ тишинѣ;
 Будьте матери героевъ,
 И подпорой твердой Мнѣ.»

РАЗВАЛИНЫ (1).

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
 Великолѣпный храмъ стоялъ:
 Столпы, подзоры, пирамиды
 И куполь золотомъ сіялъ.
 Вотъ здѣсь, дубами осѣненна,
 Рѣзная дверь въ него была,
 Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
 Во внутрь святилища вела.
 Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
 Дымились жертвой алтари,
 Сбирались на молитву міры,
 И били ей челою Цари.
 Вотъ тутъ была уединенной
 Поутру каждый день съ зарей,
 Писала, какъ владѣть вселенной,
 И какъ сердца плѣнять людей.
 Тутъ поставлялася трапеза,
 Кругъ юныхъ дѣвъ, и сонмъ жрецовъ;
 Богатство разливалось Креза,
 Серебро и золото средь столовъ;
 Тутъ арфы звучныя гремѣли,

И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
 Особо тутъ Сирены пѣли,
 И гласовъ сладостью, стиховъ,
 Сердца и умъ обворожали;
 Тутъ нектаръ изъ сосудовъ бить,
 Курильницы благоухали,
 Зной лѣтній провѣваль Зефиръ;
 А тутъ крылатые служили
 Полки прекрасныхъ, меткихъ слугъ,
 И отъ богининой носили
 Руки амброзію вокругъ.
 Она, тутъ сидя, обращалась,
 И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
 Возставши, тихо поклонялась,
 Блестая щедростью лица.
 Здѣсь, въ холденъ, уходила въ гроты,
 Покоилась прохлада въ тѣни;
 А тутъ Амуры и Эроты
 Уединялись съ ней одни.
 Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
 Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ;
 Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
 Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ;
 Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,
 Тутъ азійскихъ домигъ нѣтъ;
 Тутъ на Парнасѣ музы пѣли;
 Тутъ звѣри жили для утѣхъ;
 Здѣсь въ разны игры забавлялась,
 А тутъ, прекрасныхъ нимфъ съ полкомъ,
 Подъ вечеръ красный собиралась
 Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
 Ходила по дугамъ, долинамъ,
 По мягкой муравѣ, близъ водъ,
 По желтымъ среди розъ тропинамъ;
 А тутъ, затѣя хоровадь,
 Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ
 Играть, плясать между собой
 По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
 Вдали музыки роговой.
 Они, кружась, рѣзвась, летали,

Шумѣли, говорили вздоръ;
Въ зеркалѣ водѣ себя казали,
Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ;
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали на конькахъ;
Иль въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
Киприда тутъ средь миртъ сидѣла,
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восклицающихъ смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей,
Иль на станицу сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ, красноокихъ
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ.
Другъ другомъ съ лаянемъ гонимыхъ
Мелькающихъ между лѣскомъ.
А здѣсь, исполнясь важна вида,
На памятникъ своихъ побѣдъ
Она смотрѣла на Алкида,
Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
Какъ прочіе ея герои,
По манію ея очесъ,
Въ ужасные вступали бои,
И тмы подѣлали чудесъ;
Приступомъ грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царства покоряли,
И въ плѣнъ водили къ ней царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣстницѣ отлогой шла,
Куда гостить ходили боги
И гдѣ она всегда стрегла
Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканный,
На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
Тотъ хитрый геній, изванный,
Который счастье ей дарилъ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,

Трофеи мира и войны,
 Здоровье, радости и смѣхи
 И легкіе, пріятны сны.
 Въ семь теремъ, Олимпу равномъ,
 Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ,
 Художествомъ различнымъ славномъ,
 Горѣли ночью тучи звѣздъ,
 Красу богини умножали,
 И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
 Ее, какъ солнце, представляли...

Но здѣсь ея ужъ нинѣ нѣтъ:
 Померкъ красота волшебныхъ свѣтъ;
 Все тмой покрылось, заустѣло;
 Все въ прахъ упало, помертвѣло;
 Отъ ужаса вся стынеть кровь: —
 Лишь плачетъ сирая Любовь.

(¹) Аллегорическое изображеніе опустѣвшаго Царскаго Села подъ именемъ Кипра, а Императрицы Екатерины подъ именемъ Киприды. Напечатано на особыхъ листкахъ въ Саксоніи Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, который по волѣ Государя Павла I-го оставилъ Россію.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

(Подражаніе Анакреону).

Зевесъ быкамъ далъ роги,
 Конята лошадямъ,
 Проворны зайцамъ ноги,
 Зубасты зѣвы лвамъ,
 Свободность плавать рыбамъ,
 Нареніе орламъ,
 Безстрашный духъ мужчинамъ;
 Но что жъ онъ далъ женамъ?
 Чѣмъ все то замѣнить?

Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечъ и щить
Красавица сражаетъ.

СОЛОВЕЙ СО СНѢ.

(1797 г.).

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей;
То звучалъ, то отдавался,
То стоналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ.

(Подражаніе Анакреону).

На розѣ опочила,
Въ листахъ пчела сидя;
Вдругъ въ пальчикъ уязвила

Венерино дитя:
 Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
 И къ матери бѣжитъ;
 Облившись слезами,
 «Пропалъ, умру!» кричить:
 «Ужалень небольшою
 Крылатой я змѣей,
 Которая пчелою
 Зовется у людей.»
 Богиня отвѣчала:
 «Суди жъ: коль такъ пчелы
 Тебя терзаетъ жало,
 Что жъ твой ударъ стрѣлы?»

ПЛАЧЪ ЦАРИЦЫ. (1)

Развернулась лишь лилея,
 И на солнце стала зрѣть;
 Улыбнулась, алѣя,
 Только роза, — ссѣкла смерть.
 Будто мраморна Царица
 На супружней выѣ зрится.
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Плачетъ добрая Царица:
 Рокъ у ней злой дочь унесъ;
 Какъ роса, огнемъ струится
 На ланитахъ капля слезъ,
 Скорбь души изображая.
 Дочь бездушну лобызая,
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Въ одиночествѣ, въ разлукѣ,
 Какъ супруга нѣтъ со мной,
 Кто мнѣ въ горести и скукѣ

Собесѣдникъ будетъ мой?
 Чей мнѣ взоръ и лепетанье
 Вспомнить Ангеловъ витанье? —
 Стонеть мать, стонеть свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Кто Царя во дни унывны
 Взглядомъ милымъ озарить;
 Руки распростра невинны,
 Взять на лоно приманить?
 Ахъ! кто бранному Герою
 Дѣтской честь отдасть игрою?
 Стонеть мать, стонеть свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Тяжко бремя кто короны
 Будеть нашей облегчать?
 Подъ порфирой духа стоны
 Упованьемъ услаждать?
 Безъ надежды наслажденья
 Цѣлый свѣтъ не награжденье.
 Стонеть мать, стонеть свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Прочь и скипетръ, и держава,
 И блестящій дворскій сонмъ!
 Суета и Царска слава,
 Если смерть грозитъ серпомъ.
 Такъ Царица возглашала
 И утѣхамъ не внимала.
 Стонеть мать, стонеть свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Но межъ ей и межъ супруга
 Стоя плачуща, Любовь
 Лобызаніемъ другъ друга
 Утоляетъ смутну кровь,
 Весь народъ, имъ благъ радѣя,
 Просить: кроткая лилея!

Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

---

(1) Псалъ Царицы сочиненъ въ Апрѣлѣ 1808 года на кончину
Княжны Елисаветы Александровны.

О К О В Ы.

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Вырвавъ волосъ, привязала
Къ красотамъ меня своимъ.
Ставь сей скованъ цѣпью нѣжной
Я прервать ее хотѣлъ;
Но, чрезъ опытъ, и желѣзной
Тверже цѣпи я нашель.
Съ самой той поры я въ скукѣ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь.
Не могу съ ней быть въ разлукѣ,
Волосомъ за ней влежусь.
Тѣмъ лишь только облежусь,
Что къ ней ближе приближаюсь
И касаюсь сладкихъ устъ.

Б А С Н Я,

написанная въ Калугѣ, 1802 г.

Рубилъ крестьянинъ дубъ близъ корня топоромъ,
Звучало дерево, пускало шумъ и громъ,
И листья на вѣтвяхъ хотя и трепетали,
Близъ корня видючи топоръ,
Но, въ утѣшеніе себѣ, съ собой болтали,
Но лѣсу распуская всякій вздоръ.—
И дубъ, надѣясь на корень свой, гордился,

И презиралъ мужичій трудъ;
 Мужикъ же все трудился
 И думалъ между тѣмъ: пускай ихъ врутъ:
 Какъ корень подсеку, и вѣтви упадутъ!

ТОРЖЕСТВО ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ
 ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (1)

отправленное въ Тамбовѣ Губернаторомъ Державиннымъ, въ его
 домѣ, 1786 іюня 28.

О С О Б Ы,

СОСТАВЛЯВШІЯ КАДРЕЛЬ И ХОРЫ

(большую частію дѣти).

Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
 Лаврентій Семеновичъ Журавченко.
 Иванъ Петровичъ Ивановъ.
 Анна Николаевна
 Прасковья Николаевна } Свѣчины.
 Надежда Николаевна
 Княжна Катерина Ивановна Давыдова.
 Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
 Елисавета Антоновна Аничкова.
 Александръ Антоновичъ Аничковъ.
 Надежда Матѣевна Буддакова.
 Михайла Николаевичъ Корнилицынъ.
 Катерина Степановна Беклемишева.
 Николай Дмитріевичъ Хвощинской.
 Фіона Ивановна Комсина.
 Николай Степановичъ Беклемишевъ
 Софья Дмитріевна Хвощинская.
 Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
 Евпраксія Николаевна Сатина.
 Борисъ Дмитріевичъ Хвощинской.
 Елена Николаевна Охлебинина.
 Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
 Елисавета Андреевна Алѣева.

Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
 Анна Никитишна Салькова.
 Романъ Федоровичъ фонъ-Мелинъ.
 Елисавета Федоровна Макишева.
 Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
 Катерина Прохоровна Ерина.
 Александръ Петровичъ Чевелевъ.
 Каролина Федоровна фонъ-Мелина.

Стихи въ хоръ соображены были съ музыкою г-на Паузелло.

Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, страну Аттическую покровительствовавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели, и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмъ жертвъ, главный жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. Во время шествія они пѣли стихи, подобные нижеслѣдующимъ, въ честь ихъ покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, Хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣаніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ останавливались. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему аѳинейскому обыкновению, Тамбовское Благородное Общество, торжествуя день восшествия на Престоль Ея Величества, составило кадрили изъ благородныхъ обоюга пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ бѣлое греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ Хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлерей храма. Во время шествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

Х О Р Ъ.

Гимнъ богинѣ.

Премудрая Аоина!
 Всещедро божество!
 Ты намъ покровъ едина,
 Ты наше торжество.

Благоволи пробавить,
 Почтить того, прославить,
 Кто только лишь Твою
 Одну святую волю
 И Твой законъ хранить,
 Счастливить смертныхъ долю,
 Не мститъ, благотворить,
 И по путямъ лишь чести
 Влечетъ къ себѣ сердца.—
 Достоинъ не изъ лести
 Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ Главно-командующему въ губерніи (*), поднесли ему: юноша вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица—корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ краткимъ привѣтствіемъ:

Юноша.

«За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія».

Дѣвица.

«Позволь, да радость нашу изъяснимъ мы плясками и играми».

По данному начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины:

(*) Г-ну Судовичу.

I.

Солнце въ полномъ свѣтѣ, посреди котораго вензловое имя Екатерины Вторыя освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы воспарить къ сему благотворному свѣтилу.

Надпись:

Твой свѣтъ насъ воскриллетъ.

II.

Геркулесь, въ груди котораго вензловое имя Екатерины Вторыя, облеченный во львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгаютъ, а младенцы, играя вокругъ его, разсыпаютъ цвѣты.

Надпись:

Тебя мы не боимся.

III.

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки исчезаютъ. Пришествію его радуется природа. Лебеди и прочія пернатые машутъ крыльями и прославляютъ его пришествіе.

Надпись:

Торжествуемъ приходъ своего благотеорителя.

(¹) Сочинено въ Тамбовѣ 1786 года, въ бытность тамъ Державина гражданскимъ губернаторомъ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА,

бывшаго по случаю взятія города Измаила,

ВЪ ДОМѢ ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

ЕНЯЗЯ ПОТЕМКИНА - ТАВРИЧЕСКАГО,

близъ конной гвардіи,

ВЪ ПРИСУТСТВІИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

1791 апрѣля 28.

(Сочинено въ 1791 году; напечатано въ 1808).

Для сего торжества составлена была кадрили изъ 24 паръ, въ которой удостоили принять участіе Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Государь Императоръ Александръ Павловичъ и Великій князь Константинъ Павловичъ. Прочія особы обоего пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА.

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочетъ имѣть объ немъ понятіе, прочти, каковы были загородные дома Помпея и Мecenата. Наружность его не блистаетъ ни рѣзбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ — его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ и составляетъ его преддверіе. Торжественныя врата съ надписью «Екатерина Великая», сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и

надглавіями, ведутъ изъ притвора въ кругловой чертогъ, подобный Аѳинскому Одеуму.

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазуреваго камня, обширный куполь, поддерживаемый осмью столпами, стѣны, представляющія отдаленные виды, освѣщенныя мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ; но встрѣчающаяся внезапно изъ осьмнадцати столповъ сквозная преграда, отдѣляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. На верху вкругъ висящія хоры съ перилами, которыя обставлены драгоценными китайскими сосудами и съ двумя раззолоченными органами, раздѣляютъ вниманіе и восторгъ усугубляютъ. Что же увидишь, вступя во внутренность? При первомъ шагѣ представляется длинная овальная зала или, лучше сказать, площадь, пять тысячъ человѣкъ вмѣстятъ въ себя удобная, и раздѣленная въ длину въ два ряда еще 36-ю столпами. Кажется, что исполинскими силами вмѣщена въ ней вся природа. Сквозь оныхъ столповъ видѣнъ обширный садъ и возвышенныя на маломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься и помыслишь, что сіе есть дѣйствіе очарованія, или по крайней мѣрѣ живописи и оптики; но приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты и другія благорастворенныхъ климатовъ древа, не токмо растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною тѣнію ихъ, индѣ какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты нестрѣбуютъ, здѣсь излучистыя песчанныя дороги пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стеклянные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна, и искусство спорить съ прелестями природы. Плаваетъ духъ въ удовольствіи. Но едва успѣешь насладиться издали зрѣніемъ вертограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на ступеняхъ сквозному алтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживаютъ сводъ его. Вокругъ онаго утверждены на подставкахъ яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампы и цвѣточныя цѣпи и вѣнцы; посреди же столповъ на порфи-

ровомъ подножіи съ златою надписью (*) блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества, щедротою котораго воздвигнуть домъ сей (**). Единное воззрѣніе на него раждаетъ благоговѣніе, и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія, или изъ любочестія проліютъ слезы! но можетъ быть, для того, что не легко достигнуть подобнаго обожанія и славы. Алтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями, показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ дровности мужей, изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ сосуды, на подножіяхъ возвышенныя. На зеленомъ лугу, позади алтаря, стоитъ высокая, алмазовидная, обдѣланная въ злато, пирамида. Она украшена всякими гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ каменьевъ составленными. Верхъ ея, изъ каменьевъ же, увѣнчанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины Второй. Симъ блестящимъ памятникомъ хозяйинъ хотѣлъ, кажется, изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея Благотворительницы. Лучи солнечныя, сквозь стѣнъ, или забравъ стекляныхъ, ударяя въ него, отражаются, и, преломляясь нѣсколько кратъ въ тѣлахъ столь же прозрачныхъ, такое производятъ радужное сверканіе, котораго описать не можно. Иногда въ самыхъ мрачныхъ тѣняхъ мелькаютъ пурпуровыя и золотыя зари. Нельзя лучше представить Добродѣтель, разливающую всюду свое сіяніе. За обелискомъ, въ самой глубинѣ вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладезъ и купель рѣзная изъ паросскаго мрамора, выше роста человѣческаго. Такія же двѣ стоятъ по концамъ залы предъ двумя возвышеніями, изъ коихъ на одномъ помѣщается многочисленный хоръ музыки, а на дру-

(*) На сѣмъ подножіи надпись: *Матери отеческа и миль премилосердой.*

(**) На портикѣ дома надпись: *Отъ щедротъ Великой Екатерины.*

гомъ избраннѣйшая бесѣда. Для прочихъ гостей устроены между столновъ ложи. Вездѣ видѣнъ вкусъ и великолѣпіе; вездѣ торжествуетъ природа и художество; вездѣ блистаетъ граншій кристалъ, бѣлый мраморъ и зеленый цвѣтъ, толико глазамъ пріятный. По приличности, висятъ цвѣточныя вязи и вѣнцы, а по надобности лампы и фонари. Невѣроятной величины зеркала! Всѣ они индѣ предметы усугубляютъ, индѣ увеличиваютъ, а индѣ и умаляютъ. Притомъ сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовоіе арамаговъ, содѣлывая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію, или волшебною странюю, заставляютъ каждаго въ восторгѣ самого себя вопрошать: не се ли Эдемъ? — Кромѣ торжественныхъ вратъ еще четырьмя большими дверями проходятъ изъ сего чертога однѣми во внѣшній садъ, а другими въ прочіе покои. Хотя по множеству оныхъ, пространству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токмо блаженной природѣ: однако въ изумленіи своемъ чаешь быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ Одеумъ, Лицея, Стадіи, Экседры и Театры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались, и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ, отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужественная юность можетъ упражняться въ военныхъ тѣлодвиженіяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ; здѣсь, любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ, плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и славнѣйшихъ художниковъ всей Италіи; здѣсь, эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ, азіятской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь, европейскіе драгоценные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ, уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ; здѣсь, обсаженная древами прямовидность представляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собратъ академію и преподавать свою философію. Сло-

вомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ достаточная и пристойная услуга, рѣдкая утварь, всего обиліе; и если бы какой властелинъ всемогнутаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ торжествовать звуки своего оружія, или отплатить угощенія своимъ согражданамъ: то не могъ бы для праздника своего создать большаго дома, или лучшаго великолѣпія представить. Казалось, что все богатство Азии и все искусство Европы совокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ Великой Екатерины. Едва ли есть нынѣ гдѣ такой властитель, которому бы толь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные чертоги

На столько разстоять локтяхъ,

Что гласъ въ трубы, въ ловецкія роги,

Едва въ ихъ слышатся концахъ.

Надъ возвышенными стѣнами,

Какъ небо, наклонился сводъ;

Между огромными столпами

Отворещъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.

Если домъ по сему описанію заслуживаетъ вниманіе: то празднество, бывшее въ немъ, еще болѣе.

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію Великой Государыни и Ихъ Высочествъ, и по народному зву знатнаго обоего пола дворянства, къ 6-ти часамъ по полудни всѣ собрались. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы безъ сомнѣнія пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконецъ прибылъ Дворъ. Въ самое то время на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, възграли трубы, и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу Всемилостивѣйшей Обладательницы: простосердечное ура наполняло воздухъ.

Самая лучшая похвала доброму Государю радостный кликъ его народа. Подъ симъ гласомъ искренности, хозяинъ встрѣтилъ Высочайшихъ своихъ Посѣтителей въ подобающемъ Августѣйшему Ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданческаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ Императорскихъ Особъ, вступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище.

Во древни времена такъ боги
 На олимпійски торжества,
 Оставляя горніе чертоги
 И свѣтлы троны божества,
 Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
 Сіяніе лучей своихъ:
 Среди народнаго собора
 Священное прибытье ихъ
 Подобно также познавалось,
 Какъ сходить къ намъ когда заря:
 Роптанье вѣтровъ укрощалось,
 Румянились зенрь, моря;
 Вниманье на горахъ блистало,
 Поля лобзала тишина.
 Все бренно естество молчало,
 Смотри, какъ шествуетъ Она;
 Ея улыбка разливала
 На всю природу блескъ и свѣтъ.

Какъ скоро Высочайшіе Посѣтители соизволили возсѣсть на приуготовленные имъ мѣста, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человекъ состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы, выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Они одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ брилліантовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и избранное общество тѣмъ болѣе возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что

Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи удостоили Сами быть въ ономъ. Видѣли Россіане соприсутствующу веселію ихъ любезную Матеръ Отечества, кроткую и мудрую свою Обладательницу; видѣли при Ней мужественнаго Ея Сына и достойную Его Супругу, украшенныхъ всѣми добродѣтелями; видѣли младыхъ Ихъ чадъ, Великихъ Князей и Княженъ, радостную и твердую надежду будущаго Имперіи блаженства, а притомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ дѣтьми ихъ. Какою радостию, какимъ восторгомъ наполняло сіе ихъ чувства, и что изображалось на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того ни какое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадрили, такъ сказать изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и героевъ составленная, открыла балъ польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождается была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ Польскаго же были слѣдующія:

Хоръ 1. (*)

Громъ побѣды, раздавайся!
 Веселися, храбрый Россъ!
 Звучной славой украшайся:
 Магомета ты потрясь.
 Славься симъ, Екатерина!
 Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Воды быстрыя Дуная
 Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
 Храбрость Россовъ почитая,
 Тавръ подъ нами и Кавказъ.
 Славься симъ Екатерина!
 Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Ужъ не могутъ Орды Крыма
 Нынѣ рушить нашъ покой;

(*) Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ VI, сочиненія Козловскаго.

Гордость низится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Стонъ Синила (*) раздастся
Днесъ въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри, премудрая Царица!
Зри, великая Жена!
Что Твой взглядъ, Твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри на блестящи соборы,
Зри на сей прекрасный строй:
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

• Хоръ 2.

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся съ собой трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды въ своей

(*) Древнее названіе Измаила.

Торжествуйте, Россы бранны,
 Славой, честію вѣнчанны!
 Торжествуйте, ликовствуйте,
 Наполняйте плескомъ свѣтъ!
 Всей вселенной доказуйте,
 Что храбрѣй насъ въ свѣтъ нѣтъ;
 Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе
 Васъ, Царямъ своимъ вѣрнѣе!

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались, —
 Били тысячи вы стомъ;
 На моряхъ ли въ бой пускались, —
 Флоты рушили огнемъ.
 Гдѣ вы грады осаждали, —
 Странны стѣны ихъ упали,
 Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
 Раздалася слава въ свѣтъ,
 Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
 Сопротивника днесъ нѣтъ;
 Нѣтъ имъ спорника во брани,
 Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
 Исторженныхъ у враговъ;
 Вамъ, Россіянки, даруемъ
 Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
 Раздѣляйте съ нами славу,
 Честь, утѣхи и забаву;
 Раздѣляйте, ободряйте
 И впередъ къ побѣдамъ насъ;
 Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
 Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
 За одинъ вашъ взглядъ любви
 Лить мы рады токи крови.

За одну Твою щедроту,
 За одинъ Твой кроткій взглядъ,
 Сердце, душу, жизнь, охоту
 Россъ принести на жертву радъ.
 О, любезна Мать народа!

Вѣрь, что щедрая природа
 Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
 Чтобы звучны чудеса
 Съ храбрымъ Россомъ Ты творила.
 Продолжите, Небеса,
 Продолжите Ея зѣта
 Къ удивленію въ Свѣта!

Расположеніе пляски всей кадрили, которая чрезъ нѣсколько колѣнъ Польскаго прерывалась контратанцами, было изобрѣтенія самого хозяина. Славный Пякъ искусствомъ своимъ сообщилъ ей всю пріятность какъ въ важныхъ, такъ и въ веселыхъ тѣлодвиженіяхъ. Что вы предъ симъ, буйныя, пьянственные и шутовскія позорища! что вы предъ симъ?

Не такъ ли, Лира восхищенна,
 Въ Пиндаровы цвѣтущи дни,
 Была при торжествахъ почтенна?
 И онъ, возсѣдшій палмъ въ тѣни,
 Вѣнцомъ покрытый, багряницей,
 Передъ премудрости Царицей
 Дѣла своихъ героевъ пѣлъ,
 Рукой златая движа струны.
 Какіе сладкіе перуны!
 Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!

Подъ поражающимъ согласьемъ
 Его пріятныхъ сердцу стрѣлъ,
 Орелъ, нагнувъ на перси выю,
 И млечнымъ облакомъ сокрывъ.
 Въ полъ-яблока зѣницы быстры,
 Хребтомъ пернатымъ тихо зыблясь,
 Дремалъ, казалось, близъ его,
 Спустивъ свои на розы крылья: —
 Но перастлѣнно нѣгой сердце
 И духъ его парилъ у звѣздъ.

И самыя забавы,
 И самая любовь,

Наукой были славы
 И къ подвигамъ жгли кровь
 Души благородной.
 Что слухъ внялъ восхищенной,
 Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
 То юность вся твердила
 И по домамъ своимъ,
 По тѣмъ стезямъ ходила,
 Что пѣлъ пѣта имъ,
 И что гремѣлъ ихъ хоръ.

Онъ пѣлъ имъ витязей ристанье
 И крики на коней возницъ,
 И молній по мечамъ блистанье,
 И пылъ столпомъ отъ колесницъ;
 Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
 Желаніе честей и славы,
 И къ общему любовь добру;
 Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
 Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье,
 Мздоимну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны
 Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
 Внимая добродѣтель чтиму,
 Струили токъ блестящихъ слезъ.
 Пріятно было имъ то слышать,
 Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
 Но сердцу ихъ еще стократъ
 Того милѣй и слаще было,
 Что тотъ же на сынахъ ихъ видѣвъ
 Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли
 На юношѣ полкъъ младыхъ,
 По взорамъ разумѣли
 Свою породу въ нихъ;
 И чрезъ лѣта толика
 Кто Александръ Великій,
 Кто будетъ Константинъ;

Божественные взгляды
 Свою читали честь
 И весь въ Нихъ блескъ Эллады:
 Тотъ громы къ Персамъ несть,
 Сей вновь построить Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровождались громкою музыкою и хорами, воспѣвавшими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобы, по примѣру древнихъ, возбуждать юношество къ славѣ. Приятно было видѣть нѣкоторыхъ молодыхъ людей, столько симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ являлись.

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный дыхатель,
 О, пѣвецъ любви и нѣги!
 Ты когда бы лишь увидѣлъ
 Столько Нимфъ и столько милыхъ:
 Безъ вина бы и безъ хмеля
 Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
 И въ мечтѣ, иль въ восхищеньи
 Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ,
 На станціи птичекъ бѣлыхъ,
 Во жемчужной колесницѣ,
 Иль на аленькомъ листочкѣ,
 Какъ на облачкѣ весеннемъ,
 Тихимъ воздуха дыханьемъ,
 Со колчаномъ вѣтся мальчикъ,
 Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
 И туда сюда летаетъ,
 И садится онъ по Нимфамъ,
 То на ту, то на другую,
 Какъ садятся желты пчелы
 На цвѣты въ поляхъ младые.
 Онъ у той блисталь во взглядахъ,
 У иной блисталь въ улыбкѣ,
 И пускаль оттуда жалы,
 Какъ лучи пускаетъ солнце,

Жалы были ядовиты,
 Но и меду были слаще:
 Не пролетывали мимо, —
 Попадали прямо въ душу,
 И душа бѣ твоя томилась,
 Узвѣленная любовью:
 Лишь Паллады щить небесный
 Утолялъ твой бы вадохи.

Въ продолженіе танцевъ, Августѣйшая Гостья, оказавъ Свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе, и уклонила для отдохновенія въ чертогъ, устланннй коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена исторія персидскаго вельможи Амана и Мардохея Израильянина. Истканіе томъ живо, что, кажется, слышанъ гласъ послѣдняго:

И если я не миль того Вельможи оку, ⁽¹⁾
 Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
 Тебѣ извѣстно все, о, кроткая Эсеирь,
 Владычица сердець и красота порфирь?
 Судьба на тронѣ тебя съ тѣмъ царскій возводила,
 Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,
 Невинность бы спасла, низвергла бѣ клевету,
 И сердце нѣжное и духа высоту
 Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
 Ты мудростью бѣ примѣръ мужей великихъ стала!

Между тѣмъ, какъ разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе или что либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина, или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными правоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ ⁽²⁾, обвѣшанный жемчужными бахрамами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. Онъ былъ какъ бы живъ, и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассиура, предъ которымъ про-

исходила помянутая исторія. Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколь, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному Высочайшихъ своихъ Посѣтителей, и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помость освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензловое Имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ.

Хоръ 3.

Сколь Твоими чудесами,
 Взгляда Твоего лучами,
 Именемъ Твоимъ блаженны!
 Сколь Тобой мы восхищенны!
 зри на наши Ты днесь лица,
 Броткая Небесъ зѣница!
 Гдѣ Твое лишь имя, взоры
 Намъ возблещуть: пѣсни, хоры
 Тамъ повсюду раздаются,
 Воскличанія несутся:
 Всѣхъ съ Тобой мы въ свѣтѣ краше,
 Лучезарно солнце наше!

Засимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести російскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая пере-мѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украина и Низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ Орды. Давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ.

О, потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатирины. Она река:

Создалъ Румянцовъ по стѣнямъ,
 Подвигъ ходяци съ громомъ грады; ⁽³⁾
 Крылаты Эты по морямъ
 Текли съ Орловымъ до Эмады: } ⁽⁴⁾
 Они три свѣта потрясли. ⁽⁵⁾
 Подобны лавры возрасли
 И днесъ Потемкина рукой. ⁽⁶⁾
 Коль силенъ духъ Ея средъ боевъ!
 Коль онъ вездѣ великъ собой!
 Онъ маниемъ творилъ героевъ,
 Которыхъ въ поздні времена
 Дѣянья, память, имена
 Гремящей славой будутъ вѣчны,
 Грозой стихіевъ непресеѣчны.

Уже наступила ночь, и когда изъ театра возвращались въ залу, предвозвѣщено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

Хоръ 4.

Отъ крылъ орловъ (парящихъ)
 По Югу воетъ шумъ:
 Погрязли въ морѣ флоты;
 Легли въ поляхъ полки,
 Съ холмовъ низверглись грады,
 Затмилася луна;
 Подъ Росскою рукою
 Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣта,
 Россіянъ храбрыхъ Мать!
 Въ богоподобной славѣ,
 Въ сіяньи благъ Твоихъ,
 Твоимъ небеснымъ взоромъ,
 Какъ радуга на понть,

Благоволи приникнуть
На сонмъ Твоихъ побѣдъ.

Возри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семь огни:
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ Твои сыны.
Мое жъ къ Тебѣ усердые,
Коль можно бъ съ чѣмъ сравнить,
Давно бъ Тебѣ вселенна
Воздвигнула алтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жъ представилось? Сама Августѣйшая Императрица вопрошаетъ: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристаломъ, наполненнымъ возжеиаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненныя паникадила и фонари, висящiе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жаръ горять, а другiе какъ воды переливаются, и совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сiяние, все покрывали свѣтозарностiю. Какой блескъ! Волшебныя замки Шехеразеды! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, унизанымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностiю, увѣшанною солнцами? Безсмертныя пѣвцы храмовъ вкуса и славы! (*) почто вы не видали сего великолѣпiя?—Что я вижу? тутъ играетъ яркiй и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкiй и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящiя полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блестятъ. Разноогненныя, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенныя вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ природѣ.

(*) Вольтеръ сочинилъ поэму: «Храмъ вкуса; а Поппъ: *Храмъ славы*».

Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы, по подбористымъ и равнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами, и горять какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленый и желтый виноградъ, вѣясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядкамъ лилей и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизрѣченную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь!—Но если природа, искусство, и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами приводятъ здѣсь въ изумленіе: то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ останавливаешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистыя воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь грома музыки и лютавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни съ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувство рождаетъ. Но что съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной Матери твоего отечества, алтарь Ея и образъ, вокругъ которыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ видны дражайшія имена всего Ея наслѣдія? (*) Всякій Россіянинъ вообразить и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее

(*) Сквозь транспараны сіяли вензловыя Имена Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Престола, Его Супруги, Великихъ Князей и Княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду.

и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благо-разумень, то въ умиленіи сердца скажетъ: «Сей чистый и ясный огонь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя—образъ безсмертной моей и потомства моего на Нихъ надежды». Если же онъ чувствителенъ, то проліетъ ангельскія слезы, и божествомъ своимъ приблизится къ небожителямъ, созерцающимъ непостижимое, вѣчное сіяніе.

Не такъ ли солнцевъ домъ среди небесъ,
Весь радугой объять, и весь покрыть зарями?
Моря сверкають въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, кристалѣ, въ немъ звѣзды какъ свѣчи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи:
Въ каменомъ златѣ вѣкъ горитъ и не сгараеть,
И око смертное сіаньемъ притупляеть.

Щедрою своею Виновница блеска сего, достойная, чтобъ и въ позднѣйшія времена такіе храмы въ честь Ея воздвигаемы были, ходить вокругъ, осматриваетъ все съ обыкновенною Ей милостію. Предъ Нею, кажется, все живѣе становится, все пріемлетъ большее сіяніе; слѣды Ея суть блистательныя волны тѣснящагося за Нею веселаго, радостнаго, торжествующаго собранія. Сіе паче всего Ее утѣшаетъ. Свѣтлое лице Ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, лики, забавы. Се подобіе Матери, се Монархія, окруженная славою, любовію, великолѣпіемъ!

Всѣ три,
Казалось, оны божества
Съ Владычицею душъ, съ небесъ
Пришли
Умножить блески, звуки, радость
Торжества.
Всѣ три,
Казалось, межъ собою
Какъ будто споръ вели:
Кому быть празднества душою?
Но слава здѣсь съ вѣнцомъ лавровымъ,

Съ короною изъ звѣздъ,
 На подвиги душамъ готовымъ
 Трубой съ высокихъ мѣстъ
 Свой огонь вливала;
 Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала.
 И Нимфъ, и Сильфъ соборы
 Ея всѣ пѣли хоры,
 Ея твердили гласъ,
 Плясали, бѣгали, скакали,
 Качались (*), въ воздухѣ летали,
 И всѣ согласно восклицали:
 «Утѣхамъ время, дѣлу часъ!»

Между прочими танцами были также пляски по малороссійскимъ и русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество нравится болѣе иностраннаго: то какое было удовольствіе видѣть предъ лицомъ Монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О, вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердце, а хотѣли быть страшными, Цари! могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

Хоръ 5.

На бережку у ставка
 На дощечкѣ у млинка, и проч.

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма просторномъ и прекрасномъ саду возжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оныя. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешующихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато

(*) Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели.

одѣтыхъ. Рощи, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ надъ водами стоящихъ, которыя отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленныя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ въ далекѣ гребцаго рога и цѣсень, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать Ея ко мнѣ щедротѣ?
 Величіе мое — творенье рукъ Ея;
 Все счастье мое — души Ея въ добротѣ,
 И слава торжества — Ея, а не моя.

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома (*) ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человекъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

(*) Въ продолженіе бала разносимы были чай, кофе, оршадъ лимонадъ и всякіе другіе конфеты.

Онъ мечеть молвію и громы,
 И рушитъ грады и беретъ.
 Волшебны созидаетъ дома,
 И дивны праздники даетъ.
 Тамъ подъ его рукой гиганты,
 Трепещутъ земля и моря;
 Другою чиститъ брилліанты
 И тѣшитъ, на нихъ смотря.
 Сегодня бурю представляетъ,
 Летаеть завтра какъ зефиръ,
 И лавръ и мирты собираетъ,
 И бой ведетъ и строитъ миръ;
 То крылья вдругъ беретъ орлины,
 Паритъ къ дупъ, и смотритъ вдаль;
 То рядитъ щеголей въ ботины (*);
 Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль (**).
 И если бъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
 Согласны бъ были всѣ они:
 Что видать образъ въ немъ Протеевъ,
 Который жилъ въ златые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго Императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать Государи Великіе Князя Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ Всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Престола съ Высочайшею Его Супругою: партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоого пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія; всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкаго особаго возвышенія возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли

(*) Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ.

(**) Азіятскія тонкія поврывалы, которыми Его Свѣтлость дарилъ дамъ.

стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпиемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться Ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и золото сребро:
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы стени,
Украйна, Холмогорь, несли тельцовъ и дичь;
Вънчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медь златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріавъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдась,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставка, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И спросить: кого такъ угощаетъ Свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Вскорѣ послѣ ужина, Высочайшая Посѣтительница, обзрѣвъ еще веселящихся, соизволила со всѣмъ Своимъ Августѣйшимъ Домомъ уклонится къ покою. Уже подвезены были колесницы: внезапно раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, нисходящее, съ висящихъ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными озаренными яркимъ цвѣтомъ стеклянными сосудами. Всѣ безмолвствуютъ, внимаютъ и обращаютъ всюду взоры свои, и не видя поющихъ, въ пріятномъ

восхищеніи думаютъ созерцать облака, или зари, съ которыхъ слышалось ангельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею.

Хоръ 6.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣтъ,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*).

По окончаніи хора, хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею Всемилостивѣйшею Самодержицею и облобызалъ Ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе. Паки новая и трогаящая сердце картина! Великолѣнный дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную Монархиню съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ Своимъ подданнымъ, который нѣсколько минутъ держалъ Ея десницу съ нѣкакимъ особливимъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улиссава.

(*) Сей хоръ, взятый изъ италіанской оперы, пѣтъ на Италіанскомъ Языкѣ; но здѣсь съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ согласенъ съ тою музыкою.

Низшедшимъ облакамъ,
 Богиня въ нихъ возсѣла;
 Подъемлясь къ высотамъ,
 Къ нему съ улыбкой зрѣла.
 Отъ брони вѣтромъ звуки,
 Отъ взоровъ лучъ летѣль:
 Воздѣвъ онъ къ небу руки,
 Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣль.

(¹) Этотъ стихъ относится къ Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, который, бывъ тогда Генераль-Прокуроромъ, гналъ автора. Здѣсь авторъ желалъ показать, что вельможи часто притѣсняютъ людей, точно также какъ Мардохей притѣснялъ Амана, котораго защищала Эсеирь. Подъ именемъ Эсеири авторъ разумѣлъ Императрицу Екатерину, удостоившую его Своимъ покровительствомъ.

(²) Столовые часы, имѣвшіе видъ золотого слона.

(³) Фельдмаршалъ Румянцовъ въ военныхъ дѣлахъ, особливо противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ карьерами; а Фельдмаршалъ Минихъ безъ сего способа принужденъ былъ возить за войсками рогатки, и потому не могъ дѣлать скорыхъ движеній.

(⁴) Лирикъ Петровъ называлъ первый военные корабли крылатыми Этнами. «Я зрю крылатыхъ Этнъ непобѣдимый строй» и проч. Графъ Орловъ командовалъ эскадрою, которая была отправлена къ греческимъ островамъ противъ Турокъ.

(⁵) Средиземное Море, на которомъ происходила морская битва, отдѣляетъ Европу отъ Азіи и Африки.

(⁶) Князь Потемкинъ во вторую Турецкую войну начальствовалъ флотомъ въ Черномъ Морѣ.

ВРЕМЯ (*).

О Д.....! Д.....! какъ время
 Быстро въ вѣчность все несетъ!
 Будто море, смертныхъ племя —
 За волной волна течеть.
 Ни поклоновъ счетъ молебныхъ,
 Ни посты, ни тяжкій трудъ,
 Старостью нанечатлѣнныхъ
 Лба морщинъ ужъ не сотрутъ,
 Не удержать дней летащихъ,
 Люту смерть не воспятять.

Такъ, мой другъ! Хотя адепты
 Пьютъ безсмертья эликсиръ;
 Въ ризы воздуха одѣты,
 Ангельскій составляютъ міръ;
 Но до онаго мы время
 Всѣ подъ плотію живемъ,
 Носимъ разрушенья бремя
 И конечно всѣ помремъ;
 Лишь божественная искра,
 Вѣчно будетъ жить — нашъ духъ.

Духъ! — и тѣ дѣла не умрутъ,
 Производить что добро:
 Жить они за гробомъ будутъ,
 Лавромъ намъ увьютъ чело.
 Что жъ въ сей жизни потеряемъ,
 Что намъ сдѣлаютъ бѣды,
 Если мы награды чаемъ
 Тамъ за здѣшніе труды?
 Только нужно зацѣпиться
 Котомою добрыхъ дѣлъ.

Тамъ, едина добродѣтель
 Здѣсь и тамъ счастливитъ насъ!

(*) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1805 году.

Если совѣсть нашъ свидѣтель, —
 Не ужасенъ смертный часъ,
 Не ужасенъ ревъ гоненья,
 И коварство не хитро
 Длинно время для терпѣнья,
 Для веселія быстро;
 Но премудрый проживасть
 Равнодушно весь свой вѣкъ.

Имъ ни время не владѣть
 Ниже злато, ни серебро;
 Онъ порядку дѣлъ радѣть,
 Любить общее добро;
 Убѣгая пышныхъ вздоровъ
 И блестящихъ мелочей,
 Онъ во санѣ прокуроровъ,
 Всѣхъ вельможъ, судей Царей
 Читъть лишь только человѣка,
 И желаетъ самъ имъ быть.

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
 Ускорялъ коль правый судъ,
 Коль отеръ сиротски слезы,
 Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
 Дѣлалъ то, что дѣлать можно:
 И безъ чина ты почтешъ.
 Напротивъ живи безбожно,
 Всѣми временщикъ презрѣнь:
 Утѣсняя добродѣтель,
 Самъ онъ тмитъ свой свѣтлый санъ.

ВЕСНА (1).

Таесть зима дыханьемъ Фавона,
 Взгляда бѣжитъ прекрасной весны;
 Мчится Нева къ Бельту на лоно;
 Съ брега суда спущены.

Снѣгомъ лѣса не блещутъ, ни горы;
 Стоговъ согрѣтъ не пышетъ огонь;
 Ломятъ стада, играя, затворы;
 Рыща, ржесть на полѣ конь.

Нимфы въ лугу, подь луннымъ сіяньемъ,
 Ставъ въ хороводъ, вечерней зарей,
 Въ пѣсняхъ поютъ весну съ восклицаньемъ;
 Шляшутъ, топочутъ стопой.

Солнце лучемъ лиловымъ на взморье
 Броситъ какъ огонь, Петрополь вкушать
 Свѣжій зефиръ валитъ въ лукоморье: } (2)
 Ёдешь и ты самъ гумять.

Ёдешь, — и зришь злакъ, небо, лѣсъ, воды,
 Милу жену, вокругъ рошу сыновъ; (3)
 Прелесть всю зришь съ собой ты природы,
 Счастливъ симъ, счастливъ ты, Л...!

Что жъ ты стоишь, такъ мало утѣшенъ?
 Плюнь на твоихъ лихихъ сопостать!
 Если прибытокъ оный безгрѣшенъ,
 Ревель что дамъ и Кронштадтъ: (4)

Выкати, дай, ты дай непременно
 Бочку скорѣй намъ устрицъ на столъ;
 Портеръ, вино, что искрами пѣнно,
 Каплетъ что златомъ, какъ смоль,

Въ толстомъ стеклѣ что выжимки силы,
 Въ сверткахъ травы, что слаще сота; (5)
 Сокъ намъ подай, что молніей въ жицы,
 Быстро летитъ что въ уста!

Выставь намъ все. — Такъ, время пріятно:
 Должно твоихъ друзей угощать,
 Дышутъ пока сады ароматно,
 Розы спѣши собирать.

Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно,
 Мигъ что одинъ несходишь съ другимъ;

Въ мирѣ земномъ все видяшь прѣменно:
Гладкій понтъ часто холмимъ.

Самый твой торгъ — имперій цвѣтъ, слава, (5)
Первый къ вреду, растлѣнію шагъ:
Блага лишь суть здоровье, забава,
Честность; все прочее прахъ.

(1) Сочинено на Званкѣ.

(2) Эта ода, подражаніе Гораціевой, обращена сочинителемъ къ О. П. Львову, его другу и родственнику. Сочинитель говоритъ здѣсь о вечерѣ 1-го Мая, когда весь городъ обращается на гулянье въ Екатерингофъ, заведенное со времени Петра Великаго.

(3) Федоръ Петровичъ Львовъ служилъ тогда Директоромъ Канцеляріи Министра Коммерціи; у него было семь сыновей, коихъ авторъ называетъ рошею.

(4) Львовъ, бывъ неоднократно посланъ для прекращенія тайнаго привоза иностранныхъ товаровъ, извѣстенъ по значительнымъ конфискаціямъ, и возбуждая зависть, озлобленъ былъ клеветою; почему и сказано выше: *Что жъ ты стоишь, такъ мало утѣшенъ?*

(5) Итальянскія сладкія вина обыкновенно привозятся въ тонкихъ полубутылкахъ, обвитыхъ сухою травой.

(6) Мысль поэта, что хотя народы посредствомъ торговыхъ сообщеній просвѣщаются и знакомятся, но роскошь торговая и страсти къ прибытку влекутъ постепенно къ порчѣ нравовъ, подобно какъ лѣтнее растеніе истощается въ цвѣтахъ и погибаетъ.

ПАМЯТЬ ДРУГУ. (1)

Плакуція березы воють,
На черну наклоняся тѣнь;
Унылы вѣтры воздухъ роютъ;
Встаетъ туманъ по всякій день —
Надъ кѣмъ? кого сія могила,
Обросши павеликой вкругъ,
Подъ мѣдною доской сокрыла?
Кто тутъ? Не Музь ли, вкуса другъ?

Другъ мой! Увы! озлобясь, время
Его спѣшило въ гробъ сокрыть,

Что сѣя онъ познаній сѣмя,
 Мнилъ вѣки пользой пережить;
 Воздвигнувъ изъ земли громады
 И зодчества блестя челомъ,
 Трудился, чтобъ Полнощи чады
 Искусствъ покрылися вѣнцомъ. } (2)

Встань, духъ Поэзы Русской древней,
 Съ кѣмъ вторя онъ Добрыню пѣлъ,
 Межъ заутрени и межъ обѣдней,
 Взмахнувъ крыла, въ свирѣль гремятъ, — } (3)
 И лебедь солнца какъ при всходѣ,
 Подъ красный вечеръ на водахъ,
 Раздавшись кликами въ природѣ,
 Вѣщай, тверди: тутъ Л..... правъ.

Довольны ль эхомъ симъ, Хариты
 Чтобъ персть вамъ мѣлую найти?
 Таланты рѣдки, знамениты,
 Вокругъ нестрѣютъ ихъ цвѣты:
 Облагоньте жъ возліаньемъ
 Сердцеъ вы друга своего;
 Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
 Теките, Музы! въ слѣдъ его. } (4)

Но кто жъ моей гитары струны
 На нѣжный будетъ тонъ спущать,
 Фивейски молны и перуны } (5)
 Росой Тисской упоять?
 Кто памятникъ надъ мной поставитъ, (6)
 Подъ дубомъ тотъ сумрачный сводъ,
 Въ которомъ могъ меня бы славить,
 Играя съ громами, Эроть?

Ужъ нѣтъ тебя! ужъ нѣтъ! — придите
 Сюда вы, дружба и любовь!
 Печаль и вздохи съединяте!
 Гдѣ скрыть подъ неленою Л.....»
 Ахъ! плачьте, чада! плачьте, други!
 Цѣлуй послѣдній разъ, краса!

Ужь слезы Лизы и супруги, (7)
Какъ пламенна горить роса.

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1804 году.

(2) Ода сія написана по случаю кончины одного изъ самыхъ искреннихъ друзей Державина, Тайнаго Совѣтника Николая Александровича Львова. Онъ принадлежалъ къ немногимъ и отличнымъ людямъ, одареннымъ самымъ вѣрнымъ чувствомъ того изящества, которое съ быстротою молніи наполняя восторгомъ сердце, лучше высказывается слезой нежности словомъ. Съ симъ рѣдкимъ даромъ онъ былъ исполненъ ума и знаній, любилъ науки и художества, и отличался возвышеннымъ вкусомъ, по которому ни какой недостатокъ и ни какое превосходство въ художественномъ или словесномъ произведеніи не могли отъ него укрыться. Люди, словесностью, художествами и искусствами занимавшіеся, часто прибѣгали къ его совѣтамъ и приговоръ его почитали закономъ. По части зодчества онъ извѣстенъ многими зданіями, съ Высочайшаго соизволенія имъ построенными, напр. церковь Борисоглѣбскаго монастыря въ Торжкѣ и другія. Нуженъ ли былъ садъ или загородный роскошный домикъ, собирались ли дать великолѣпный праздникъ, или роскошный балетъ, хотѣли ли устроить обширное зданіе или сдѣлать какое нибудь значительное украшеніе, тамъ гений его обращалъ все въ чудесную прелесть. По части хозяйственной, въ государственномъ отношеніи, Н. А. Львовъ открылъ въ значительномъ количествѣ каменный земляной уголь въ Россіи, могущій замѣнить привозимый къ намъ изъ Англіи; но разработка сего угля не соответствовала ожиданію. Онъ ввелъ землѣбитныя орудія, которыхъ образецъ донынѣ существуетъ въ Гатчинѣ; изобрѣлъ воздушные каминъ, и другія домашнія удобства.

(3) Онъ особенно любилъ Русскую поэзію и самъ писалъ стихи тѣмъ метромъ, какой существуетъ въ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ. Въ примѣръ довольно указать на прекрасный отрывокъ начатой имъ поэмы, подъ именемъ Добрыня, гдѣ онъ неподражаемъ въ игривости и простотѣ. Стихи сіи напечатаны были въ Другѣ Просвѣщенія, и въ Русскомъ Вѣстникѣ въ Москвѣ. Время между заутрени и обѣди употреблялось древними богатырями на совершеніе чудесныхъ подвиговъ. Извѣстно, что Илья Муромецъ между заутрени и обѣди пріѣхалъ изъ Владиміра въ Кіевъ.

(4) Ни въ какомъ его твореніи не видно было принужденія и заботливаго труда. Казалось, сами музы водили рукой его. Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ помѣщено путешествіе его на Дудорову гору въ стихахъ и въ прозѣ, во вкусѣ извѣстнаго путешествія Шапели и Батомона. извѣстны также стихи его «Шарисовъ судъ», «Куплеты для оперы» «Сильфъ» и проч. Самъ Державинъ исправлялъ и обрабатывалъ свои стихи, но его дружескимъ совѣтамъ, и не иначе печаталъ, какъ послѣ его одобренія.

(5) То есть, соединять высокое съ пріятнымъ или приближаться къ поэтическому языку Овиекаго пѣвца Пиндара, умягчать

Тисскимъ, или Анакреонтическимъ тономъ. Николай Александровичъ Львовъ переложилъ на Русскій Языкъ стихи Анакреона, по буквальному переводу съ Греческаго извѣстнаго ученостію и знаніями Евгенія Болгара, Таврическаго Архіепископа, который перевелъ Виргилія на Греческій Языкъ, Буквальный переводъ Анакреона въ стихахъ былъ напечатанъ въ немногихъ экземплярахъ и остался библиографическою рѣдкостью.

(⁶) Львовъ былъ гораздо моложе Державина; въ одномъ письмѣ къ нему обѣщаль соорудить ему памятникъ, но самъ скончался гораздо прежде. Державинъ пережилъ его 12-ю годами.

(⁷) Львовъ оставилъ по себѣ супругу, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ старшая была Елисавета.

МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ. (1)

Блаженъ милостивецъ, яко тѣя помилувани будуть.

Слетаетъ съ неба лучъ въ полнощи,
 На гробъ теплится свѣча;
 Багоухають муррой роуци;
 Лиетъ съ горъ ручей журча;
 Зефиры шепчутся съ цвѣтами;
 Колеблется луна водами;
 Чуть съ перепеломъ крастель въ ладъ,
 И соловей вдали мнѣ слышенъ:
 Кому тутъ монументъ возвышенъ? —
 Миръ праху твоему, мужъ святы!

Не праведника ль спятъ тутъ кости,
 Который сердоболель былъ,
 Изъ зѣва ослѣпленной злости
 Исторгъ невинность, и сразилъ
 Чудовище, алкавше крови?
 Даль къ челоуѣчеству въ любви
 Примѣръ, — п жизнь его сберегъ (2)
 Сію вѣтвь миртову Царица,
 Какъ древле кротка голубица, } (3)
 Законовъ принесла въ ковчегъ.

Но что по мраку за картина
 Въ эфирѣ развилася вокругъ?

Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
 Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
 Тутъ, облеченное лучами,
 Явилось Божество съ вѣсами,
 И, мечъ и вѣтвь держа рукой,
 Рекло: — гласъ грома повторили —
 «Блаженн милостивы были:
 Помилованы, будутъ Мной!»

Не страшный ль, грозный, неумышль,
 Нелицемерный вижу судъ,
 Предъ коимъ днешни, первобытны,
 Отчетъ дать смертныи идутъ?
 Такъ! Вижу я Царей съ рабами:
 Равно стоять передъ вѣсами;
 Раскрыти совѣсти лежатъ.
 И се зрю: Петръ, Елисавета
 Съ Екктериною, въ блескѣ свѣта, (4)
 Грядутъ съ улыбкой пальму брать;

Идутъ, и обращаютъ взоры
 На тѣхъ вельможъ, вождей, судей,
 Бесѣды коихъ, разговоры,
 Ко сожалѣнью людей,
 На милосердьи Ихъ склопали;
 Которы имъ совѣтъ давали:
 Тотъ казнь, тотъ пытки истребить,
 Тотъ тайны расклепать затворы,
 И.....! и тебя въ ихъ хоры
 Велѣла Милость помѣстить (5).

Почто жъ гремѣвшіе столь браньми
 Вожди за облакомъ стоять?
 Лице свое скрывая дланьми,
 Гладѣть на лавры не хотѣть?
 Почто вселенной побѣдитель,
 Народовъ многихъ покоритель,
 Отъ чашъ, наполненныхъ кровей,
 Ему тѣнями подносимыхъ,
 Съ стваніемъ вокругъ ходимыхъ,
 Отворотился, слыша: «Цей!

«Пей, пей! ты наполни ихъ», вѣщали.
 Увы! почто же на гробахъ
 Вождей мы зданья созидали,
 Коль память золь тягчить ихъ прахъ?
 Не глупости ли знакъ тщеславной
 И самый мавзолей тотъ славной,
 Который обагрень въ крови? (6)
 У вѣчности свои суть правы.
 Ахъ! такъ: Богъ истинныя славы —
 Богъ милосердья и любви.

Прейдуть куренія святыни,
 И дни и времена пройдутъ,
 Разрушатся столпы, твердыни,
 На царства царства упадутъ;
 Поищутъ дивной пирамиды,
 И не найдутъ, — а развѣ виды,
 Иль мрачный въ ней звѣряный логъ.
 Перунъ небесъ чему коснется, —
 И мѣлъ и мраморъ расплывется:
 Противится гордынѣ Богъ.

Такъ, вѣтви кротости святыя; (7)
 Врата отверзшія темницъ,
 Прогнавшія тѣнь Гарпы злыя, (8)
 Спокойшія вдовъ, дѣвицъ?
 Что суть бичи предъ вами міра,
 Коль ваша свѣтлая порфира,
 Какъ теплотворный лучъ весны,
 Полесвѣта миромъ оживляетъ;
 Наукъ цвѣтами украшаетъ?
 Триумфъ ванъ — неба вышины!

Но если злоба ополчится
 Нарушить сладкій нашъ покой:
 Возставъ, Россія окружится,
 Какъ тучей, чадъ своихъ стѣной.
 Богъ милости предъ ней предъидеть:
 Онъ выше облакъ воды вздыметъ,
 И съ шумомъ ихъ со всѣхъ сторонъ
 Громъ броситъ на чело возницы.

На всадника, на колесницы:
И гдѣ гровившій Фараонъ?

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1804 году; напечатано въ Петербургскомъ журналѣ.

(2) Ода сія написана авторомъ съ намѣреніемъ передать въ потомство благодѣтельный подвигъ мужа, способствовавшаго представленіемъ своимъ къ уничтоженію пытки въ Россіи. Егоръ Александровичъ Наумовъ, Генераль-Маіоръ и Членъ Военной Коллегіи, былъ въ чинѣ Подполковника Главнымъ Судьею въ С.-Петербургской Государственной Канторѣ, показалъ высокое достоинство ума и сердца, основанное на силѣ опытовъ, и превозмогъ закоренѣлый обычай, облеченный въ законъ, вступая за истязаемую невинность, и съ пожертвованіемъ себя, вооруженный одною правдою, нашелъ случай довести до свѣдѣнія Императрицы Екатерины о бесполезности искать правды въ мукахъ подсудимаго, утвердивъ опытами свои доводы. Благодѣтельная Государыня вняла голосу истины въ представленіи Наумова, и не смотря на нѣкоторыхъ вельможъ, бывшихъ противнаго мнѣнія, дала прежде секретный указъ, а потомъ объявила открытый законъ, коимъ уничтожила пытки и пристрастные допросы.

(3) Указъ сей, положенный въ ковчегъ законовъ, цвѣтъ уподобляетъ миртовой вѣтви, которую голубица принесла Ною въ ковчегъ въ знакъ безопасности и спокойствія.

(4) Петръ III отмѣнилъ тайную канцелярію; Императрица Елисавета уничтожила смертную казнь, а Екатерина уничтожила пытки.

(5) Т. е. Наумовъ! и тебѣ милость причислила въ свое общество.

(6) Авторъ давно желалъ оставить потомству память человѣколюбиваго подвига Наумова, но отлагалъ со дня на день свое намѣреніе. Когда же Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ исходатайствовалъ у Императора Александра указъ о дозволеніи быть при гробѣ отца его, Фельдмаршала Графа Румянцева Задунайскаго, погребеннаго въ Кіевѣ, двумъ отставнымъ штабъ-офицерамъ, на иждивеніи Графа, сына его: тогда авторъ, тронутый мыслію, что жертва милосердія къ ближнему есть памятникъ несравненно превосходящій всякаго другаго, поставленнаго честолюбіемъ, написалъ сію оду.

(7) Вѣтвями называетъ авторъ потомковъ отъ предковъ милосердыхъ и кроткихъ. Слѣдуя по стезямъ Екатерины Великой, Императоръ Александръ, въ первые годы Своего царствованія, повелѣлъ тайныя дѣла, и даже о преступленіяхъ въ оскорбленіи Величества, производить обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ.

(8) Подъ симъ авторъ разумѣлъ, что и названіе дѣлъ тайными было уничтожено.

Л Ъ Т О (1).

Знойное лѣто весна увѣнчала
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцемъ;
Липова роща, какъ жарь, возблистала
Вкругъ меда листомъ.

Желтые грозды, сквозь листь продираясь,
Запахомъ рдянцемъ Нимфъ сельскихъ манять;
Травы и нивы, косою озаряясь,
Какъ волны шумять;

Стяланыя рѣки лучемъ полудисвнымъ,
Жидкому злату подобно текутъ;
Кравы и овцы, съ млекою накопленнымъ,
Подъ кущи бѣгутъ.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, подъ хвостомъ сидятъ;
Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладный
Пьетъ, ищетъ отрадь.

Видишь ли, Д. . . . . ! всего изобилье? (2)
Самое благо быть можетъ намъ зломъ;
Счастье и нѣга разума крылья
Сплошь давать ярмомъ.

Въ домѣ живь лѣтомъ, въ раю ты небесномъ,
Въ славномъ помѣстьѣ Сызранскомъ съ отцемъ (3),
Мышлю, лѣниться пѣть въ хорѣ прелестномъ,
Цѣсть Музъ подъ вѣнцемъ.

(1) Писано въ деревнѣ автора Званкѣ въ 1805 году.

(2) Эта пѣса относится къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, известному поэту, бывшему въ постоянной пріязни съ Державинымъ. Дмитріевъ, также какъ и Державинъ, пламенно любилъ Русскую поэзію и словесность, и также служилъ правосудію. Оба они были Министрами Юстиціи.

(3) Родовое имѣніе Дмитріева въ Сызранскомъ уѣздѣ.

О С Е Н Ъ (1)

На скирдахъ молодыхъ сидючи осень,
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносець,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даетъ,
Пестротой по лѣсамъ живо цвѣтеть,
Взоръ мой дивитъ!

Разныхъ птицъ голоса, вьющихся тучи,
Шумъ сноповъ, бѣгъ телѣгъ, оси скрипучи,
Стукъ цѣпей по токамъ, въ рощахъ лай псовъ,
Жницъ съ знаменемъ идущихъ гулъ голосовъ
Слухъ мой плѣнитъ.

Какъ миль сей природы радостной образъ!
Какъ тварей довольныхъ сладостень возгласъ!
Гдѣ осень обилье рукою ведетъ;
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даетъ
Общій Отець.

Но что же вдругъ, Я.....! черныя бури, (2)
Грохоча такъ, кроютъ неба лазури?
Здѣсь тихій токъ съ ревомъ роетъ волна,
Тамъ въ блѣдныхъ туманахъ ржетъ намъ война:
Благъ ли Творецъ?

Ахъ! благъ всѣхъ Зиждитель, я слышу, ты рекъ:
«Невѣжда продерзкій лишь ты человекъ,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Самъ часто своихъ ты ищешь сѣтей:
Хранить только Богъ».

О! правда то, правда!—Смиримъ же предъ Нимъ
Нашъ глухой мы ропотъ, и волю дадимъ
Всемогущей Десницѣ солнце водить:
Бѣгъ міра превратна станемъ сносить,
Чтящи свой рокъ.

Такъ если съ Урала златые ключи
Въ Царскій лѣвъ кладяъ, ихъ самъ не пьючи, (3)
Я дни мнилъ Астрей, миръ и покой

Ввѣсть расирей въ вертепъ,—и съ чистой душой
Благъ всѣмъ желалъ;

Но то волю не надо,—оставимъ Судьбамъ
Премудрымъ—дать лучший здѣсь жребій людямъ;
Сѣвъ, сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ,
Осени доброй намъ дать по трудѣ
Счастья покалѣ.

(¹) Писана на Званкѣ.

(²) Ярдовъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, пріятель автора.

(³) Извѣстно, что въ Уральскихъ горахъ находятся богатые золотые рудники. Ярдовъ былъ Директоромъ горныхъ заводовъ и жилъ въ Екатеринбургѣ. Онъ открылъ многіе золотые пріиски, умножилъ добываніе золота, а самъ скончался въ бѣдности.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА. (*)

Какъ свѣтятся блески
На розѣ росы:
Такъ милы усмѣшки
Невинной красы.
Младенческій образъ
Видѣ въ каплѣ зари.

А быстро журчащій
Межъ розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей:
Такъ юности утро,
Играя, течеть.

Рѣка жъ, или взморье
Полднейной порой

(*) Писано на Званкѣ, напечатано въ изданіи 1808 года.

Какъ въ доль, иль на взгорье
Несется волной:
Такъ мужество бурно
Страстями блеститъ.

Но озеро сткляно,
Утихнувъ отъ бурь,
Какъ тихо и важно
Чуть кажетъ лазурь:
Такъ старость подь вечерь
Стоитъ на клюкѣ.

Сколь счастливъ, кто въ жизни
Всѣ возрасты вель,
Страшась укоризны,
Внутрь совѣсти золь!
На западъ свой ясный
Онъ весело зреть.

Г. ОЗЕРОВУ.

На приписаніе Эдипа. (1)

Витія! кому Мельпомена,
Надѣвъ котурнь, дала кинжалъ, (2)
А Сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена
Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ
Блестяще чело!

О, ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ, (3)
Въ Эдипѣ, намъ въ Бардахъ прославилъ
Расиновъ, Крѣбильионовъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло! (4)

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь,
И жжешь ты хладныя сердца;
Съ главъ токи, съ душъ вздохи ссываешь,

Напрасно чтишь во мнѣ Пѣвца,
Но демственникъ ты. (5)

Ты Музь алтарей тѣхъ служитель,
Которыхъ чудотворный гласъ
Народной толпы просвѣтитель
Скорѣй чрезъ Театръ чѣмъ Парнассъ:
Ты огонь съ высоты,

Огнь, что изъ мрака сверкая,
Зміями рѣжетъ сквозь эфиръ,
Но Лель съ струнъ Тіискихъ порхая,
Мой чуть звеня, какъ въ зной эефиръ,
На вѣжды сонъ льетъ.

Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство,
Съ Горациемъ я сладость лить:
То можетъ во гробъ потомство
И блескъ вельможъ мнѣ удѣлить:
Тамъ Лавръ мой возрастетъ.

(1) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1805 году; напечатано въ изданіи 1808 года.

(2) Знаменитый нашъ драматическій писатель, Владиславъ Александровичъ Озеровъ, сочинитель трагедіи Эдипа въ Афинахъ, имѣвшей самый блистательный успѣхъ на сценѣ, въ 1804 году посвятилъ ее Державину. Авторъ отвѣчалъ ему сими стихами.

(3) Основаніе трагедіи Эдипа взято изъ Софокловой трагедіи: Эдипъ въ Колоннѣ; предметъ другой трагедіи Озерова, названной Фингалъ, взятъ изъ Оссіана.

(4) У Римлянъ были женщины, которыя при печальныхъ обрядахъ умѣли плакать: здѣсь же стихи относятся къ знаменитой трагической артистѣ Семеновой, которой игра въ Антигонѣ и Моинѣ исторгала слезы зрителей.

(5) Демственникъ—пѣвецъ. Демственное церковное пѣніе дошло къ намъ изъ Греціи.

Р А Д У Г А . (*)

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
 Въ сумрачномъ облакъ тамъ,
 Видишь, какая изъ лентъ полоса,
 Огненная ткань блещетъ очамъ,
     Склоняясь надъ твоею главою
     Дугою!

Пурпуръ, лазурь, злато, багрянецъ,
 Съ зеленью тѣнь, слясь съ серебромъ,
 Чудный, отливный, блестящій плянецъ
 Сыплють вокругъ, тихимъ лучемъ
     Зѣнцы къ утѣшеню сіяютъ,
     Плѣняютъ!

Гдѣ красота, блескъ разноцвѣтныхъ
 Камней драгихъ, свѣтлость порфирь,
 Прелести красокъ яркихъ, несмѣтныхъ,
 Чѣмъ всегда славится мѣръ,
     Чѣмъ могутъ Монархи хвалиться,—
     Свѣтятся?

О, Апеллесъ! взявши орудье,
 Кисти свои,—дерзкой рукой
 Съ разныхъ цвѣтовъ вмигъ полукружье
 Сдѣлай, составъ твердой чертой,—
     Составъ, и зови зрѣть Аѳины
     Картины.

Нѣтъ, Изографъ! хоть превосходишь
 Всѣхъ мастерствомъ дивнымъ твоимъ;
 Вижу, что средствъ ты не находишь
 Съ мастеромъ въ томъ спорить такимъ,
     Чей взглядъ все одинъ образуетъ,—
     Рисуешь.

(*) Сочинено въ С.-Петербургѣ, въ 180. году.

Только одно солнце лучами
 Въ капляхъ дождя, въ доль отразясь,
 Можетъ писать семи цвѣтами
 Въ мракѣ и мглѣ, вѣчно свѣтясь.
 Умѣй подражать ты ему:
 Лей свѣтъ въ тьму.

Зри, какъ оно лишь отвращаетъ
 Свѣтлый свой взоръ съ облака вспять,—
 Жизнь цвѣтовъ вмигъ исчезаетъ,
 Краски картинъ тмятся опять:
 Бѣги ты такого труда
 Отъ стыда.

Можетъ ли кто въ свѣтѣ небесномъ
 Читаться равно Солнцу тому,
 Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, тѣлесномъ
 Что озаривъ тяжкую тму,
 Творить его радугой мира?
 Пой, лира!—

Бога воспой,—смѣлымъ паренемъ
 Чистаго внутрь сердца взноси
 Духъ мой къ Нему, утреннимъ пѣнемъ,
 Чтобы Творецъ, виявъ съ небеси,
 Влиялъ чувствъ моихъ въ глубину
 Тишину.

Свѣтлая чтобъ радуга мира,
 Въ небѣ явась въ цвѣтѣ зарей,
 Стала въ залогъ тихихъ дней міра,
 Къ счастью всѣхъ Царствъ и Царей.
 Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣтитъ,
 Примирить.

ЕВГЕНИЮ.

Жизнь Званская. (1)

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
 Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ.
 Не ищетъ при Дворѣ ни злата, ни честей,
 И чуждъ суетъ разнообразныхъ?

Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
 Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
 Подъ бремя роскоши, богатствъ, сирень подъ власть
 И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
 Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
 Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
 Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взволну на небо скромный взоръ;
 Мой утренность духъ Правителю вселенной;
 Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
 Открылъ мнѣ въ жизни томъ блаженной.

Пройдя минувшую, и не нашедши въ ней.
 Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
 О! коль доволенъ я, оставилъ что людей,
 И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
 Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
 Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
 Средь сада храмъ жезломъ чертаще;

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
 Смотрю надъ чашей водъ, какъ выютъ подъ небомъ
 На разноперныхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
 На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
 Вдали тетеревей глухое токованье,

Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желѣнъ, и коней ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и парь
Повѣтъ съ дома мнѣ Манжурской, иль Левантской,
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобарь
О снахъ, молвъ градской, крестьянской,

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамкахъ по стѣнамъ златымъ блистають лица,
Для воспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы, —

Въ которой по утру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянь храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ Генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя поютиа, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотень, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;

Въ которой, обзрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ помивкой калачъ,
А тѣмъ лекаревница, въ подспорье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатой,
Даютъ отчетъ казнѣ, и хлѣбу и вѣщамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой: —

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на деревѣ, на холстинѣ,

И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи,
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ
Цирѣ;
Къ Царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу возно-
шусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало времянь, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ;

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О, коль прекрасенъ мѣръ! Что жъ духъ мой бре-
меню?»

Творцемъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единого во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля.»

Дворовыхъ между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взяты по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ:
Блестять и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдовъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны;
Что смоль, янтарь, икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манять мой, вкусъ,
Но не обиліемъ, иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здоровой.

Когда же мы Донскихъ и Крымскихъ кубки винъ,
И лица, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
Бесѣда за сладкими шутивая.

Но, молча, вдругъ встаемъ: — бьетъ, искрами горя,
Древъ Русскихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; скрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары, иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ,
И тѣшусь разными играми;

Иль изъ кристалльныхъ водъ, купалень, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ;

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства;

Иль въ мрачномъ фонарѣ люблюсь, звѣзды зря
 Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнѣ стремленною:
 Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
 Премудрости ко прославленью;

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ
 леть,
 И, движа машину, древа на доски дѣлать;
 Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ
 бьетъ,
 Клокоча огонь, толчетъ и мелеть;

Иль любопытны какъ бумажны руны волнѣ
 Въ лотки сквозь иглы, колесъ, подобно снѣгу льются
 Въ пушистыхъ локонахъ, и тмы вдругъ веретень
 Маринной рукой прядутся;

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ, пестрота и
 лоскъ,
 Всѣ прелести, красы, берутся съ поль, Царицы;
 Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
 Куется въ бердыши Милицы,

И сельски ратники какъ, Царства ставъ щитомъ,
 Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убран-
 ствѣ,
 «За Вѣру, за Царя, мы», говорятъ: «помремъ,
 Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ!»

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшь, вер-
 хомъ,
 Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
 То рыбу удами, то дичь громимъ свинцемъ;
 То зайцевъ ловимъ псовъ станицей;

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
 Какъ дернъ бугрить соха, злакъ травъ падеть ко-
 сами,
 Сернами злато шивъ,—и ароматовъ полнъ,
 Порхаетъ вѣтръ межъ Нимфъ рядами;

Иль смотримъ, какъ бѣжить подь черной тучей тѣнь
 По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
 И сходить солнышко на нижнюю ступень
 Къ холмамъ и роцамъ синетемнымъ;

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подь сѣнь,
 На брегъ Волхова разводимъ огонь дымистый;
 Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
 И пьемъ подь небомъ чай душистый.

Забавно! въ тмѣ челновъ съ сѣтми какъ рыбаки,
 Лѣнливымъ строимъ плывъ, страшать тварь влаги сту-
 комъ;

Какъ парусы суда, и ляжкой бурлаки
 Влекутъ однимъ подь пѣсню духомъ.

Прекрасно! тихіе, отлогіе брега
 И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,
 Какъ, полосаты ихъ клоны поля, луга,
 Стоять надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно! какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
 И эхо за лѣсомъ подь мглой гамить народа,
 Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
 Когда мы ѣдемъ изъ похода,

Стекль заревомъ горить мой храмовидный домъ,
 На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
 Гдѣ встрѣчу водометъ шумить лучей дождемъ,
 Звучить музыка духовая.

Изъ жерль чугуновыхъ громъ по праздникамъ ре-
 ветъ;
 Подь звѣздной молніей, подь свѣтлыми древами
 Толпа крестьянъ, ихъ женъ, вино и пиво пьетъ,
 Поетъ и пляшетъ подь гудками.

Но скучить какъ сія забава сельска намъ,
 Внутри дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
 Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
 Блестать: музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харить плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Галии игру и Терпсихоры,
Цвѣточныя вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ:
А мы на нихъ и плясимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома, съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ,—и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ—
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ съѣдинъ
Склоняся, ношусь въ мечтахъ умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетающа суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жь, ищю я вкругъ, минувшій красный
день?

Побѣды слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось солнце,—тѣнь!...
Кто вѣсть и впередъ полетъ орлиный?

Видь лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны:
Блаженствовалъ подъ Нимъ въ спокойствѣ человекъ;
Но мечеть днесъ и Онъ перуны.

Умолкнуть ли они?—Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ править сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.
Онъ корни помысловъ, Онъ зрять полетъ всѣхъ
мечть,

И поглумляется безумству человекъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ
 отпоръ
 Темиру новому подъ Пултускомъ, Прейшплату;
 Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
 А скрылъ орла сѣдаго славу.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ
 ночей.
 Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
 Увы! и даже прахъ спашнетъ моихъ костей
 Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
 Не вспомнётся нигдѣ и имя Званки?
 Но совъ, сычей изъ душь огнезеленый взглядъ,
 И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгений! ты, бывъ нѣкогда моихъ (2)
 Свидѣтель пѣсень здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ
 страшный, (3)
 Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
 Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный

Отъ коего, какъ громъ, катается надъ нимъ
 Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ, и збруи мѣдной гулы
 Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
 Въ лѣсахъ, трясясь, звучать стрѣль тулы.

Такъ! Развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
 Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
 И свитыхъ вокругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
 Прогонишь блѣдну зависть въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
 На возвышеніе, на пониженіе счастья,
 Единой правдою меня въ умахъ людей
 Черезъ Клиа воскресилъ согласи.

Такъ! въ мракъ вѣчности она своей трубой
 Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы

Отъ дыры моя шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, доли, нивы.

Ты слышала ихъ—и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близъ Сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій
громъ:

«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы».

(1) Писано на Званкѣ въ 1807 году; напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ въ Москвѣ.

Въ этомъ замѣчательномъ стихотвореніи, посвященномъ другу автора, Пресвященному Евгению Болховитову, Викарному Архіерею Новгородскому, впоследствии бывшему Митрополитомъ Киевскимъ, описана въ подробности жизнь Державина на Званкѣ, а читатель, любящій картинами мирнаго счастья, съ удовольствіемъ слѣдитъ провозженіе времени философа-поэта.

(2) Пресвященный Евгенийъ часто посѣщалъ автора въ его лѣтнемъ уединеніи на Званкѣ и любилъ слушать, какъ повторялось эхо душечныхъ выстрѣловъ, неоднократно отзываясь въ лѣсахъ по берегамъ Волхова.

(3) Въ деревнѣ автора, неподалеку отъ дома, находится курганъ или холмъ, подобный многимъ другимъ, разсыпаннымъ въ сихъ мѣстахъ. Курганы сіи, по открываемымъ въ нихъ остаткамъ костей человѣческихъ, означаютъ могилы людей знаменитыхъ, доблестныхъ витязей древнихъ битвъ. По преданіямъ извѣстно, что одинъ изъ Новгородскихъ вождей почитался волховомъ, отъ имени котораго и самая рѣка прозвана Волховомъ, и носилась молва, что онъ превращался въ крокодила и другихъ чудовищъ и губилъ людей, плывшихъ по рѣкѣ и по озеру Ильмену.

Л Е Б Е Д Ъ (1).

Необычайнымъ я парешемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимаюсь.

Въ двойномъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;

Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подь собой блескъ царствъ.

Да, такъ! Хоть родомъ я не славець;
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я неравенъ,
И самой смертью предпочтуться.

Не заключить меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая пѣвица,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужь кожа, зрю, перната
Вкругъ стань обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.

Лечу, парю — и подь собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ, онъ высится главою,
Чтобы слышать Богу пѣснь.

Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ,
Славяне, Гунны, Скифы, Чудь,
И всё, что брашно днесъ пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ;

«Вотъ тотъ летать, что строя лиру,
Языкомъ сердца говорить,
И проповѣдуя миръ міру
Себя всѣхъ счастьемъ веселить». (2)

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ Музъ не пои! —

Супруга! облекись терпѣньемъ:
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

(1) Подраженіе Горациевой одѣ XX, изъ книги II; сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1803 году.

(2) Въ бытность свою Министромъ Юстиціи, Державинъ по волю Императора Александра написалъ положеніе о примирительномъ третейскомъ совѣстномъ судѣ.

СРЪТЕНІЕ СРФЕЕМЪ СОЛНЦА.

Г И М Н Ъ.

Оставъ, багряный одръ, гряди,
О, златокудрый, вѣчно-юный
Богъ свѣта, дѣвъ Парнаскихъ вождь!
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни
И цвѣто-благовонну Флору,
И въ класахъ блестящу Цереру
И Вакха, гроздовъ подъ вѣнцомъ,
Да, въ стрѣтенъе Тебѣ испедаши,
Воскликнемъ гимнъ.

Венялась румяный огнь въ водахъ,
Вздвигались горы, засверкали!
Се зрю, се зрю, — грядеть, грядеть
И свѣтлое чело возносить
Изъ синихъ волнъ на небеса;
Ужъ тихой арфы тихи звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ;
Безмолвны наклонились кедры, —
Внимають тварь!

Пришелъ, пришелъ любитель Музъ,
Олимпна Царь, источникъ знаній:
Сердцеъ ему и семь
Благоуханну дань.

Прійми и озари съ престола
Тебя поющихъ Пьеридъ.

Диэдрамбъ.

Тяжелой съ неба стопой
Мракъ отступаетъ,
Тонеть, блѣднѣетъ во мглѣ,
И съ роскошью лѣнь,
Тучныя вѣжди подъемли,
Вставъ, идутъ къ трудамъ,
Зрятъ честью плѣнны умы
Къ лаврамъ и славѣ.

Слава! что зрю въ восхищеньи?
Боги, богини и Фивъ!
Се они! — Сердце трепещетъ,
Очи летятъ на красы!
Льются съ рамень волны златы
Розы средь устъ и ланитъ!
Голуби, лебеди, пава,
Въщая птица при нихъ:
Слава! зрѣлъ свѣтлаго Фива!
Видѣлъ! — вѣрь мнѣ, потомство.

Слава! слава! Музы скорѣ
Теките, бѣгите ко мнѣ
Фива воспѣть. — Холмы и рощи,
Рѣки шумящи съ горъ слышу:
Прядаютъ звѣзды, громы гремятъ:
Пестрые тигры, львы желтогривы
Кротко у ногъ Фива легли;
Вьются орлы. Фиву въ вѣкъ слава!

АРИСТИППОВА БАНЯ.

Что вы, Аркадскія утѣхи,
Темпейскій доль, Геснерскій садъ,
Цитерски рѣзвосты и смѣхи

Въ румянецъ розъ пастушекъ рядить:
Цвѣтеть спокойство на челѣ;

Иль, миртъ подѣ тѣнью, подѣ луною,
Онъ зрѣть, на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещутся водою,
Шумяты: ихъ хохотъ вдальекѣ
Погодкою повсюду мчится;
Отъ тѣль златыхъ кристалль златится,
И прелесть свѣтится сѣвозъ мракъ. —
Все старцу изъ окна то видно;
Но нимфъ невинности нестыдно,
Что скрытый съ нихъ не сходитъ зракъ.

А здѣсь, въ сосѣдственномъ покоѣ,
Въ очкахъ друзей его соборъ,
Надъ книгой, видной на налоѣ,
Сидитъ, склоня думъ полный взоръ,
Стиховъ его занявшись чтеньемъ;
Младая дщерь на цитрѣ пѣньемъ
Между фіаловъ вторить ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несется,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ усть льется,
Подобно медь съ сотовъ златыхъ.

«О смертные!» — поетъ Арета (*) —
«Коль странники страны вы сей,
Вкушать спѣшите блага свѣта:
Теченье кратко нашихъ дней. —
Блаженство намъ даруетъ время:
Бываетъ и порфира бремя,
И не прекрасна красота.
Едино счастье въ томъ неложно,
Коль усладить духъ съ чувствомъ можно,
А все другое — суета.

«Не въ томъ бѣда, чтобъ чѣмъ прельщаться;
Бѣда пороку сдать въ плѣнь.

(*) Дочь его, имъ воспитанная, была дивомъ красоты и добродѣтели своего времени.

Не должно мудрымъ называться,
 Кто духа твердости лишень.
 Но если тѣло услаждаемъ
 И душу благодетями питаемъ,
 Почто съ небесъ перуна ждаты?
 Для жизни человекъ родится;
 Его стихія — веселиться,
 Лишь нужно страсти побуждать,

«И въ счастіи не забываться,
 Въ довольствѣ помнить о другихъ;
 Добро творить не собираться,
 А должно дѣлать, дѣлать въ мигъ.
 Вотъ мудра мужа въ чемъ отличность!
 И будетъ ли вредна тутъ пышность.
 Коль муро на браду занесъ,
 И часъ въ домъ царскій призываетъ;
 Но сирота пришелъ, рыдаетъ:
 Онъ всталъ, — стеръ его токъ слезъ?

«Порочно ль и столовъ обилье,
 Блескъ блюды, винъ запахъ, сладость яствъ
 Коль гонять прочь они унынье,
 Крѣпить здоровье, и пріятствъ
 Живутъ душой друзьямъ въ досугахъ;
 Коль тучней полкъ стоитъ въ прислугахъ,
 И съ гладу вокругъ не воютъ псы?
 Себя лишь мудрый умѣряетъ,
 И смерть, какъ гостью, ожидаетъ, —
 Крутя, задумавшись, усы.»

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье
 Отъ Діонисья три жены,
 Мужамъ рожденны на црельщенье:
 Какъ ночь — власы, лицомъ — луны,
 Какъ небо — голубые взоры;
 Блескъ устъ, ланить ихъ — блескъ Авроры,
 И холмы — въ даръ ему плодовъ
 При персяхъ отдають въ прохладу.

«Хвала Царю» рекъ «за награду;
Но выдте воинъ; я философъ.» (*)

Какъ? — Нѣтъ, мудрецъ! скорѣй винися,
Что ты лишь слабостью не слабъ:
Безъ зубъ воздержностью не дмися.
Всякъ смертный искушенья рабъ.
Блаженъ, и въ средствеиной кто долъ
Возмогъ обуздывать по волѣ
Своихъ стремленъе прихотей!
Но быть богатымъ, купно святу,
Такъ трудно, какъ орлу крылату.
Иглы сквозъ пролетѣть ушей.

Э х о.

Касаюсь струнъ, — и громъ за громомъ
Отъ перстовъ съ арфы въ слухъ летить;
Шумить, бушуетъ доломъ, боромъ,
Въ мглѣ шепчетъ съ тишиной и спать;
Но вдругъ, отдавшись отъ холма,
Возвратнымъ грохотаньемъ грома
Гремитъ и удивляетъ мѣръ:
Такъ ввѣкъ безсмертно эхо лиръ.

О, мой Евгений! коль Нарцисомъ
Тобой я чтусь, — скалой мнѣ будь;
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердить не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою
Играя, будемъ жить съ тобою,
На Волховѣ, какъ чудный шумъ
Тмою гуловъ удивляетъ умъ.

(*) Дионисій, Царь Сиракузскій, подврялъ Аристинну трехъ красавицъ. Онъ привелъ ихъ къ себѣ, и отпустилъ назадъ, не прикасаясь къ нимъ.

Увы! лишь въ свѣтѣ воспоминаемъ
 Безсмертнымъ смертный человекъ:
 Нарцисъ жаль нимфы отвѣчаньемъ;
 Черезъ Музъ живутъ Пинты звѣкъ.
 Пусть въ персть тѣла ихъ обратятся,
 Но вновь изъ персти возродятся,
 Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
 Отъ Данта и Петрарка лиръ.

Такъ, знатна часть за гробомъ мрачнымъ
 Останется еще отъ насъ,
 А паче свиткомъ безпристрастнымъ
 О комъ воскликнетъ Діонисъ гласъ:
 Тогда и Фивовъ раззоритель
 Той самой Званки былъ бы читатель,
 Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мной.
 Потомство воззвучитъ — съ тобой.

Ж И Л И Щ Е

БОГИНИ ФРИГГИИ. (*)

Хоръ.

Боги любятъ добродѣтель,
 Сердце вѣрное хранятъ. —
 Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
 За терпѣніе награждъ.

Цѣвель.

Брагге (**), духъ Поэзіи незримый,
 Скальда (***) за руку схвата, повель

(*) Фриггія, Скандинавская богиня премудрости, Царица неба и мать всѣхъ боговъ.

(**) Брагге, гевій поэтесъ, или Аполлонъ.

(***) Скальдъ, поэтъ.

Чрезъ дремучій лѣсъ, непроходимый,
 Въ хладны тундры (*), Сѣвера въ предѣлѣ.
 Сосны вокругъ его стояли снѣжны;
 Висли вѣтви и листы предъ нимъ;
 Заграждали стези, виды смежны,
 И онъ небомъ видѣнь былъ однимъ.

Боги любятъ добродѣтель,
 Сердце вѣрное хранить. —
 Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
 За терпѣніе награждь.

Брагге Скальда мчалъ сквозь дебри темны:
 Въ ужасѣ безъ чувствъ Скальдъ трепеталъ,
 Воя слыша волчьи, враговъ стоны,
 И зря дровъ съ вершинъ какъ огонь сверкалъ
 Въ взорахъ синихъ рысей, пестроблѣдныхъ,
 Злящихся втай на него напасть,
 И медвѣдей изъ берлоговъ земныхъ
 Разбѣвавшихъ въявь кроваву насть.

Боги любятъ добродѣтель,
 Сердце вѣрное хранить. —
 Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
 За терпѣніе награждь.

Но коль паче Скальдъ тѣмъ утрашился,
 Что бывъ вихремъ, въ облакѣ несенъ;
 Въ мигъ изъ лѣса въ замкѣ очутился,
 Башнями, стѣнами окруженъ,
 Гдѣ, чугуиными драконы ртами
 Огнь и громъ бросая, воздухъ жгли,
 Скрежеталъ морозъ, стуча зубами
 И пустынный градъ сей стерегли.

Боги любятъ добродѣтель,
 Сердце вѣрное хранить. —
 Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
 За терпѣніе награждь.

(*) Тундры, трясины, или зыбучія болота.

Ужь не въ станѣ ль древнихъ Скандинавовъ,
 Въ области Варяговъ, — думалъ Скальдъ, —
 Бранныхъ средь племенъ Скъоо-Славяновъ,
 Гдѣ, о Скада! (*) высился твой градъ,
 И твои молніеносны руки
 Всеи землѣ отколь бросали брань,
 Рюрику собирали славы звуки,
 Кости царствъ и кровь Одиу (***) въ дань.

Боги любятъ добродѣтель,
 Сердце вѣрное хранить. —
 Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
 За терпѣніе награждъ.

Идетъ въ темные пѣвецъ проходы
 Сквозь кругловерхихъ вратъ, межъ столповъ
 Подъ гранитны, мшисты, древни своды,
 За скрипучихъ ста дверей, замковъ,
 За желѣзныя рѣшетки ржавы,
 Дня гдѣ свѣтъ, ни солнца не блеститъ. —
 «Ахъ! Не Локке ль (***) подъ землей кровавый
 Здѣсь свое оружіе хранить?»

Боги любятъ добродѣтель,
 Сердце вѣрное хранить. —
 Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
 За терпѣніе награждъ.

«Не Тевтоновъ ли тамъ зрятся гряды
 По стѣнамъ мечей, щитовъ, кольчугъ,
 Ратоборны страшны наряды,
 Потрясающіе умъ и духъ?» —
 Возстаютъ ужь быстрые Полканы,
 Цѣпи въ бубны рыцари стучать,
 Копьями, съкирами въ грудь раны
 Дать ему, главу срубить грозятъ!...

(*) Скада, богиня вреда, молніи и грома.

(**) Одинъ, главный богъ Скандинавовъ (Юпитеръ).

(***) Локке, богъ ада, или Плутонъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранить. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе награждъ.

Скальдъ упалъ полмертвымъ; но незапно
Въ мрачный взоръ его проникнулъ лучъ:
Возвратился духъ его обратно.
Онъ взглянулъ, и межъ полночныхъ тучъ
Сіянье зрѣлъ неизрѣченно
Неисчетныхъ тысящей лампадъ. —
«Зришь ли Царство» Брагге рекъ «священно,
Доблестей священныхъ вертоградъ?»

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранить. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе награждъ.

«Травы, купины, древа пахучи,
И зимою здѣсь цвѣты цвѣтутъ;
Птицы райски день и ночь поющи,
Тоны мусикійски слугъ влекутъ
Къ чувствамъ кроткимъ, тихимъ, безмятежнымъ
Витязей младыхъ и юныхъ дѣвъ,
Къ подвигамъ клоня ихъ славнымъ, нѣжнымъ,
Здѣсь витаютъ съ агнцемъ вкушъ левъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранить. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе награждъ.

«Подъ небесъ здѣсь вокругъ сапфирнымъ видомъ
Горы, зрѣлица, сады видны;
Сельски дѣвы часто хороводомъ
Съ Валками (*) златы проводятъ дни,
Важность съединяя съ утѣшеньемъ;
Словомъ: здѣсь всѣ счастливо живутъ, —

(*) Валки, Музы.

И цвѣты, какъ солнца свѣтлымъ зрѣньемъ,
Фриггѣй, животворясь, растутъ.»

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранять. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе награждъ.

— «Кто жъ та Фригге? гдѣ ея владѣнье,
Брагге? Скальдъ спросилъ. — «Здѣсь она живетъ:
Мудрость царствуетъ въ уединеньѣ,
Образуетъ душъ изящныхъ въ свѣтъ,»
Такъ, во старца превратясь, съ смиреньемъ,
Скальду Стихотворства богъ сказалъ:
«Черезъ путь трудный опытомъ, терпѣньемъ
Входятъ только смертные въ Валкаль.» (*)

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранять. —
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе награждъ.

НОВГОРОДСКІЙ.

Болхвъ Злогоръ. (**)

Хоръ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдны!
На мрачномъ Болховѣ, лѣнивомъ
Возсядъ — и въ гуль горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Невой, Ильменемъ, Мшагой иливщихъ (***)

(*) Валкаль, чертогъ блаженствъ, или рай храбрыхъ.

(**) Взято изъ Новгородскаго баснословія.

(***) Рѣки и озеро Новгородской губерніи.

Изъ праха извлекавъ забвенья,
 Потомкамъ поздимъ въ удивленья,
 Грѣшь, кой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
 Изъ тмы ихъ воскресная въ свѣтъ.

Скальдъ.

Внемлите! Съ южныя отчизны
 Оденъ пришелъ на край ноцной,
 Съ нимъ Велесь, Волхвъ Злогорь, тризны
 Вѣкъ въ память сдѣлавшись рѣкой,
 Сталь Волховомъ съ времянь тѣхъ зваться,
 Могильны холмы омыватъ,
 Сребристымъ зміемъ изгибаться,
 Вкругъ враномъ и сычемъ летать.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада,
 Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
 Славяновъ сынъ, Славяна града
 Колдунъ, слѣпившій черни взоръ
 Очарованьями, мечтами,
 Во громы, въ молнии, въ вихри, въ дождь
 Преображавшійся часами,
 Былъ крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ вмѣсто Бога
 Принудилъ силой, страхомъ чтить
 Кумиръ Перуна Чернорога,
 И кровь ему съ мольбой ихъ лить:
 Но жертвъ ему не приносившихъ,
 Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:
 Шелонью, Ладогомъ топилъ.

Хоръ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый
 На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
 Возсадъ—и въ гуль горь игривомъ
 На арфѣ древніе слѣды
 Изъ праха извлекавъ забвенья,
 Потомкамъ поздимъ въ удивленья,

Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

Скальдъ.

Злогора душу взяли черти;
Но слухъ такъ страшень былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти,
Въ гробъ положивши ницъ лицомъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ тиранъ;
Осиновъ коль ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ
Творилъ премножество проказъ,
Какъ переносится донимѣ
О немъ старухъ и бабъ рассказъ:
Плель басни, смуты, сѣялъ шашни,
Былъ женъ Посадничьихъ дружокъ,
Леталъ въ повалуши ихъ, въ балани,
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

Въ куту кикиморой незримой
Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужищъ, къ вечеру хранимой,
Сѣдалъ, зубами скришучи;
А по ночамъ къ хозяйску диву
Скакалъ на клячахъ по сту версть;
Коню жъ любимому плель гриву
И какъ трубу волнистый хвостъ.

Хоръ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь,—и въ гулѣ горъ игривомъ
На арфѣ древнію слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленья

Грѣшь, пойдѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

С т а л ь д ь.

Вадима въ бунтъ на Гостомысла,
Всю чернь сей поджигалъ Злогорь,
Вперяя противъ здрава смысла
Въ Варяговъ и Славянъ раздоръ;
Онъ то жъ не доуцалъ Добрыню
Новгородцевъ окрестить,
На холмахъ водружать святыню
И идоловъ въ рѣкахъ топить;

Противился и Ярославу
Въ суды онъ Правду Русску ввестъ,
И бабу злу, ягу лукаву,
Посадницу всѣмъ Марѣу въ честь
На колымагѣ вскачь съ желѣзнымъ
Пестомъ велѣлъ возить на Вѣчь;
На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ
Царя бѣгъ Грознаго сожечь.

И днесъ на Званкѣ онъ проказитъ,
Тмы ночью дѣлая чудесь:
Златой луной на Волховъ слазитъ,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсь,
И лоснясь съ колкунами длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожить въ струяхъ, иль въ холмъ могильной
Залегшій въ мракъ хранить какъ громъ.

РИМСКОМУ НАРОДУ.

Куда, куда еще, мечи едва вложенны
Въ ножны, вы, обнажа, стремитесь вновь яресь?
Поля ль отъ васъ, моря ль не много обагрены,
И мало ль ваша кровь лилась?

Нѣтъ, нѣтъ! Не Римъ,—ему враждебный и над-
 менный
 Низвергъ и превратилъ въ персть, пламень, Кароа-
 генъ;
 Ни вольный Бритовъ родъ, цѣнами отягченный,
 Сквозь вратъ торжество веденный въ плѣнь.

Такъ, такъ! Не отъ Царянь, но собственной враждою
 Своей, крамолою падеть вамъ славный градъ.
 Ни волкъ, ни левъ, какъ вы, съ столь яростію злою
 Своихъ собратьевъ не губять.

Что жъ за слѣпая месть, и что за вышня сила,
 Иль грѣхъ какой стремить васъ? Дайте мнѣ отвѣтъ.—
 Но вы молчите! что? ваша блѣдность зракъ покрыва!
 Иль молній ужаснухъ васъ свѣтъ?

Се строгій Рима рокъ, се злоба звѣровидна;
 Какъ заглушаетъ вашу братоубійствомъ гласъ!
 Съ тѣхъ поръ, какъ Ремова кровь пролита невинна,
 Лежитъ проклятіе на васъ.

КЪ МЕРКУРІЮ.

Краснорѣчивый внукъ Атланта,
 Меркурій! дикій нравъ смягчившій грубыхъ смерт-
 ныхъ
 И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
 По правиламъ Палестры!

Тебя, боговъ и Діа вѣстникъ,
 Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
 Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шуткахъ
 Похитить, скрыть что хочешь.

Обманомъ нѣкогда изъ стада,
 Бывъ юнъ еще, воловъ ты свелъ у Аполлона;

И онъ, боль не отдать, грозилъ, но, стрѣль въ мигъ
въ туль

Не увидѣвъ, разсмѣялся.

Ты щедрога въ пути Пріама
Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ, и сквозь
станицъ

Прошедъ враговъ, избѣгнулъ лютыхъ стражей
Фессальскихъ и Атридовъ.

Вчиная души благочестны
Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ стал
Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятель
Богамъ небесъ и ада.

КЪ КАЛЛІОПѢ.

Сойди ко мнѣ съ небесъ, Царица Калліопа!
И громкою трубой или нѣжнымъ звономъ струнъ
Отъ питры Феба, или когда предпочитаешь
Ты голосъ свой всему,—воспой безсмертну пѣснь,

Уже мнѣ слышится, или я, обаяясь
Прелестною мечтой, брожу въ густой чащи
Священныхъ рощъ, и шумъ прохладнаго зефира
И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?

Такъ на горѣ, Вилькуръ, еще въ младенствѣ сущій,
За рубежемъ родной Апуліи моей
Игру утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
Тайственно вѣтвями я былъ отъ голубей.

Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній,
Нависисты скалы лѣсныхъ Вантинскихъ дебрь,
И тучны пажити долины Низкоференскихъ,
Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, что

Не уязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,
Ни чернойядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я

И миртовой въ тѣни почилъ священной роши,—
 Не безъ покровъ, звать, боговъ былъ отрокъ смѣль.

Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,
 Ни съ Филиппинскихъ рать бѣжавшая полей,
 Ни древо адское, ни волны Палинура
 Не погубили морь Сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.

Я вашъ, Камены, вашъ. — На холмы ли Сабински,
 Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли Тибуръ,
 Или въ приморскіе вхожу вертепы Байски,
 Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

Доколѣ вы со мной, пловцемъ пушусь охотно
 Въ ярящійся Босфоръ, въ пески Ливійски пѣшь,
 Британовъ къ странникамъ и Конокапъ свирѣпыхъ
 Піющихъ конску кровь, Донъ Скиѣскій посѣщу.

Вы, подвигъ Цезаря великаго окончить,
 Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Перидъ,
 И воинство свое плетъ въ браняхъ утомленно
 Во грады на покой, прохладой щедрите.

И днесъ, блаженные ему совѣты, кротки
 Вдохнувъ, ликуете, — Мы знаемъ страшный громъ
 Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ бур-
 нымъ
 Кто править Царствами и смертныхъ и боговъ.

Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила
 Самонадѣйная та буйна, юна рать,
 Что, силясь мышцами, подъявъ братосодружно,
 Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Целіонъ.

Но что возмогъ Писей? что Мимъ ужасномочный?
 Что съ грознымъ станомъ могъ гигантскимъ Пор-
 фирьенъ?
 Что Редъ и Энцеладъ, надменно съ корней равани
 И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

Противъ эгида что гремящаго Паллады?
И пламенный Вулканъ, Царица и Небесь
Стояла Хера гдѣ, и не слагающій вѣкъъ
Съ рамень своихъ стрѣлогремящій свѣтлый туль,

И моющій власы разсыпанны, златые,
Струящися въ ключахъ Кастальскихъ чистыхъ водъ
И въ отчихъ роднися витающій дубравахъ
Ликійскихъ, Патернскій и Дельфскій Аполлонъ?

Лишенна падаетъ благоразумья сила
Подъ бременемъ своимъ; благоразумьемъ же
Мощь раздѣряему возводятъ боги выше, —
Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сторукий
И непорочная Діаны Оріонъ
Помысли на соблазнъ. Онъ скоро укрощеннымъ
Сталь въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

На собственныхъ своихъ низверженна чудовищъ,
Земля, стена, скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
И Эва, брошена на нихъ, еще горить.

Несчастіе стрещи опредѣленна птица
Рвать невоздержнаго не престааетъ до днесь
Тигія печени, и влюбчива связуютъ
Пиритоя еще трехъ сотныхъ складъ узъ.

ПРОЛОГЪ

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ

ЛЮБВИ. (*)

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Любовь.

Жрецы.

Юноши.

Дѣвы.

Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверѣ.

Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини Елисаветы Алексеевны Великой Княжною Марією Александровною, по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ; но какъ отъ автора Двору представлень не былъ, то и не игралъ.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ.

Театръ представляетъ на разсвѣтъ лѣсъ, покрытый инеемъ. Въ среднѣй лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними алтарь. Бѣжали видны каменные скалы съ висшими съ нихъ оледенѣлыми источниками. Музыка соображается дикой замерзлой природѣ, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

Хоръ жрецовъ.

(Тихій, улымый, безъ музыки, изъ теноровъ и басовъ составленный).

Долго ль инеемъ покрытый
Будеть сей укасенъ лѣсъ?
Свѣтлы дни уже забыты,
Видимъ въ стужѣ тѣвѣвъ небесъ!

(*) Сочиненъ въ 1797 году.

Жрецъ.

(Тенорокъ поцій, приступая къ алтарю, поставяется предъ нимъ жертвенный треножникъ, покрытый бѣлымъ пологомъ).

Съ первымъ бы цвѣткомъ явиться
Къ намъ должна была весна;
Но земля безплодна зрится, (*)
Холодомъ умерщвлена.

Второй жрецъ.

(Старшій, взошедъ поцій, снимаетъ съ треножника покрывало).

Часто покрываетъ мглою
Блески своего чела,
Чтобъ съ сугубой красотою
Послѣ возсіять могла.

Хоръ жрецовъ.

(Съ музыкою, воставъ и приближаясь къ алтарю).

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ богамъ,
Чтобъ твое произрѣченье
Скоро совершилось намъ.

Три жреца.

(Старшій и два младшіе, съ музыкою).

Боги, наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озаряте небеса,
И воскреснетъ вся природа!

Хоръ жрецовъ. *(Безъ музыки).*

Чада! чада! къ намъ идите
И мольбы соедините.

(Показываются народъ, юноши и дѣвочки)

Хоръ общій.

(Съ музыкою. Народъ, жрецы, юноши и дѣвочки).

О, небо! преклонись къ моленьямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.

(*) Въ семь году отъ жестокой зимы почти всѣ деревья погибли

Весна, прійди! и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь.

Вели дышать благоуханьямъ,
Вели раскинуться цвѣтамъ,
Да мы щедротъ ея даемъ
Здѣсь жертвы принесемъ богамъ.

(Подъ сима хоромъ хороваодъ дѣвицъ и юношей составляютъ вокругъ алтаря и жертвеннаго треножника медленной священный танецъ. Между тѣмъ старшій жрецъ возжигаетъ на треножникъ огонь. Хоръ прерывается слышимымъ вдали троекратнымъ гуломъ грома; при каждомъ отголоскѣ его пламя на треножникъ вспыхиваетъ, и хоръ, возобновляясь троекратно, постепенно и тихо умолкаетъ).

Три жреца.

Смягчилось стремленье
Холодныхъ бурь и стужь;
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

Хоръ.

(Изъ народа, юношей и дѣвицъ).

Услышаны молебнъ сердечны,
Молитва наша принята!
О, боги праведны и вѣчны!
Обрадуйте сии мѣста.
Надежда, утѣшай, драгая!
Прійди скорѣй, весна золотая!

(Сей народный хоръ перестываетъ сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно освѣщается, сходятся облака и часть льда; а сцена мало по малу перемѣняется въ весенній пейзажъ).

Хоръ дѣвъ.

Оживитесь, почвы льдисты!
Распуститесь, цвѣтки!
Да сплететь изъ васъ душисты
Милымъ и себѣ вѣнки.

Хоръ юношей.

Раздѣлитесь зелены
Намъ на подвиги луга,

Чтобъ бросать огонь военный
Мы учились на врага.

(Въ сіе время спускаются облака ниже во глубинѣ театра и составляютъ изъ себя группу).

Хоръ юношей.

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

Хоръ дѣвъ.

Ужъ открылося на брань
Поле юношамъ безстрашнымъ.

(Сія хоры обѣихъ послѣ другаго повторяются).

Общій хоръ.

(Изъ юношей и дѣвъ).

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не доставляетъ
Нѣкихъ намъ блаженствъ она.

(Тутъ указываетъ народъ на сущенную группу облаковъ, и приближается къ ней въѣхать съ жрецами).

Хоръ народа и жрецовъ.

(Фуга).

Что за явленіе
Снисходитъ съ небесъ?
Странно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовой кустъ).

Хоръ дѣвъ.

Весна открылась красотою,
Сплетемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусту пять цвѣткъ; въ немъ показывается явовъ въ видѣ младенца. Въ сіе мѣхвеніе разрѣшаются замерзлыя воды, текутъ водопады; лѣсъ и земли покрываются цвѣтами).

Хоръ.

(Изъ народа, жрецовъ, юношей и дѣвицъ).

Мы видимъ, съ юною весною
Родилась нѣжная любовь.

*(Дѣвицы поднимаютъ на рукахъ Любовь, и несутъ ее, при посто-
рѣнн сего хора, на алтарь, украшенный тогда же цвѣтами, на кото-
ромъ и поставляютъ).*

Хоръ юношей.

Лишь взглянетъ только, вспламенить
Намъ къ мужеству сердца.

Хоръ дѣвъ.

Въ насъ пламенну любовь родить
Улыбкою лица.

Хоръ общій.

О, твердая любовь! золотая
Всего народа цѣль сердець!
Прославимъ, праздненья составляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

Юноши и дѣвицы.

(Выступя на среднюю театра и обращаясь къ Любови).

Сладкая души отрада!
Тяжесть золотыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь.

Дѣвица.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милый мой, однимъ тобой!
И ты любишь, — все прекрасно,
Все прелестно предо мной.

Юноша.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милая! одной тобой,
И ты любишь, — я безстрашно
За тебя иду на бой.

Хоръ юношей и дѣвиць.

Обладай, Любовь, ты нами!
 Обладай, взаимна страсть!
 Царствуй, царствуй надъ сердцами;
 Всѣмъ твоя пріятна власть.

Хоръ дѣвиць.

(Поднося Любви розовый вѣнокъ).

Веселни мы приносимъ дары,
 Да розой жизнь твоя цвѣтеть!

Хоръ юношей.

(Поднося лавровый вѣнокъ).

А мы тебѣ подносимъ лавры,
 Да удивится слава свѣтъ!

Хоръ жрецовъ.

(Поднося вѣнокъ дубовый).

Явися, общихъ благъ Содѣтель,
 Народа радость и краса!
 Любя святую добродѣтель,
 Преклонь на насъ Ты небеса.

(Весь народъ повторяетъ послѣдніе два стиха жрецовъ).

Сей хоръ сопровождается трубами и литаврами, подъ которымъ Корифей прозводитъ пляски, и на посохахъ, увѣшанныхъ цвѣточными плетеницами, составляютъ около алтаря подобіе храма. Съ небесъ спускаются къ Любви трофеи, въ которыхъ видны лукъ, колчанъ и пламеникъ. Она падѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламеникъ, который въ рукахъ ея зажигается. Имъ она касается трофеевъ, между которыми освѣщается вензловое имя новорожденныя. Жрецы подносятъ къ Любви жертвенный треножникъ, на которомъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ ароматъ. На алтарѣ является огненная надпись:

«Блаженство, счастье водворится,
И именемъ Ея весь Сѣверъ озарится».

Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ хоромъ и дѣйствіе тѣмъ кончится, что всѣ съ колѣнопреклоненіемъ поклоняются Любви.

ПРОЛОГЪ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ

НОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА, (1)

ПОЧЕРПНУТЫЙ

ИЗЪ ДРЕВНЯГО ВАРЯГО-РУССКАГО ВАСНОСЛОВІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Рюрикъ, Великій Князь Новгородскій, родоначальникъ Монарховъ Русскихъ, происшедшій отъ сѣвернаго бога Одина.

Эдвинда, его супруга.

Зничъ, или Май.

Зимцерла, или весна, его супруга.

Лель, или Купидонъ, ихъ сынъ.

Валки, Небесныя дѣвы, или Граціи.

Жрецы, Богослужители

Барды, Пѣснопѣвцы

} первые отличаются на главахъ вѣнками

Дажь-богъ. Духъ, покровитель Сѣвера.

Огняны,

Вѣтрыны,

Моряны,

Земляны,

} Духи, повелѣвающіе стихіями, то есть: Саламандры,

} Сильфы, Наяды и Гномы.

Богъ Одинъ и прочіе

Боги и Герои сѣверные

Дагоды, или Зефиры.

Кикиморы, или Мечты.

Русалки, или Нимфы.

} пирующіе въ Валкалѣ или

} въ раѣ храбрыхъ.

} безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Рюриковъ.

Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно время, на случай разрѣшенія отъ бремени Великимъ Княземъ.

(1) Сочиненъ въ 1797 году.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рошу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка соображается видимымъ предметамъ. Со стороны выходятъ Барды, не менѣе пяти.

Первый Бардъ.

Бурлива ночь!

Второй.

А вѣтръ часъ отъ часу крѣпчаетъ.

Третій.

Луна сквозь тучь едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышанъ громъ вдали.

(Луна покрывается облаками, и близится громъ.)

Первый.

Во купу поспѣвшимъ
Утреневать богамъ.

(Во сіе время спускается на облакъ Дажь-богъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дажь-богъ.

Дажь-богъ.

(Не видя жрецовъ.)

О, роша, гдѣ Одинъ,
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ!
Жилище Бардовъ! край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

Барды.

(Въ сторону между собою.)

Ахъ! что такое, что? Кто спелъ со облаковъ?

Дажь-богъ.

(Не усматривая ихъ.)

А р и я.

Духъ вѣсть радостна волнуеть,
Въ сердцѣ льется живо кровь;
Мною богъ предзнаменуеть
Съверу свою любовь:
Веселись, страна блаженна,
Озаренна небомъ днесъ!

(Гроза умножается.)

Молнія въ очи блистаеть, —
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяеть, —
Это гнѣвъ на злыхъ умовъ:
Трепещи, страна мятежна!
Казнь тебѣ летить съ небесъ.

(Страшно громъ ударяеть, и роца молніей вся освѣщается, какъ по-жаромъ.)

Первый Бардъ.

Увы! знать гнѣвъ боговъ!

Второй.

О, милосердый духъ! и роца вся пылаеть.

Дажь - богъ.

Не бойтесь! Небо вамъ блаженство предвѣщаеть.
Я Дажь-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣстникъ бѣдъ
Пускай Перунъ тамъ гндръ стрѣлами грома беть:
Я вамъ Одиново принесъ благословенье.
Внимайте: Онъ вчера, низведъ съ Валкала зрѣнье,
Окинулъ взглядомъ міръ, зря въ Западъ раздоръ,
На Съверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ,
И повелѣлъ боговъ позвать на шированье.

Уладь исполниль вмигъ всеильно приказанье.
 Всѣ боги собрались, и въ дружной чашѣ медь,
 Какъ золото, блистала розъ на ланитахъ цвѣтъ.
 Глава боговъ сосудъ изъ злата и порфира
 Велѣлъ себѣ подать, гдѣ жребьи крылись міра.
 Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшей изъ Валкъ
 Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.
 Дѣвица розову десницу простираеть,
 И нитокъ клубъ златыхъ изъ урны вынимаетъ.
 Разматываетъ клубъ, по воздуху летить,
 И свитокъ на помость вдругъ падаетъ священный.
 Печатью огненной со вѣѣ запечатлѣнный.
 Богъ-царь открылъ печать, внутрь свитка письма!
 Въ молчаньи чтуть, и вдругъ, — счастливы племена
 Народовъ сѣверныхъ! — всѣ боги восклицаютъ:
 «Потомство Рюрика, какъ онъ подобно самъ,
 «Войною нанесетъ страхъ Сены берегамъ;
 «Весь Сѣверъ съединитъ въ подсолнечну едину,
 «Поклонятся всѣ въ немъ всеильному Одну:
 «Героевъ тма, царей, сольетъ свою съ нимъ кровь,
 «Отъ Мая и Весны произойдетъ Любовь.» —
 Такъ боги въ свиткѣ чли, и всѣ единодушно,
 Что время Сѣверу грядетъ благополучно,
 Велѣли мнѣ предрѣчь младенца рождество:
 Устройте жъ жертвы вы, устройте торжество,
 Идите спѣшно въ храмъ.....»

Первый Бардъ.

О, благотворный духъ!
 О, покровитель нашъ! Но чей повѣрить слухъ
 Такому божескихъ судебъ предъизрѣченью
 И твоему предъ насъ толь чудному явленью?

Второй.

Родится отрокъ ли, или красна дѣва намъ?

Дажь-богъ.

О, смертны слабые! не мнѣ, такъ симъ древамъ
 Повѣрьте, и звѣздѣ сей блещущей надъ вами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Показывается межъ облаковъ сѣверная звѣзда. На дубахъ огненныхъ надписи: *Отрокъ*. Дажь-богъ на облакѣ тихо возносится. Барды падаютъ на колѣна, и съ умилениемъ поютъ.

Дуэтъ.

Духъ добрый, свѣтлый, лучезарный!
Мы вѣруемъ тебѣ.
Виждь наши души благодарны,
Внемли ты сей мольбѣ,
И вознеси ее въ чертоги,
Гдѣ вѣчно торжествуютъ боги.

Третій Бардъ.

Нашъ долгъ провозвѣстить, что сдѣлалось съ нами.

(Входятъ въ кулису, принимаютъ за арфы, и составляютъ съ повтореніемъ оныхъ общій хоръ, смотря съ восторгомъ на звезду.)

Хоръ.

Внемлите, всѣ народы свѣта!
Одиновъ растворенъ чертогъ,
Благословляетъ Сѣверь-богъ.
Сіяетъ новая планета!

Первый Бардъ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ,
И жертву принесемъ съ жрецами тамъ богамъ. *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ царство Сѣвера. Дремучій лѣсъ, покрытый инеемъ, посреди коего готическій серебряный чертогъ и тронъ. На возвышеніи оного сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ туманомъ. Ее качаютъ сѣдые мразы и океаны. Съ небесъ, подобно лѣстницѣ, къ трону облака. На нихъ видны Мечты и Зефиры, помавающіе на колыбель крылами. Съ самаго верха слышимъ голоса четырехъ Валкъ.

КВАРТЕТЬ.

(Танецъ.)

Спи, дитя, ты спи, любезно,
 Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
 Мужество тебѣ полезно,
 Нѣгу, роскошь презирай.
 Ты рожденъ на свѣтъ судьбою
 Ради царскаго вѣнца,
 Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
 Правдой покори сердца.

Рюрикъ.

Военны зрѣлица вы, сны! ему мечтайте,
 Мечами о мечи въ слухъ тихо ударяйте;
 Пускай онъ въ юности привыкнетъ видѣть брань
 И поражать, какъ я.

(Мечты, сошедъ съ облаковъ, въ балетъ съкуются мечами, и представляютъ разные военные дѣйствія.)

Эдвинда.

А вы, Зефиры! дань
 Играніемъ ему и рѣзвостью платите.
 Порфирородныхъ долгъ, не брань одна, внушите,
 Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часть:
 Быть кроткими, какъ я.

(Зефиры сходягъ съ облаковъ, и въ другомъ балетѣ представляютъ разные дѣйствія милосердія и щедротъ; потомъ совокупно съ Мечтами составляютъ веселый танецъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Огняны, Вѣтрыны, Моряны и Земляны, предводительствуемые подъ великолѣпнымъ маршемъ Дажь-богомъ, приносятъ съ собою въ разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

Дажь-богъ.

Надъ всѣмъ имущій власть,
 Богъ неба и земли и всей Господь вселенной,
 И боги прочіе изъ вѣчности священной
 Прислали отроку дары.

Огнянь.

Со мною огонь и громъ,
 Духъ мужественный, мечъ, туля стрѣль, шеломя.

Р ю р и к ъ.

Къ защитѣ нужный даръ.

(Помаваетъ, и духи кладутъ дары предъ трономъ.)

В ѣ т р а н ъ.

Со мной красу прелестну
Лица, пріятности и чистоту небесну.

Эдвинда.

Любезны всѣмъ!

(То же по мановенію дѣлаютъ.)

Морянъ.

Со мной, рождаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и счастье на водахъ.
(То же.)

Землянъ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И золото и серебро, несмѣтное богатство,
Которое творитъ блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертные блистали гдѣ, цвѣли.
(То же.)

Дажь-богъ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.
(Подходитъ къ колыбели и дуетъ на младенца.)

Рюрикъ.

О, коль прекрасный даръ!

Эдвинда.

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

Дажь-богъ.

Въ единомъ дарѣ семь несчетны тмы утѣхъ.

Всеобщій хоръ.

Ты, добродѣтель! всему красота,
Дщерь ты небесъ!

Солнце и свѣта ты лѣпота.
 Краше ты звѣздъ!
 Отроку въ перси юны и нѣжны
 Чаше дыхай,
 Въ сердце страхъ Божій, мысли смиренны
 Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священныи холмъ; на немъ въ отвѣртой ротондѣ преизшщный храмъ, а предъ нимъ лугъ, окруженный рощами. Рюрикъ и Эдвинда сидятъ въ сторонѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ тронѣ. Жрецы и Барды внутрь храма предъ алтаремъ, на которомъ горитъ благоуханныи огонь. Надъ храмомъ въ свѣтлыхъ облакахъ виднѣтъ Валкала, гдѣ по срединѣ во всемъ оружїи богъ Одинъ; а по обѣ стороны его другїе Сѣверные боги, Герои и Валки. Дажь-богъ внизу у трона Рюрикова.

Дуетъ Жрецовъ и Валкъ, повторяемый Бардами на арфахъ.

Жрецы.

Се жертва непорочна,
 Горитъ чистѣйшїи огонь:
 Изображаетъ точно
 Душъ нашихъ пламень онъ.
(Имъ отвѣтствуютъ, какъ эхо, съ Валкала, дотъ Валки.)

Валки.

Какъ розъ благоуханье,
 Восходитъ къ нему дымъ;
 Такъ душъ сихъ изліянье
 Взнеслось къ мѣстамъ святымъ.

Жрецы.

Услышь, услышь моленье,
 И нашихъ гласъ похваль;
 Исполнь благоволенье,
 Которо обѣщаль.

Валки.

Услышано моленье,
 Пѣснь ваша принята;
 Боговъ благоволенье
 Вамъ: Май, Любовь, Весна.

Общій хоръ Жрецовъ и Валкъ.
(Громкогласно).

Услышано моленье,
 Пѣснь наша принята;
 Небесъ благоволенье
 Грядеть въ сіи мѣста.

Дажь-богъ.

О, какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
 Молитва принята! Дождуся я, дождуся,
 Когда сюда слетятъ младыя божества
 Въ сіяньи ихъ лучей, во славъ торжества.

Старшій жрецъ.

(Въ священномъ восторгѣ предъ алтаремъ).

Я вижу отроча, неслыханно, чудесно,
 И тѣломъ и душой божественно, прелестно!
 Печатью въ вѣчности онъ былъ запечатлѣнъ,
 Во знакъ: что рѣдкій даръ имъ въ свѣтъ произведенъ.
 Что съ клуба въ бездну нить тянулася золотая,
 То знаменье, что жизнь продлится дорогая;
 Что благовонная изъ урны вышла мгла,
 То пользой осѣнять весь міръ его дѣла,
 И словомъ, будетъ онъ великъ между царями.
 Уже растеть!

Младшій.

Но будто пѣнный холмъ встаетъ между цвѣтовъ.
 Его священное названье: Лель, Любовь!

Старшій.

Его родитель Зничъ. Такъ свѣтль, какъ Май, лучами.

Младшій.

Зимцерла мать его—весна, заря красами!

Р ю р и к ъ .

Ужъ вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

Э д в и н д а .

Летать, любезные, на легкихъ облакахъ!

Дажь - богъ .

Летать, всѣмъ милые, прекрасные, младые!
Летать сюда отецъ и мать и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красоты!

Хоръ общій .

Восторгъ нашъ умъ плѣнить,
Вся млѣетъ кровь:
Весна и Май летитъ,
При нихъ Любовь!

ЯВЛЕНІЕ II .

Тѣ же, и на свѣтломъ облакѣ являюся

Зничь, Зимцерла и Лель .

(Поютъ).

Т р і о .

По вашему прошенью
Съ небесъ летимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ .

Зничь .	Зимцерла .	Л е л ь .
Я васъ лучами	А я цвѣтами	А я стрѣлами
Потщуся просвѣтить,	Потщуся расцвѣтить,	Потщуся уязвить;
Наукъ вѣннами	Златыми днями,	Владѣть сердцами,
И счастьемъ надѣлать.	Блаженствомъ награ- дить .	Любя, любимымъ быть .

(Мечутъ на землю цвѣты и золотыя стрѣлы).

ЯВЛЕНІЕ III.

Множество Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рошей, подбираютъ дѣтвы и стрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другіе втыкаютъ за поясъ. Въ концѣ составляютъ торжественный балетъ. Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ трона, Жрецы и Барды изъ храма; Зничъ, Зимцерла и Лель съ облаковъ, а Дажъ-богъ близъ трона.

Рюрикъ и Эдвинда.

(По окончаніи балета, подошедъ къ облаку).

Рюрикъ.

Сойдите, милые, боговъ по повелѣнью.

(Въ сіе время въ Балкаль богъ Одинъ и прочіе боги и Герои Сѣверные звучатъ въ щиты, показывая тѣмъ свое согласіе).

Эдвинда.

Утѣшите нашъ народъ.

Зничъ.

Я ихъ соизволенью
Покорствую всегда.

Зимцерла.

Сойду.

Лель.

И я сейчасъ.

(Облака оспыдаютъ на землю).

Жрецы.

Уже священный щитъ готовъ тебѣ у насъ.

(Барды берутъ изъ храма щитъ, а изъ рукъ Знича и Зимцерлы— Деля, котораго ставятъ на щитъ, и несутъ на тронъ, на коемъ сидящіе Рюрикъ, Эдвинда, Зничъ и Зимцерла принимаютъ его на свои руки).

Дажъ-богъ.

Се отрокъ, мною вамъ, о, Барды! предрѣченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, священный!

Х о р ь.

(Общій на театр и во Балкаль).

О, юноша! о, плодъ прекрасный!
 Намъ купно съ розами родясь,
 Какъ утренней зари блескъ ясный,
 Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
 Расти, дитя, Зимцерлы въ лонѣ
 И Знйча подъ златымъ щитомъ;
 Блистай на Рюриковомъ тронѣ
 Нашъ юный Лель, какъ лучъ лицомъ!

КУТЕРЬМА

О Т Ъ

К О Н Д Р А Т Ь Е В Ъ. (*)

Дѣтская комедія, въ одномъ дѣйствіи, съ хорами.

Д ѣ й с т в у ю щ и е.

Миловидова, гостыя, сестра хозяйки.

Колдунья, старуха въ маскѣ.

Варинька,

Вѣринька,

Пашинька,

} малолѣтныя дочери г-жи Миловидовой.

1 Кондратій, камердинеръ,

2 Кондратій, садовникъ,

3 Кондратій, музыкантъ,

Федосья, служанка въ домѣ.

} служители.

Дѣйствіе въ сельцѣ Званкѣ.

(*) Сочинено, на Званкѣ, въ 1806 году. Эта домашняя шутка сочинена была для дѣтей, племянницъ автора, Львовыхъ, которыя прѣехали погостить къ автору на его именины. Поводомъ къ сочиненію ея было частое столкновеніе трехъ Кондратьевъ, бывшихъ въ услугахъ у автора: одинъ изъ нихъ былъ камердинеръ, другой садовникъ, а третій музыкантъ, и когда одному давалось порученіе, перѣдко каждый изъ нихъ исполненіе присвоивалъ себѣ.

КУТЕРЬМА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гостинную комнату; столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Миловидова въ pokojномъ платьѣ, и волосы у нея нѣсколько сматы. Варинька, Вѣринька и Пашинька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

Миловидова.

(Смотря на часы).

Почти четыре часа,—позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣти, напьемся чаю: мнѣ недосугъ. Сестра бѣдная давеча за столомъ позахворала. У ней мужъ имянинникъ: будутъ на вечеръ гости; а коли ей полегче станетъ, то будетъ ужинъ и балъ; и такъ она поручила мнѣ за себя похозяйничать. Надобно кое-что приказать изготовить для праздника.

(Разливаетъ чай).

Варинька.

Ахъ, праздникъ, маменька!—Какъ же я рада!

Вѣринька.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то потанцуемъ.

Пашинька.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

Вѣринька.

По-цыгански, по-русски.

Варинька.

Казачька, вальсенъ.

Пашинька.

(Подбодрились).

И Савоярку.

Всѣ три вмѣстѣ.

Какъ намъ весело!

(Прыгаютъ и бьютъ во ладоши).

Миловидова.

Тише, тише! не разбудите тетеньку.

Всѣ три.

(Бросаясь къ матери и цѣлуя у ней руку).

Какъ же быть, милая маменька? Намъ весело, очень весело!

(Продолжаютъ прыгать).

Миловидова.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во время.—Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

Вѣриньна.

Какъ рано?

Вариньна.

Что за пташечка?

Пашиньна.

Какая кошечка?—Мы не дадимъ ей съѣсть птички.

Миловидова.

Глупенькія! Это пословица, и научаеъ насъ ни-чему прежде времени не радоваться.

Вариньна.

Для чего жъ?—Дяденька сегодня именинникъ.

Миловидова.

Но тетенька нездорова.

Вѣриньна.

Боже, сохрани!

Пашинька.

Да мы, слава Богу, здоровы; для чего жъ намъ не веселиться?

Миловидова.

(Крестя ихъ).

Господь съ вами! Веселитесь, друзья мои: я этого сердечно вамъ желаю; но надобно быть сострадательнымъ: когда кто болѣнъ, то тутъ веселье не у мѣста.

Варинька.

Да вы сказали, что дяденька имянинникъ.

Вѣринька.

Что гости будутъ.

Пашинька.

Что сегодня праздникъ.

Миловидова.

Такъ; друзья мои, это все правда; однакожь я сказала, когда сестрѣ будетъ полегче; и дополнить надо: когда дядя дозволить.

Варинька.

Для чего жъ?

Миловидова.

Онъ также недомогаеть.

Варинька.

А чѣмъ?

Миловидова.

По большей части неосторожностью.

Пашинька.

Да вѣдь онъ былъ за столомъ.

Миловидова.

То-то и худо: тутъ-то и надобно осторожность.— Но я съ вами заговорила. Варинька! вели послать

ко мнѣ, мой другъ, поскорѣе Кондратьевъ: камердинера, садовника и музыканта.

Варинька.

Кондратьевъ, маменька?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Миловидова, Вѣринька и Пашинька.

Пашинька.

Что такое, милая маменька, за неосторожность? И какъ быть отъ того больну?—Я этого не понимаю.

Миловидова.

Ой ты, вострушка! обо всемъ любопытствуешь.

Вѣринька.

А особливо за столомъ.

Пашинька.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюда, чашки, рюмки, стаканы.

Миловидова.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно погушаешь, разгорячишься, простудишься..

Вѣринька и Пашинька.

Ха, ха, ха, ха, ха!

Миловидова.

Что вы, дуручки? Чему смѣтесъ?

Вѣринька.

Какъ, маменька, не смѣяться? Мочи нѣтъ. Ха, ха, ха!

Пашинька.

Блюда не кусаются,—и какъ простужаться, разгорячаться?—Ха, ха, ха, ха!

Миловидова.

Эй тише, рѣзвухи! Дядю и тетку беспокоите.

Варинька.

Да вы шутите надъ нами.

Миловидова.

Какъ шучу?

Пашинька.

Когда насъ кусали блюда?

Вѣринька.

Когда мы разгорячались и простужались?

Миловидова.

Для того, что еще ваши лѣта не тѣ, какъ дядины; да за вами пристально смотреть, наблюдаютъ, васъ журуютъ.

Пашинька.

Да развѣ вы съ тетенькой не наблюдаете за дяденькой?

Миловидова.

Такъ, другъ мой; но онъ говоритъ, что вѣкъ свой изжилъ; что подъ опекой ни у кого быть не хочетъ: такъ что съ нимъ дѣлать? А вы еще молоды, и съ вами управиться можно.

Вѣринька.

Мы, милая маменька, изъ вашей воли не выступаемъ.

Миловидова.

Я очень довольна, сердечные друзья мои, что вы себя хорошо ведете.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Варинька.

Варинька.

Кондратьи пришли.

Миловидова.

Позови ихъ ко мнѣ.—Нѣтъ, стой; неодѣтою принять ихъ дурно: чужіе наемные люди. Подите и прикажите имъ, что я вамъ скажу, и пусть сюда придутъ: я послѣ посмотрю, что они сдѣлали.

Варинька.

Извольте, маменька.

Вѣринька.

Мы все исполнимъ, что вы прикажете.

Пашинька.

Точь-въ-точь, ни одинаго словечка не упустимъ.

Миловидова.

Хорошо: станьте рядомъ.

(Становятся).

Варинька.

(Вытянувшись по-солдатски).

Вотъ и строй готовъ.

Миловидова.

Ты все проказничаешь; но тутъ шутки не у мѣста, гдѣ приказываютъ; вниманіе первый знакъ повинности.

Всѣ вдругъ.

Да приказывайте жъ, маменька; мы слушаемъ.

Миловидова.

(Про себя).

Какъ-бы мнѣ не проступиться. Старикъ любить все попынѣе, пожирнѣе и пошумнѣе, а сестра — поскромнѣе, попростѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлится, а онъ тотчасъ на отръзъ брякнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддобротали!»—Этого-то мнѣ слышать и не хочется; я ихъ право обоихъ люблю.—Но хорошо, слушайте. *(Прика-*

зываетъ отъямъ) Ты, Варинька, скажи первому Кондратью, камердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухней: чтобъ приготовилъ между прочимъ куръ съ шампиньонами; дяденька это блюдо любить.—Ты, Вѣринька, второму Кондратью, садовнику, вели принасти вязъ съ повелицей. Дубу и лавра здѣсь нѣтъ; не равно намъ вѣдывается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ.—А ты, Папинька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ для огромности хоровъ рогъ съ барабаномъ. Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.

(Уходитъ, и тогда же два служителя выносятъ чайный приборъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ противныя двери входитъ Кондратій, камердинеръ.

Варинька.

Ты, Кондратій?

Кондратій.

Кондратій.

Варинька.

Кондратій первый?

Кондратій.

Какъ нѣтъ здѣсь другого, такъ первый.

Варинька.

Мамонька тебѣ приказала, чтобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовить куръ съ шампиньонами.

Кондратій.

Хорошо, сударыня.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотчасъ за нимъ входитъ Кондратій музыкантъ.

Вѣринька.

Ты второй Кондратій?

Кондратій.

Послѣ вышедшаго отсюда второй.

Вѣринька.

(Принявъ его за садовника.

Приготовь для праздника вязь съ повелицей.

Кондратій.

Вязь съ повелицей! — На что это?

Вѣринька.

Не твое дѣло.

Кондратій.

Слушаю.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

За нимъ тотчасъ входитъ Кондратій садовникъ.

Пашинька.

Ты! третій Кондратій?

Кондратій.

(Садовникъ).

Послѣ двоихъ я третій.

Пашинька.

(Принявъ его за музыканта).

Чтобъ былъ готовъ рогъ съ барабаномъ.

Кондратій.

Ахти! готовъ что ли отпуживать? Но у насъ ихъ нѣтъ.

Пашинька.

Что велятъ, то дѣлай.

Кондратій.

Быть такъ, когда господа приказываютъ.

(Уходитъ).

Баринька и всѣ.

(Вслѣдъ ему кричатъ).

Постой постой, Кондратій. Когда изготовите, то приходите всѣ сюда, и покажите маменькѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Миловидова.

Миловидова.

Вы все-таки не унимаетесь шумѣть, что вамъ ни говори. *(Осматривается въ зеркало)* Вотъ я принарядилась. — Хорошо ли?

Всѣ.

(Около ся прыгая, бьютъ въ ладоши).

Хорошо, маменька, очень хорошо. Кабы мы большія были такія!

Миловидова.

Не тужите, вырастете; будьте только умны. Но пора и вамъ одѣваться: вечеръ на дворѣ, того и смотри, что гости нагрянутъ.

(Дѣти уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Миловидова.

(Одна).

Умненькія миленькія дѣвочки! Хоть свое рожденіе, но какъ не похвалить? — Да здѣсь, полно, никого нѣтъ; я бы при людяхъ этого не сказала; а то насмѣшники тотчасъ разнесутъ, просвицуютъ, что я ихъ балую.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Миловидова и Федосья.

Миловидова.

Что, ты, Феша?

Федосья.

Кондратья пришли, сударыня.

Миловидова.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Три Кондратыя, держаще въ рукахъ: 1-й, туръ (или парикъ) и свернутое бѣлье; 2-й, горшочекъ тюльпановъ, окладенный мохомъ; 3-й, бась со скрыпкою.

Миловидова.

Приготовили ль, друзья мои, что вамъ приказывали дѣти?

Кондратій.

(Всѣ шрос вдругъ).

Все готово, сударыня.

Миловидова.

(Къ Кондратію, камердинеру).

Гдѣ жь?

Кондратій.

Вотъ здѣсь.

Миловидова.

Да что это?

Кондратій.

Туръ съ панталонами.

(Кладетъ на столъ).

Миловидова.

Какъ? Тебѣ приказывали куръ съ шампиньонами.

Кондратій.

Мнѣ такъ слышалось.

Миловидова.

Какой вздоръ! *(Къ Кондратію садовнику).* У тебя что?

Кондратій.

Мохъ съ тюльпаномъ.

(Ставитъ на столъ).

Миловидова.

Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

Кондратій.

Я не музыкантъ.

Миловидова.

(Къ Кондратью, музыканту).

У тебя что? — Визъ съ повелицей?

Кондратій.

Нѣтъ! — Басъ со скрипичей.

(Кладетъ на столъ).

Миловидова.

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Откуда вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

Кондратьи всѣ трое.

Намъ барышни такъ приказали.

Миловидова.

Не можетъ быть. Позови сюда, Фодосьюшка, барышень.

(Фодосья уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, кромѣ Фодосьи.

Миловидова.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. Я имъ на носъ нарубила, кому что приказать.

Кондратій 1-й.

Я вѣрпокъ на ухо, и приготовилъ по своей должности, что баринъ всякій день носить.

Кондратій 2-й и 3-й.

А мы точка въ точку то сдѣлали, что намъ велѣно

Миловидова.

(Сердито).

Что за безтолковщина? — Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому

прикажи, того спроси, и увидишь хоть Кондратья, да не Кондратья? Оедоть, да не тотъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тфу какая пропасть! Да вѣдь барышни васъ видѣли?

Кондратьи всѣ.

Видѣли.

Миловидова.

И сами съ вами говорили?

Кондратьи всѣ.

Говорили.

Миловидова.

И такъ онѣ что нибудь вамъ приказывали?

Кондратьи всѣ.

Приказывали.

Миловидова.

Для чего жъ вы не то сдѣлали, что вамъ приказывали?

Кондратій 1-й.

Отъ того, какъ я ужъ сказалъ...

Кондратій 2-й.

Мы позамялись-было.

Миловидова.

Да что жъ?

Кондратій 3-й.

Но господамъ мало ли какія нескладницы въ голову приходятъ: то мы и исполнили.

Миловидова.

Да вотъ и дѣти идутъ: посмотримъ, кто изъ васъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Варинька, Вѣринька и Пашинька *съ нарядами*
матрѣяхъ, и Федосья.

Варинька.

Чего изволите, маменька?

Миловидова.

Что вы, проказницы, начудесили? Вертушки, вѣтреницы! — А я васъ еще хвалила.

Вѣринька.

Мы ничего не сдѣлали дурного.

Пашинька.

Кромѣ того, что вы приказывали.

Миловидова.

Какъ ничего? Спросите ихъ сами, что они надѣлали. То ли вы приказывали?

Варинька.

(Къ Кондратію, камердинеру).

Я тебѣ приказала приготовить куръ съ шампиньонами.

1-й Кондратій.

Мнѣ послышалось: туръ съ панталонами.

Вѣринька.

(Къ Кондратію, садовнику).

Тебѣ я велѣла вязъ съ повелицей.

2-й Кондратій.

Нѣтъ, басъ со скрипичей.

Пашинька.

(Къ Кондратію, музыканту).

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3-й Кондратій.

Нѣтъ, мохъ съ тюльпаномъ.

Миловидова.

(Кондратьева.)

Какая чертовщина! — Да кто изъ васъ первый, кто второй и кто третій Кондратій?

Кондратій.

(Коммердинеръ.)

Я первый Кондратій.

Кондратій.

(Садовикъ.)

Нѣтъ: ты первый Кондратій по дому, а по мастерству я первый Кондратій.

Кондратій.

(Музыкантъ.)

Нѣтъ: ты второй Кондратій по дому, а я первый былъ у барышень.

Миловидова.

Смотри, пожалуй, разбери между ими: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватаго, найди тутъ толкъ! Но истину сказать, я сама не права. По склонности къ дѣтямъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вотъ и вышлемъ болтунь. Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя? — У насъ на Руси въ дворянскихъ домахъ, по безчисленной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случаются такіа суматохи; а особливо, гдѣ много Кондратьевъ. Но какъ же быть? Свое все мило. — Что жъ вы молчите? Дайте мнѣ виноватаго.

(Дѣти и Кондратьи спорятъ, сердятся, толкаются другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатѣ; мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

Х о р ь.

Кондратій.

(Коммердинеръ.)

Я первый Кондратій,
Мой туръ съ панталоны.

Варинька.

Не могъ ты поняти, —
Твой куръ съ шампиньоны.

Кондратій.

(Садовникъ.)

Второй я Кондратій,
Мой вязъ съ повелицей.

Вѣринька.

Нѣтъ очень не кстати, —
Твой басъ со скрипницей.

Кондратій.

(Музыкантъ.)

Я третій Кондратій,
Мой рогъ съ барабаномъ.

Пашинька.

Не долженъ ты лгати, —
Твой мохъ со тюльпаномъ.

Барышни и Кондратыи.

(Вся вообще.)

Мой туръ съ панталоны,
Туръ, туръ, туръ.
Нѣтъ! куръ съ шампиньоны,
Куръ, куръ, куръ.
Мой вязъ съ повелицей,
Вязъ, вязъ, вязъ.
Нѣтъ! басъ со скрипницей,
Басъ, басъ, басъ.
Мой рогъ съ барабаномъ,
Рогъ, рогъ, рогъ.

НѢТЬ! МОХЪ СО ТЮЛЬПАНОМЪ,
МОХЪ, МОХЪ, МОХЪ.

Миловидова.

Да долго ль вамъ орать и спорить! Сумасшедшіе! бѣшеные! Перестаньте, перестаньте, а не то я васъ всѣхъ уйму.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Колдунья. Старуха въ черномъ платѣ, сгорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ. Увидя ее, всѣ умолкають.

Колдунья.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано этакого со-дому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни ко-лыхнуть, ни шелохнуть; а вы заварили такую кашу!

Миловидова.

Добро пожаловать, старушка! Ты, конечно, воро-жеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? — Однѣ говорили, а другіе слушали: но не то надѣлали. Ужъ никакъ, право, не спроста! — Перепутались такъ, что голова, право, вокругъ идетъ.

Колдунья.

(*Оглядываясь съ головы до ногъ.*)

О, милыя мои! не безъ лихихъ людей. Похимостили, проклятыя; завязали глазоньки, отняли красное сол-нышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. Видно напущено. Всякой приказывать гораздъ, а исполнять никто. Но можно пособить этому. Я помаракую. По-дите ко мнѣ, Кондратьюшки, и вы, любезныя дѣтунки, поближе. Я уже слѣпа, (*надвоя очки*) худо вижу. (*Шеп-четъ въ платокъ.*) Вотъ на! Беспорядица, беспорядица, мать моя! По дѣтскимъ приказамъ не въ очередь, не кстати, не благословясь, не свой, а чужія дѣла, по пересказамъ, по переговорамъ, пѣсколько Кондратьевъ, не зная, кто первый, кто послѣдній, въ угожденіе прихотей вашей милости, должны были исполнить; а

ты, мой свѣтъ! сама за ними не посмотрѣла: то чего тутъ добра ждать? Всталъ дымъ коромысломъ, и вся эта кутерьма отъ Кондратьевъ.

Миловидова.

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я виновата. Какъ же быть? Но досаднѣе всего, что праздникъ не въ праздникъ. Хозяинъ разгорячится, хозяйка перетрусится; вмѣсто удовольствія, выйдетъ неприятность.

Колдунья.

(Сбрасывая съ себя черное платье и маску, открывается хозяйкою дома.)

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои дѣвушки! *(Бьѣхъ ихъ цѣлуя.)* Вы неприятности мнѣ ни какой не сдѣлали. Все къ празднику готово. Я иногда слыхала, что вы роптали на безпрестанные мои хлопоты по хозяйству, и винили меня за то, что я очень заботлива: то чтобъ доказать вамъ того необходимость и оправдать себя предъ вами, я вымыслила эту шутку, и притворяясь больною, сыграла комедію, чтобы вы сами видѣли: что не свой глазъ, не любой кусъ.— Кутерьма отъ Кондратьевъ!

Общій хоръ.

Дома въ устройствѣ,
 Духа въ спокойствѣ
 Все счастье лежитъ.
 Милы пролады,
 Гости гдѣ рады
 Поѣсть и попить;
 Оставля дѣль вздоры,
 Попрыгать подъ хоры,
 Въ деревнѣ пожить.

НА Д П И С И.

1.

КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I.

Кто Царь сей — межъ Царей? — чья блещетъ такъ
порфира?

По бронѣ Александръ, по взору Аполлонъ;
Летать за Нимъ орлы — какъ на побѣду міра!
Такъ! вѣрно побѣдить, но благостию — Онъ.

2.

КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ.

Какъ лилія весной и роза среди лѣта,
Въ уединеніи благоуханье леть:
Такъ скромностью Своей сердца къ Себѣ влечетъ,
Умомъ и красотой — Владычица полесвѣта.

3.

КЪ ПОРТРЕТУ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Сбери Рафаэль огонь — съ очей Его души:
Россіи Марса напиши!

4.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ КАНТЕМИРА.

Старинный слогъ его достоинствъ не умалить:
Порокъ, не подходи! сей взоръ тебя ужалить!

5.

НА ГРОБЪ ШЕЛИХОВА (*).

Колумбъ здѣсь Русскій погребень:
Преплыль моря, открыль страны безвѣстны;
Но зря, что все на свѣтъ тлѣнь —
Направилъ паруса во Океанъ небесный.

6.

КЪ ПОРТРЕТУ ПРЕОСВЯЩЕННАГО
ИННОКЕНТІЯ ПСКОВСКАГО,
скончавшагося 20-го Января 1799.

Витія! о тебѣ не возгласимъ похвалъ:
Гласъ Краснорѣчія для праведника малъ.

(*) Рыльскаго именитаго гражданина, обошедшаго свѣтъ и покорившаго Россіи нѣсколько дикихъ острововъ въ Сѣверной Америкѣ, 1794 года.

7.

КЪ ГРОВНИЦЪ ВЕЛЬМОЖИ И ГЕРОЯ.

Въ семь мавзольеѣ погребень
 Примѣръ сіянїя людскаго,
 Примѣръ ничтожества мірскаго,
 Герой—и тлѣнь.

8.

КЪ ПОРТРЕТУ М. М. ХЕРАСКОВА.

Любимецъ Русскихъ Музъ (въ немъ нашъ Виргилій
 цвѣль)
 Монарховъ подвиги, дѣла Героевъ пѣль:
 Се видь его лица, души—стихи свидѣтель,
 А жизни—добродѣтель.

9.

НА КОМЕДИЮ: НЕДОУМЪНІЕ,
 СОЧИНЕННУЮ
 ЕКАТЕРИНОЮ II, 1789.

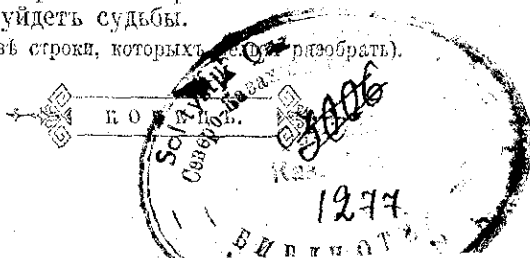
Какое восхищенье!
 Какой восторгъ сердце!
 И самое Недоумѣнье
 Даетъ Тебѣ вѣнецъ.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА,

писанные на аспидной доскѣ, хранящейся въ Императорской
 Публичной Библиотекѣ.

Рѣка время въ своемъ стремленьи
 Уносить всѣ дѣла людей,
 И топить въ пронасти забвенья
 Народы, Царства и Царей.
 А если что и остается
 Чрезъ звуки лиры и трубы,
 То вѣчности жерломъ пожрется —
 И общей не уйдетъ судьбы.

(Далѣе еще двѣ строки, которыхъ не удалось разобрать).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Біографія	3.
Богъ	11.
Фелица	15.
Видѣніе Мурзы	25.
Къ царевнчу Хлору	31.
Благодарность Фелицѣ	35.
Изображеніе Фелицы	37.
Вельможа	53.
Приглашеніе къ обѣду	60.
Водопадъ	62.
Памятникъ	78.
Рѣшемыслу	—
Къ первому сосѣду	83.
На смерть князя Менсерскаго	85.
Ключъ	88.
Властителюмъ и судимъ	89.
Приношеніе	91.
Царь-Дѣвица	93.
На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока	99.
Амуръ и Пшннея	102.
Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря	103.
Развалины	109.
Къ женщинамъ	112.
Соловей во снѣ	113.
Венеринъ судъ	—
Плачь царцы	114.
Оковы	116.
Басня	—
Торжество восшествія на престолъ импер. Екатерины II	117.
Описаніе торжества, бывшаго по случаю взятія Измаила	121.
Время	145.

Весна	146.
Память другу	148.
Монументъ милосердію	151.
Літо	153.
Осень	156.
Четыре возраста	157.
Г. Озерову. На приписаніе Эдипа	158.
Радуга	160.
Евгенію. Жизнь Званская	162.
Лебедь	170.
Срѣщеніе Орфея съ солнцемъ	172.
Аристишова баня	173.
Эхо	177.
Жилище богини Фриггя	178.
Новгородскій волхвъ Злогоръ	182.
Римскому народу	185.
Къ Меркурію	186.
Къ Каліопѣ	187.
Прологъ аллегорическій	190.
Прологъ на рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока	196.
Кутерьма отъ Кондратьевъ	207.
Надписи: 1) къ портрету Императора Александра I-го.	
2) Къ портрету императрицы Елисаветы Алексѣевны.	
3) Къ портрету Великаго Князя Константина Павловича.	
4) Къ портрету князя Кантемира. 5) На гробъ Шелихова.	
6) Къ портрету Преосвященнаго Иннокентія Псковскаго.	
7) Къ гробницѣ Вельможи и Героя. 8) Къ портрету	
М. М. Хераскова. 9) На комедію «Недоумѣніе»	225.
Послѣдніе стихи Державина, писанные на аспидной доскѣ	226.

